

Ю.К.КИРИЕНКО

---

Издательство  
"Мысль"  
Москва

---

# Крах калединщины

Ю. К. КИРИЕНКО

# Крах калединщины



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Москва • 1976

9(С)21  
К43

РЕДАКЦИИ  
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К  $\frac{10604-104}{004(01)-76}$  68-76

© Издательство «Мысль». 1976

# ВВЕДЕНИЕ

Великий Октябрь — закономерный результат развития общества — открыл эпоху всеобщего революционного обновления мира, эпоху перехода от капитализма к социализму. Октябрьская революция оказала глубочайшее воздействие на весь последующий ход мировой истории. Изучение истории Великого Октября — проблемы непреходящей ценности и актуальности — является важной задачей советской исторической науки.

Марксизм-ленинизм учит и исторический опыт подтверждает, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Реакционные силы, объединившись, делали все, чтобы задушить молодую Советскую республику. Атаманско-кулацкая верхушка донского казачества с генералом Калединым возглавила один из основных очагов всероссийской контрреволюции. В кульминационный момент борьбы с каледищиной В. И. Ленин писал: «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию. Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции»<sup>1</sup>. Подавление калединской авантюры было важным условием развития социалистической революции и упрочения Советской власти.

Борьба трудящихся Страны Советов с калединским мятежом привлекала и привлекает внимание исследователей как в нашей стране, так и за рубежом. Во всех общих трудах по истории Великого Октября содержатся краткие очерки по этой проблеме. Ей посвящено немало статей и воспоминаний. Тем не менее тема эта монографически не исследована. Отдельные ее вопросы начали разрабатываться сразу же после окончания гражданской

войны активными участниками борьбы за власть Советов. Это связано, как правило, с деятельностью Истпарта, который подготовил ряд сборников воспоминаний, документов и брошюр очеркового характера, воссоздавших отдельные эпизоды борьбы с каледищиной<sup>2</sup>. Определенное место в историографии о каледищине и ее крахе занимает интересный труд В. А. Антонова-Овсеенко, в котором сочетаются воспоминания с исследованием документальных источников<sup>3</sup>. Первые попытки изучения разгрома каледищины были проведены военными историками, которые в кратких военно-исторических очерках рассказали о боевых операциях против донских мятежников<sup>4</sup>.

Значительными исследованиями об Октябрьской революции и гражданской войне на Дону и Северном Кавказе явились работы Н. Л. Янчевского, И. И. Борисенко, содержащие ценный фактический материал, систематизированный и обобщенный<sup>5</sup>. Авторы сделали правильный вывод, что одна из основных причин разгрома каледищины заключалась в отходе от нее казачьих масс. Однако в своих работах они слабо раскрыли роль Коммунистической партии и рабочего класса в борьбе за власть Советов на Дону. Указывая на классовое расслоение среди казачества и крестьянства на Дону в 1917 г., они тем не менее допустили ошибки в оценке движущих сил революции, явно преувеличили сословный момент.

Из работ сороковых годов необходимо отметить монографии Э. Б. Генкиной и И. М. Разгона<sup>6</sup>, в которых рассматривалась деятельность Коммунистической партии по организации разгрома каледищины, была определена роль рабочего класса Дона в борьбе с мятежниками, правильно определены движущие силы революции в крае, выяснено, что основные противоречия в донских селах и станицах были не сословные, а классовые. Деятельность большевистских организаций Дона в борьбе с каледищиной, преимущественно в его промышленных районах, раскрыта в работе П. В. Семернина, М. Н. Корчина, Я. Н. Раенко<sup>7</sup>. Однако труды эти не избежали ошибок, характерных для литературы того периода.

Особо следует остановиться на вышедших в 1935 и 1943 гг. первых двух томах коллективной пятитомной работы «История гражданской войны в СССР»<sup>8</sup>, которые во многих отношениях и теперь сохраняют свое на-

учное значение. Однако, определив роль и место казаков в планах борьбы всероссийской реакции против социалистической революции, авторы односторонне рассматривали казачьи районы только как очаги контрреволюции, что привело их к некоторым ошибочным положениям.

После XX съезда КПСС тема борьбы с калединщиной получила дальнейшее освещение в ряде коллективных трудов, монографий, диссертаций. Об этом кратко говорится в общих работах московских исследователей по истории Октябрьской революции. Продуктивно изучают данную тему историки Дона и Донбасса. Н. Гончаренко осветил борьбу с калединщиной в шахтерских районах Донбасса. Л. И. Берз, К. А. Хмелевский воссоздали картину борьбы за власть Советов трудящихся Дона, действующих в специфических условиях казачьей области. Однако многие вопросы исследования разрешены авторами конспективно. Двумя изданиями вышли «Очерки истории большевистских организаций Дона». В них раскрыта деятельность большевиков области по мобилизации масс и руководству борьбой трудящихся против калединской контрреволюции, за торжество Советской власти. В последнем издании «Очерков» авторы дали новую оценку тактики большевиков Ростова в ноябре 1917 г., рассматривая ее как попытку создания широкого фронта трудящихся на борьбу против Каледина. В кандидатских диссертациях В. Н. Ивановой и В. Н. Сергеева рассматриваются аграрные отношения и борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями на Дону в период триумфального шествия Советской власти<sup>9</sup>.

Необходимо отметить, что начиная с 60-х годов авторы стремятся более глубоко и всесторонне изучить данную проблему путем локальных исследований различных вопросов. В эти годы появился ряд статей<sup>10</sup>, раскрывающих роль В. И. Ленина в руководстве борьбой против калединской контрреволюции, опубликованы статьи о борьбе рабочего класса (в частности, его шахтерского отряда) и фронтового казачества против Каледина, о попытке созыва съезда Советов Дона и возникновении первых большевистских организаций в казачьих районах Верхнего Дона и др. Получили освещение и такие важные вопросы, как расстановка и соотношение классовых сил в Донской области в дни Великого Октября, а также подготовка «второй корниловщины» на Дону<sup>11</sup>.

Наряду с достижениями в изучении темы за последнее время выявились и недостатки. Если в 20-х годах некоторые исследователи делали неправильный вывод о контрреволюционности большинства казачества, то теперь имеет место обратная тенденция — обеление казачества, преувеличение его революционной роли в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Эта тенденция прослеживается в работе Д. С. Бабичева<sup>12</sup>, который упростил и вульгаризировал поведение казачьих масс в революции, не показав их трудного, сложного, порой противоречивого пути. С точкой зрения автора нельзя согласиться, она подвергнута справедливой и аргументированной критике<sup>13</sup>.

Можно сделать вывод, что советские историки сделали немало в изучении темы, но ряд кардинальных вопросов еще нуждается в глубокой и всесторонней разработке, в уточнении и выявлении некоторых важных аспектов борьбы с каледищиной.

В данной монографии ставится цель исследовать историю возникновения, развития и краха каледицкого мятежа, при этом главное внимание уделяется именно истории борьбы трудящихся Советской России под руководством Коммунистической партии за ликвидацию этого опаснейшего очага всероссийской контрреволюции.

Автор, не ограничивая исследование рамками административно-территориального деления, пытается более полно показать борьбу против Каледина, изучает обстановку и соотношение классовых сил революции и контрреволюции на Дону и их изменение в ходе борьбы с каледищиной. В монографии раскрывается роль ЦК РСДРП(б), СНК и В. И. Ленина в мобилизации сил революции на подавление мятежа и в выработке основ политики по отношению к казачеству, а также в исследовании тактики местных большевистских организаций, действовавших в специфических условиях казачьей области, и показ ее особенностей. Необходимо еще раз детально проанализировать тактику большевистских организаций Дона в ноябре 1917 г., ибо этот вопрос в советской исторической литературе рассмотрен не однозначно<sup>14</sup>, даже имеет прямо противоположные точки зрения<sup>15</sup>. В работе всесторонне анализируется лагерь казачьей контрреволюции в канун и дни Великого Октября, на который рассчитывала русская буржуазия в сво-

ей борьбе с социалистической революцией; раскрывается антинародная политика калединского режима, его связи с корниловской контрреволюцией и кадетской партией, которая явилась вдохновителем и организатором этого путча, а также роль и место мелкобуржуазных партий в период борьбы с калединским мятежом и международного империализма в разжигании этой авантюры.

Методологической основой и важнейшим историческим источником послужили для автора труды В. И. Ленина, документы Коммунистической партии и Советского правительства, определяющие политику Советского государства по отношению к донскому казачеству. В работах В. И. Ленина раскрываются особенности социально-экономического развития казачьих районов Дона, цели калединской контрреволюции и причины ее краха, поведение казачьих войск на различных этапах развития революции.

В книге использован большой круг разнообразных источников: партийные документы, статьи и речи видных деятелей большевистской партии и Советского государства, многочисленные документальные публикации, периодическая печать различных политических направлений за 1917—1918 гг. Важным дополнением к документальным публикациям и периодической печати являются мемуары активных участников борьбы с Калединым, а также исходящие из вражеского стана. Проанализирована по данной проблеме и зарубежная литература.

Свое исследование автор подкрепляет архивными документальными материалами из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ), Партийного архива Ростовского обкома КПСС (ПАРО), государственных архивов Ростовской области (ГАРО) и Краснодарского края (ГАКК), Центрального государственного архива Северо-Осетинской АССР (ЦГА СО АССР).

Многообразие исторических источников дает возмож-



ность наиболее полно и глубоко исследовать историю борьбы трудящихся Советской России под руководством Коммунистической партии против кадетско-калединской контрреволюции.

\* \* \*

Область войска Донского являлась одной из тех аграрных окраин Европейской России, где гражданская война началась сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде. Возникновение калединского мятежа на Дону было обусловлено рядом социально-экономических и политических причин. Донская область, площадью 144 586 квадратных верст, граничила с Кубанской областью, Ставропольской, Астраханской, Саратовской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями, насчитывала в 1917 г. немногим более 4 млн. населения<sup>16</sup>. Из них казаков (войсковое сословие) — 1 507 178, коренных крестьян (потомков бывших крепостных донских помещиков) — 878 330 и иногородних (в основном крестьян, пришедших на Дон после реформы 1861 г.) — 863 262<sup>17</sup>. (Данные без учета сведений ростовского градоначальства, в которое входили Ростов и Нахичеван с прилегающими поселениями, с населением около 300 тыс. человек.) Рабочий класс Дона к этому времени насчитывал 220 тыс., а вместе с членами семей составлял примерно 800 тыс.<sup>18</sup>

Промышленность Дона накануне Октябрьской революции была довольно развита. Основу ее составляли горная, металлургическая, металлообрабатывающая и пищевая отрасли, сосредоточенные в юго-западной части области (Таганрогском, Ростовском и Черкасском округах). Здесь был практически сосредоточен почти весь пролетариат области. Крупные предприятия с численностью рабочих свыше 500 человек составляли 5% общего числа предприятий области, однако на них было сосредоточено 40% всех рабочих Дона<sup>19</sup>. Это говорит о довольно высоком уровне концентрации промышленности, способствовавшей организованности и классовой сознательности рабочих. Высокий уровень концентрации производства, служивший основой для монополистических объединений, был характерен на Дону для горной и металлургической промышленности, сосредоточенной в восточной части Донбасса. Большинство предприятий этих

отраслей промышленности входило в крупнейшие российские синдикаты «Продуголь» и «Продамет». Значительную роль в промышленности Дона, как и Донбасса в целом, играл иностранный капитал, в особенности французский и бельгийский.

В годы мировой войны вместо мобилизованных в армию кадровых рабочих на предприятия пришли женщины, подростки и даже дети. Пополнение рядов рабочего класса шло главным образом за счет разорившихся местных крестьян и ремесленников и беднейшего казачества. В целом к началу Октябрьской революции на Дону около 75% шахтеров и 85% промышленных рабочих не имели связей с землей и были подлинными пролетариями<sup>20</sup>. Империалистическая война, вызвавшая резкое обострение нужды и бедствий рабочего класса, способствовала быстрому назреванию революционных настроений в его среде и повсеместно усиливала борьбу против существующего строя. Основные промышленные центры Дона — Ростов, Таганрог, Александровск-Грушевский, Макеевка, Сулин — имели славные традиции классовой борьбы против царизма. В канун Великого Октября донская большевистская организация, насчитывавшая в своих рядах до 7 тыс. членов партии, руководила рабочим и революционным движением в крае<sup>21</sup>.

В Донской области к 1917 г. капиталистическая система преобладала в сельском хозяйстве. Это был один из районов довольно крупного торгового земледелия, снабжавший внутренний и внешний рынки хлебом. Основу экономики области составляло сельскохозяйственное производство. Однако развитие капитализма в сельском хозяйстве Дона имело ряд особенностей, и в первую очередь наличие казачьего сословия, которое сохранило «особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»<sup>22</sup>. В. И. Ленин относил районы, населенные казаками, к самым патриархальным местностям «со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых»<sup>23</sup>. Неоднократно отмечая, что на Дону «всего больше зажиточных крестьян, живших наемным трудом, эксплуатирующих чужой труд, поставленных в постоянную борьбу с пришлым населением крестьянским», В. И. Ленин, однако, указывал, что «здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин)...»<sup>24</sup>.

Особенность аграрных отношений на Дону в 1917 г. заключалась в том, что сельское население делилось на сословия, имевшие неравные права на землю, что играло немаловажную роль в расстановке классовых сил в Донской области. Из 15 011 040 десятин пахотной земли в области 12 080 948 десятин являлись собственностью войска Донского<sup>25</sup>. Казачество — военно-служилое сословие, составлявшее около 40% населения Дона, — владело до 80% земли. Земельный надел полагался каждому казаку, достигшему 17 лет, в качестве материального обеспечения его военной службы (феодалная форма пользования землей). В 1916 г. на каждого казака приходилось в общем 10,43 десятины удобной земли<sup>26</sup>. Однако между станицами и хуторами земля распределялась неравномерно. Даже по официальным данным, 50% общего числа станиц были малоземельными. Во многих станицах средний надел земли на одного казака-пайщика накануне революции составлял не более 5—6 десятин<sup>27</sup>.

Развитие капитализма, а также первая мировая война усилили классовую дифференциацию казачества. В 1917 г. 26,8% казачьих хозяйств Дона не имели инвентаря, 16,3% — рабочего скота. Почти половина казаков вынуждена была сдавать в аренду частично или полностью свои наделы. В канун Октябрьской революции около 30% казачьих хозяйств были бедняцкими<sup>28</sup>. В обстановке развивающихся капиталистических отношений сам характер военной службы казаков способствовал их разорению. Немногие казаки могли сделать «справу» за свой счет. Большинство казаков снаряжалось за счет станичных средств с условием возврата. Часть земельного надела отбиралась у него под залог и сдавалась в аренду. Казачья беднота становилась вечным должником станичных правлений. Казачья община разрушалась. Часть казачества пролетаризировалась, уходя на заработки в города. Разорение бедняцких хозяйств вело к укреплению кулацкой верхушки. К 1917 г. более 30% казачьих хозяйств были кулацкими и зажиточными. Нередко такие хозяйства имели по несколько сот десятин земли, широко использовали новейшие сельскохозяйственные машины и наемный труд батраков. Процесс дифференциации происходил в каждой донской станице и хуторе, разлагая казачество изнутри. С ее углублением усиливалась классовая борьба между казачьей беднотой

и кулацкой верхушкой. Однако в силу специфических особенностей военно-сословной организации казачества эта борьба носила более скрытый характер, чем классовая борьба среди крестьянства.

Самодержавие, рассматривавшее казачество как опору трона, стремилось сохранить феодальный характер казачьей общины. Поэтому оно искусственно пыталось задержать расслоение казачества и укрепить сословные перегородки, отделявшие его от общедемократического движения. В. И. Ленин, отмечая особенности войскового землевладения, писал, что «казачьи земли... представляют из себя настоящую муниципализацию», казаки в среднем имеют по 52 десятины на двор, крестьяне — по 11 десятин. «На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»<sup>29</sup>. Сохранение феодального характера землепользования рассматривалось царизмом как одно из условий борьбы с революцией, способствующей консолидации контрреволюционных сил. Царское правительство разжигало сословную вражду казаков по отношению к крестьянам и рабочим под лозунгом «Дон для донцов». Культивируя исключительность казачества, наделенного определенными привилегиями, оно пыталось отгородить его от трудящихся России. Более того, царизм широко использовал казачьи части в качестве полицейской силы для подавления революционных выступлений рабочих и крестьян, что, естественно, накладывало определенный отпечаток на отношения между ними. Все это сдерживало классовое расслоение казачества, затрудняло рост классового сознания трудовой его части и приобщения к революционному движению.

В намного худшем положении, чем казачество, находилось коренное крестьянство области, проживавшее преимущественно в Таганрогском, Ростовском и Донецком округах. Здесь же в основном было сосредоточено и землевладение донских помещиков, превышающее 800 тыс. десятин в 1917 г.

Столыпинская аграрная реформа ускорила процесс пролетаризации в донской деревне. В 1917 г. в волостях

области, где основную массу сельского населения составляло коренное крестьянство, 23,8% были безземельными. О степени разорения широких масс донского крестьянства говорят данные сельскохозяйственной переписи. В 1917 г. в волостях области 31,1% хозяйств не имели инвентаря, 30% — рабочего скота и 26% — коров<sup>30</sup>. Наряду с этим обогащалась кулацкая верхушка. В 1917 г. в области 21% хозяйств владело более 75% всей земли, принадлежащей крестьянам, тогда как на долю 79% крестьянских хозяйств приходилось менее 25% земельной площади<sup>31</sup>.

Особенно в тяжелом и бесправном положении находилось иногороднее крестьянство. За право проживания на казачьих землях иногородние были обложены особым налогом, так называемой посаженной платой. Нередко казачья администрация практиковала массовые насильственные выселения иногородней бедноты из станиц и с арендованной войсковой земли. В 1917 г. из 55 894 хозяйств иногородних крестьян в станицах и на войсковой земле 94,8% совсем не имели земли, 58,2% — рабочего скота, 65,1% — инвентаря и 56,9% — коров<sup>32</sup>. Подавляющее большинство иногородних было самой угнетенной частью донского крестьянства, подвергавшейся жесточайшей эксплуатации со стороны казачьей администрации, кулачества и помещиков; уделом их было батрачество. Хозяйство донских крестьян велось в основном на арендованной земле. Обрабатываемая коренными крестьянами земля была в 2 раза, а у иногородних в 120 раз больше их надела<sup>33</sup>.

В годы первой мировой войны посевные площади в области сократились (к 1917 г.) более чем на 23% (по сравнению с 1913 г.). Это произошло в связи с мобилизацией в армию значительной части трудоспособного мужского населения. В 1917 г. на Дону 111 798 крестьянских хозяйств остались без работников, т. е. почти 26% всех хозяйств области, а 96 тыс. крестьянских и казачьих хозяйств были беспосевными. Все это вело к обнищанию середняцких и бедняцких хозяйств. Тысячи разоренных крестьянских и казачьих семей бросали свои хозяйства и нанимались в батраки. В хозяйствах крупных землевладельцев, коннозаводчиков и богатых хуторян, составлявших лишь 0,5% всех хозяйств области, было сосредоточено 32% сельскохозяйственного пролетариа-

та<sup>34</sup>. Империалистическая война ускорила расслоение крестьянства и казачества и еще более обострила классовые противоречия, которые были главными и определяющими в их среде. Однако в силу существования войсковой «муниципализации» и в целом лучшего обеспечения казаков землей на Дону к 1917 г. имелась экономическая основа для сословной вражды.

В. И. Ленин, анализируя обстановку в стране после провала корниловского мятежа, указывал, что донское казачество является одной из тех общественных сил, на которую хочет опереться буржуазно-помещичья контрреволюция в борьбе с надвигающейся социалистической революцией. Население Дона, одной из окраин России, состояло из богатых, мелких или средних землевладельцев, поэтому «здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи», — отмечал Ленин. Данная оценка находится в связи с общей характерной для мелкой буржуазии чертой — отдельные слои ее в определенной ситуации могут поддержать контрреволюцию. Накануне Октябрьского вооруженного восстания Ленин писал: «...бывает демократическая буржуазия и недемократические (способные на Вандею) слои мелкой буржуазии»<sup>35</sup>.

К октябрю 1917 г. Область войска Донского по социально-экономическому положению и соотношению классовых сил представляла, с одной стороны, район, где были сосредоточены крупные революционные силы, принявшие активное участие в борьбе за установление власти Советов, с другой — здесь была более благоприятная, чем в центральных губерниях страны, обстановка для консолидации сил контрреволюции, которые и подняли мятеж против Советской власти.

## Казачья контрреволюция в канун и дни Великого Октября

### Подготовка «второй корниловщины» на Дону

Накануне Октябрьской революции В. И. Ленин уделял немалое внимание положению, складывающемуся в казачьих областях. Это объяснялось прежде всего тем, что контрреволюция видное место в своих планах отводила именно казачьим краям, рассматривая их как плацдарм для борьбы с грядущей социалистической революцией. Важнейшая роль предназначалась самой значительной по численности казачества Области войска Донского, расположенной сравнительно недалеко от Москвы и обладавшей богатыми ресурсами угля и хлеба. Войско Донское, самое мощное и старейшее, почиталось остальными 12 казачьими войсками за «старшего брата». В 1917 г. контрреволюционные атаманско-генеральские круги донского казачества задавали тон верхушке других казачьих войск.

В работе «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин, анализируя социальную базу корниловщины, указывал, что «общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: «дикая дивизия» и казачество»<sup>1</sup>. Позже, в статьях «Кризис на зрел» и «Советы постороннего», обосновывая необходимость ускоренной подготовки вооруженного восстания и излагая его план, в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» В. И. Ленин вновь отмечал, что казачьи части Керенского являются той силой, которую контрреволюция может использовать в корниловских войсках второго призыва, в борьбе против пролетарской революции<sup>2</sup>, ибо в казачьих районах, сохранивших черты областной и сословной замкнутости, «сосредоточено было больше всего

известного количества населения, сравнительно отсталого и прочнее всего держащегося за традиции монархии и средневековья»<sup>3</sup>.

Специфика социально-экономического и политического развития казачества не могла, конечно, автоматически сделать врагами революции все его слои и группы. Как отмечал В. И. Ленин, попытка Каледина поддержать Корнилова провалилась, донской атаман «массового движения никакого не поднял в «своем» крае», так как «большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское»<sup>4</sup>. Однако до тех пор, пока власть в стране находилась в руках Временного правительства, существовала реальная опасность использования части казачества против революции, хотя В. И. Ленин отнюдь не считал выступление казачьих войск на стороне контрреволюции неизбежным.

Провал корниловского мятежа не ликвидировал причин контрреволюционных путчей, так как силы, их порождавшие, остались у власти. Сохранились эти силы и на Дону. Второй корниловский заговор неотделим от первого. Как только с корниловской авантюрой было покончено, в Области войска Донского началась подготовка «второй корниловщины». Современные буржуазные фальсификаторы истории извращают и запутывают вопрос о «второй корниловщине». Так, Р. Дэниэлс и Д. Гейер отрицают существование угрозы контрреволюции в канун Великого Октября и, повторяя домыслы П. Н. Милюкова, утверждают, что «жупел контрреволюции» большевики использовали как тактический прием для психологического давления на массы, что будто бы словами «контрреволюция», «корниловщина» они загипнотизировали одну часть русского народа и дезориентировали другую и благодаря этому получили возможность захватить власть<sup>5</sup>. Но эти измышления опровергаются многочисленными фактами<sup>6</sup>. В начале сентября в Новочеркасске войсковым правительством был созван второй большой войсковой круг. Его целью было обелить корниловский мятеж, реабилитировать атамана Каледина, замешанного в этой аванюре, подготовить и обосновать неизбежность дальнейшей борьбы с революцией, а также обеспечить постепенную консолидацию сил для нового мятежа. На предварительном совещании круга товарищ



войскового атамана М. Богаевский, выражая мнение казачьей контрреволюции, заявил: «Корнилов будет предан суду, Корнилова уничтожат, но пусть знают, что корниловщина будет жить»<sup>7</sup>. В этих словах заключалось кредо донской контрреволюции, ее стремление продолжить мятеж Корнилова.

7 сентября \* на заседании круга Богаевский наметил для донской контрреволюции целую программу действий на ближайшее будущее: «Теперь постепенно назревает сознание, что Россию нужно спасти и в тылу, и на фронте, хотя бы это и пришлось сделать с оружием в руках. Мы, может быть, доживем и до этого. К такому выводу я пришел и не считаю нужным скрывать его от вас»<sup>8</sup>. Войсковой атаман Каледин на заседании круга открыто признал свои связи с Корниловым и заявил: «Не считаю преступным, что наши взгляды о благе родины совпадают»<sup>9</sup>. 10 сентября круг выразил доверие Каледину, отметив его непричастность к мятежу. При этом и «дело» Корнилова круг охарактеризовал лишь как злостную провокацию со стороны безответственных деятелей. В тот же день Каледин был избран почетным председателем большого войскового круга<sup>10</sup>. Круг отверг требование военного министра А. И. Верховского, который приказал Каледину безотлагательно явиться в Могилев для дачи показаний следственной комиссии<sup>11</sup>. Таким образом, отстраненный от власти Временным правительством в дни корниловщины, атаман Каледин был реабилитирован контрреволюционным сборищем. Временное правительство «смирилось». Это объясняется не только его слабостью, но и далеко идущими расчетами использовать казачью контрреволюцию для борьбы с социалистической революцией. 11 сентября Керенский из Ставки дал указание Временному правительству: «Надо ликвидировать дело смелым жестом, признав объяснение Каледина удовлетворительным, и, выразив доверие казачеству, поставить на всем крест»<sup>12</sup>.

Безнаказанность донского атамана вызвала многочисленные протесты в стране. Под давлением трудящихся эсеро-меньшевистский ЦИК Советов вынужден был направить на Дон делегацию во главе с бывшим министром труда Временного правительства М. И. Скобеле-

---

\* Все даты до 1 (14) февраля 1918 г. даны по старому стилю.

вым<sup>13</sup>, которая взяла «под сомнение» калединскую попытку мятежа.

Второй большой войсковой круг принял ряд постановлений, направленных на консолидацию контрреволюционных казачьих верхов Северного Кавказа и постепенную концентрацию донских казачьих частей в Области войска Донского. Казачья контрреволюция готовила силы для борьбы против бурно развертывающегося в стране революционного движения. Была предусмотрена посылка делегации донского войскового правительства на всеказачью конференцию в Екатеринодар (по вопросу о создании федерации казачьих войск); шла речь о сохранении в области трех казачьих дивизий и пешей бригады и об отводе расстроенных казачьих частей с фронта на переформирование и отдых только на территорию Дона<sup>14</sup>.

По замыслам казачьих верхов, немалую роль в организации и сплочении контрреволюционных сил юга России должна была сыграть конференция казачьих войск и горских народов Кавказа, открывшаяся 20 сентября в Екатеринодаре. На ней были представлены Донское, Кубанское, Терское, Оренбургское, Уральское и Астраханское казачьи войска, совет «Союза казачьих войск» и контрреволюционная верхушка горских народов Кавказа. В своем постановлении конференция недвусмысленно указывала, что в случае создания Временного правительства, «не опирающегося на все главные и национальные силы страны... казачество и горцы, снимая с себя всякую ответственность, оставляют за собой свободу решений»<sup>15</sup>. В резолюции конференции содержалась идея создания союза юго-восточных федеративных областей и говорилось о необходимости немедленного образования такого союза из областей Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, о желательности присоединения к союзу тяготеющих к нему других казачьих войск, а также коренного неказачьего населения казачьих земель, горских народов Кавказа и степных народов. Открыто провозглашались контрреволюционные цели указанного союза: содействие образованию и укреплению «законной» государственной власти в стране; «обеспечение порядка и спокойствия на территории союза»<sup>16</sup>. Эта резолюция рассматривалась казачьими верхами как основа договора, заключение которого предусматривалось на очередной конференции казачьих войск

во Владикавказе. Такие политические мероприятия являлись не чем иным, как попыткой сплотить все контрреволюционные силы юга России для разгрома революционного движения, диктовались желанием развязать гражданскую войну.

24 сентября 1917 г. расширенное совещание членов ЦК РСДРП(б) с большевиками — делегатами Демократического совещания приняло резолюцию «Текущий момент и задачи пролетариата». Оценивая создавшуюся обстановку, оно констатировало факт сплочения в контрреволюционном лагере всех буржуазных групп, в частности верхов казачества, под идейным и организационным руководством партии кадетов. В резолюции указывалось, что в условиях полевения масс «господствующие классы все в большей степени должны в своей борьбе опираться исключительно на голую физическую силу сохранившегося в их руках аппарата угнетения (командные верхи армии, часть казачества и т. д.) и на поддержку со стороны международного империализма. . .». Далее отмечалось, что тактика буржуазии переживает переломный момент и что в создавшихся условиях ее политика направлена «в сторону гражданской войны против народных масс»<sup>17</sup>.

Войсковое правительство Каледина добивалось отправки на фронт революционирующихся запасных пехотных полков, расквартированных на Дону; отказывалось дислоцировать новые неказачьи части на территории области; требовало отвода казачьих войск на переформирование и отдых только на Дон, сведения казачьих соединений в более крупные единицы (до корпусов включительно) и концентрации казачьих войск в рабочих районах Дона. Каледин установил тайные контакты с Корниловым, находящимся под стражей в Быхове<sup>18</sup>, с генералом Алексеевым в Петрограде. Подготовительные мероприятия Каледина встретили «понимание» и поддержку Ставки. 6 октября генерал Духонин в телеграмме главноверху Керенскому и военному министру Верховскому сообщал: «. . . в Донской области казаки высказывают беспокойство по случаю присутствия солдат, полагаю необходимым вывести из казачьих областей запасные пехотные полки»<sup>19</sup>.

Донская контрреволюция принимала и другие меры борьбы с грядущей социалистической революцией. Под

предлогом неурожая войсковое правительство саботировало поставки хлеба в центральные районы страны и на фронт; 20 октября на своем заседании оно постановило: «Вывоз продовольственных хлебов из Донской области прекратить»<sup>20</sup>. 25 сентября горнопромышленники Донбасса\* объявили всеобщий локаут, в результате чего остановились 200 рудников и около 150 тыс. рабочих оказались безработными<sup>21</sup>.

Калединская пропаганда, пытаясь одурманить трудовое казачество, на все лады превозносила его «исключительность», предсказывала казакам великую историческую миссию в борьбе с «разбушевавшейся народной стихией».

После разгрома корниловского мятежа отношения между Временным правительством и донским войсковым правительством долго оставались холодными и неопределенными. 15 сентября уполномоченный от Донского, Кубанского и Терского казачьих войск В. К. Бардиж посетил Керенского и заявил ему протест в связи с провозглашением Временным правительством Российской республики, усмотрев в этом нарушение прерогатив будущего Учредительного собрания. В ответ Керенский заявил, что он «глубоко сожалеет о создавшемся недоразумении, благодаря которому между казачеством и правительством возникли натянутые отношения»<sup>22</sup>. Все поползновения как-то ограничить самоуправление казачьих правительств не имели успеха. Так, Временное правительство, пытаясь усилить контроль над местными казачьими правительствами, подготовило проект постановления о казачьем самоуправлении. Однако он был отвергнут казачьими правительствами и советом «Союза казачьих войск». 23 сентября Каледин в телеграмме Керенскому сообщил, что «Войсковое правительство в самой решительной и категорической форме заявляет о его безусловной неприемлемости для казачества»<sup>23</sup>. Столь же твердое возражение встретила и попытка заменить областного комиссара Временного правительства кадета-казака М. С. Воронкова. В телеграмме от 15 октября министру внутренних дел и военному министру Каледин заявил, что «назначение другого комиссара может после-

---

\* В 1917 г. значительная часть Донбасса входила в Область войска Донского.

довать только по предварительному соглашению с Войсковым правительством»<sup>24</sup>. 12 октября правительство Каледина, отражая взгляды его атаманско-кулацкой части, постановило: «Декларировать Временному правительству и местному населению о том, что Войсковое правительство, принимая во внимание общеполитическое и экономическое состояние России, вступает на путь принятия решительных, самостоятельных и ответственных мер»<sup>25</sup>.

В конце сентября Временное правительство посылает на Дон министра продовольствия С. Н. Прокоповича. В Новочеркасске он встречается с Калединым. Сообщая корреспонденту кадетской газеты «Ростовская речь» о цели визита к донскому атаману, С. Н. Прокопович заявил: «Полагаю, что старая история явилась чистым недоразумением. Временное правительство сожалеет, что получилась видимость конфликта. С генералом Калединым мы мило беседовали. Если и остались какие-либо следы, то Временным правительством они окончательно ликвидируются...»<sup>26</sup> Заявление министра Временного правительства, сделанное в то время, когда следствие по делу Корнилова и его сообщников еще продолжалось, выглядело по меньшей мере странно. Через несколько дней военный министр Верховский командует в Новочеркасск для продолжения контактов с донским войсковым правительством генерала Юденича, который уполномочен был заявить, что правительство готово пойти навстречу всем «законным пожеланиям» казачества и, «признавая ряд допущенных ошибок, считает необходимым устранить все недоразумения, в том числе и печальное недоразумение с генералом Калединым»<sup>27</sup>. 11 октября в Новочеркасске по окончании закрытого заседания войскового правительства (разбирался вопрос об участии Каледина в мятеже), отвечая корреспонденту газеты «Вольный Дон», Юденич сожалел о том, что «Временное правительство медлит сознаться в своей ошибке», хотя «давно уже убедилось, что бунта на Дону не было»<sup>28</sup>.

Из Новочеркасска Юденич пустился в вояж по Кубани и Тереку. В Екатеринодаре и Владикавказе он встречался с местными войсковыми правительствами, которые в своих телеграммах настоятельно просили Керенского, Верховского и командующего Кавказским

фронтом генерала М. А. Пржевальского о выводе армейских частей с Кубани и Терека и вводе туда казачьих войск<sup>29</sup>. Представитель Временного правительства и руководители казачьей контрреволюции быстро достигли взаимопонимания. Он телеграфирует военному министру Временного правительства: «В Донском и Кубанском казачьих войсках происходит напряженная работа по сохранению порядка и организации здоровых сил страны для спасения родины. Нахожу настоятельно необходимым: 1) немедленное издание акта о реабилитации генерала Каледина и восстановление его во всех правах; 2) признать полную правомочность создаваемых казаками органов самоуправления; 3) немедленно вывести из казачьих областей все армейские части, присутствие коих нервирует население. . . окрыляет большевиков. . . Проведение этих мер желательно к открытию 20 октября съезда в Киеве»<sup>30</sup>. План Юденича со всей ясностью раскрывал стремление контрреволюции превратить казачьи территории в важные плацдармы борьбы с революцией.

Одновременно с Юденичем в Новочеркасск прибыли члены Чрезвычайной следственной комиссии Шабловского, созданной под давлением народных масс Временным правительством по делу Корнилова. Комиссия «допросила» Каледина, Богаевского, начальника войскового штаба Араканцева и других лиц, причастных к делу о мятеже. Однако члены комиссии вели себя не как следователи, а как адвокаты. В беседе с корреспондентом газеты «Вольный Дон» член комиссии полковник Украинцев заявил: «Никакого следствия по делу о генерале Каледине не производится. . . генерал Каледин если и допрашивается, то только в качестве свидетеля. . . в настоящее время и речи не могло быть о каком-либо обвинении атамана»<sup>31</sup>. Вскоре комиссия возвратилась в Петроград.

В октябре донская казачья делегация во главе с членами войскового правительства П. М. Агеевым и И. Ф. Поляковым выехала в Петроград для выяснения отношений с Временным правительством. Одновременно войсковым правительством для участия в работе Предпарламента была выделена делегация от войска Донского в составе члена ЦК партии кадетов В. А. Харламова (комиссар Временного правительства в Закавказье), кадета М. С. Воронкова (комиссар Временного правительства на Дону) и Б. Н. Уланова (представитель от донских

калмыков-казаков), к которым в столице присоединился Агеев<sup>32</sup>. 13 октября на заседании Предпарламента, этого контрреволюционного собрания, с большой речью о «спасении Родины» выступил председатель общеказачьей фракции временного Совета Российской республики Агеев. Взяв под защиту Каледина, он потребовал установления в стране твердой власти и введения судов для строгого наказания всех «расшатывающих государственные устои». Характеризуя положение в Донской области, Агеев заявил, что «из Донецкого бассейна мы своих частей... не уберем», и одновременно потребовал от Временного правительства, чтобы оно отправило революционные пехотные полки ростовского гарнизона на фронт. Говоря о снабжении армии хлебом, он цинично заявил, что решением войскового правительства хлеб будет отправляться только «в ряды действующей, а не митингующей армии»<sup>33</sup>. И в заключение красноречиво пообещал: «Если же вы не примете протягиваемой вам казаками руки, мы сожжем ее в кулак и будем действовать им»<sup>34</sup>. Программа казачьей контрреволюции была с одобрением встречена правыми, центром и даже частью депутатов мелкобуржуазных партий. Когда Агеев сошел с трибуны, его демонстративно приветствовал Милюков<sup>35</sup>.

17 октября в Зимнем дворце донская делегация была принята Керенским. Ему вручили памятную записку войскового правительства, в которой говорилось о непричастности Каледина и донского казачества к корниловскому мятежу и выражалась просьба об их реабилитации<sup>36</sup>. Керенский оценивал поездку следственной комиссии в Новочеркасск как акт великодушия Временного правительства, при этом он вынужден был сознаться, что «Временное правительство смотрит на это (причастность к корниловскому мятежу. — Ю. К.) сквозь пальцы, ввиду тяжелых условий момента»<sup>37</sup>. Слова Агеева о том, что в настоящий момент «казаки, пожалуй, единственная сила, которая еще, по крайней мере внешне, выражает уважение и подчинение Временному правительству», и что ссора с ними вряд ли пойдет на пользу Временному правительству, которое рискует «потерять последний сук, на котором оно еще могло бы (может) держаться»<sup>38</sup>, «дошли до сердца» Керенского, и он признал события на Дону, связанные с мятежом, «тяжелым и печальным недоразумением, которое было следствием панического со-

стояния умов на юге»<sup>39</sup>. Керенский обещал делегации по окончании судебного следствия немедленно сделать официальное правительственное заявление об инциденте с казачеством. Но если Керенский шел на примирение с оговоркой, то члены его кабинета А. И. Коновалов и А. М. Никитин высказывались за прямое, открытое признание недоразумения в особом акте, обращенном к казачеству<sup>40</sup>. Среди министров Временного правительства существовали разногласия по вопросу о форме ликвидации конфликта, однако все они считали необходимым положить ему конец и шли на открытый сговор с корниловско-калединской контрреволюцией Дона.

18 октября донская делегация посетила военного министра Верховского. Она добивалась санкции на вывод запасных пехотных полков с Дона на фронт, сведения казаков в крупные воинские соединения и настаивала на том, чтобы оставить на Дону (особенно в шахтерских районах) «для порядка» не менее трех казачьих дивизий. Верховский ответил, что Временное правительство уже сделало распоряжение о сведении казаков в крупные соединения, и обещал принять меры к выводу пехоты из Донской области<sup>41</sup>. Идя навстречу генералу Духонину и казачьим верхам, военный министр с согласия Керенского сообщил Каледину: «Мною отдано приказание о постепенном выводе запасных пехотных полков из казачьих областей»<sup>42</sup>. Одновременно он телеграфировал председателю следственной комиссии Шабловскому: «Прошу сообщить, есть ли какие данные к предъявлению обвинения генералу Каледину, так как с политической точки зрения, выяснившейся работой генерала Юденича, весьма важно в срочном порядке восстановление всех прав и полная реабилитация генерала Каледина, если к тому не встречается препятствий с юридической точки зрения»<sup>43</sup>. 21—22 октября чрезвычайная следственная комиссия заслушала доклады своих членов, выезжавших в Новочеркасск для допроса генерала Каледина, а 23 октября она вынесла постановление о непричастности донского атамана к корниловскому мятежу<sup>44</sup>.

Предвидя такой оборот событий, В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г. писал: «И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по-старому*, что оно *на деле* *восстанавливает корниловщину*. Назначе-



ние Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагаринными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину»<sup>45</sup>. И действительно, в планах подавления нарастающей революции Временное правительство и реакционные генералы отводили корниловско-калединской контрреволюции немаловажную роль. Генерал Духонин рассматривал сведение казачьих частей в крупные войсковые соединения как меру по созданию мощной ударной силы контрреволюции<sup>46</sup>. Верховский в рапорте Керенскому 18 октября предлагает для борьбы с революцией использовать казачество<sup>47</sup>. Временное правительство идет навстречу требованиям казачьих верхов и разрешает казачьим частям на фронте и вне своих областей организовать самостоятельную казачью единицу по выборам в Учредительное собрание, что, без сомнения, способствовало консолидации казачьей контрреволюции<sup>48</sup>. Рассматривая Дон как свой плацдарм, реакционная военщина заранее отправляла туда большие партии оружия. 8 ноября генерал Алексеев сообщил в Ставку, что в начале октября из Петрограда и Москвы в Новочеркасск было отправлено свыше 22 тыс. винтовок<sup>49</sup>. По заявлению В. А. Антонова-Овсеенко, сделанному 23 октября на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ВРК пресек попытку контрреволюционеров отправить 10 тыс. винтовок из Кронверкского арсенала Петропавловской крепости в Новочеркасск<sup>50</sup>.

В начале августа на малом войсковом круге в Новочеркасске юридически был оформлен блок между контрреволюционной верхушкой донского казачества и кадетами<sup>51</sup>. Однако открытый союз с этой партией русской буржуазии был непопулярен и вызвал недовольство в казачьей массе. Уже через месяц, выступая 3 сентября на предварительном совещании второго большого войскового круга, Богаевский, один из инициаторов блока с кадетами, вынужден был обещать пересмотреть это постановление<sup>52</sup>. Этот маневр был предпринят им для успокоения рядового казачества, особенно фронтового. Вскоре после круга войсковое правительство юридически расторгло блок, однако фактически он сохранился. В связи с этим хорунжий Н. П. Лапин, один из антикаледински настроенных казаков, писал: «Снята была вывеска

«кадетско-казачий список» и заменена вывеской «казачий», существо же осталось прежнее»<sup>53</sup>.

С целью создания контрреволюционного единства на Дону ЦК партии кадетов разрешил членам своей партии — казакам баллотироваться в казачьем списке по выборам в Учредительное собрание<sup>54</sup>. 8 октября областная конференция кадетов в Ростове не только подтвердила допустимость такого маневра, но и указала на его желательность. Наличие двух близких по духу списков объяснялось бытовыми особенностями и историческими условиями области, самые же списки, как было заявлено на конференции, не были «враждебно конкурирующими»<sup>55</sup>.

ЦК партии кадетов поддерживал непрерывные контакты с советом «Союза казачьих войск» и Калединым. С последним связь осуществлялась через В. А. Харламова и М. С. Воронкова, неоднократно бывавших в Петрограде и присутствовавших на заседаниях ЦК кадетской партии. Осенью на Дону дважды побывал один из лидеров кадетов — М. С. Аджемов, кандидатура которого там была выдвинута в Учредительное собрание. В беседе с корреспондентом газеты «Приазовский край» он рьяно защищал Каледина<sup>56</sup>. Выступая 12 октября в Предпарламенте, Аджемов называет казачество «последней надеждой страны»<sup>57</sup>.

Большевистская партия видела возрастающую активность казачьей контрреволюции и понимала, какую опасность она представляет для революции. В ленинской резолюции о вооруженном восстании, принятой на заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября, в качестве одного из симптомов подготовки «второй корниловщины» был отмечен «подвоз к Питеру казаков»<sup>58</sup>. На расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября Я. М. Свердлов сообщил о мобилизации контрреволюции в Донецком районе<sup>59</sup>. 17 октября в «Письме к товарищам» В. И. Ленин писал о том, что «буржуазно-казацкая партия России» готовит гибель революции, что необходимо дать незамедлительный отпор корниловцам «второго призыва», ибо «промедление в восстании смерти подобно»<sup>60</sup>. Большевики энергично готовили вооруженное восстание.

Между тем подготовка «второй корниловщины» шла полным ходом. 20 октября на конференции во Владикавказе, проходившей при закрытых дверях, контрреволю-

ционные верхи Северного Кавказа заключили договор об образовании «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». В него вошли войска Донское, Кубанское, Терское, Астраханское (31 октября присоединилось и Уральское), Дагестан, горские и степные народы Терека, Кубани и Ставропольской губернии, а также горцы Сухумского округа<sup>61</sup>. Договор предусматривал создание объединенного правительства с местопребыванием в Екатеринодаре. Конференция вынесла постановление о сведении казачьих частей в более крупные соединения с командным составом из казаков, рассчитывая, что это «еще более сплотит и укрепит боевую мощь казачества»<sup>62</sup>. Создание союза встретило полную поддержку местных организаций кадетов.

Основными целями Юго-восточного союза были подавление революционного движения в крае и борьба с революцией в России. Об этом поведал в марте 1918 г. взятый в плен революционными войсками М. Богаевский. В своем «Ответе перед историей» он писал: «Союзу придавали значение главным образом политическое: в нем видели серьезную попытку поддержать и укрепить идею государственности, гибнувшей под напором анархии внутренней и бессилия внешнего, но это мыслилось нами в форме воздействия на Россию посредством оружия»<sup>63</sup>. Другой крупный деятель казачьей контрреволюции — член ЦК партии кадетов Харламов, возглавлявший объединенное правительство Юго-восточного союза (в дальнейшем белоэмигрант), в своих мемуарах также признал, что союз этот рассматривался казачьими верхами как одна из попыток «организации казачества в государственном масштабе в целях противодействия разбушевавшейся народной стихии»<sup>64</sup>. Эти заявления подтверждают, что казачий федерализм был не чем иным, как ширмой контрреволюции.

Временное правительство за несколько дней до Октябрьской революции дает разрешение на проведение в Киеве общефронтного казачьего съезда. Керенский в разговоре по прямому проводу с Духониным, который придавал большое значение этому съезду, заявил: «На 15 октября я разрешил фронтовой казачий съезд... так как надо поддержать немножко казаков»<sup>65</sup>. Предполагалось присутствие на съезде самого главверха Керен-

ского или военного министра Верховского, а также генерала Каледина<sup>66</sup>. По указанию из Петрограда съезд был перенесен на 20 октября<sup>67</sup>.

21 октября в Киеве под председательством одного из ближайших соратников Каледина — Агеева открылся собранный с контрреволюционными целями общесредовой казачий съезд. С приветствием к делегатам обратились «случайно» оказавшиеся на съезде английский консул в Киеве Дуглас и председатель Чехословацкого национального совета Масарик<sup>68</sup>. Делегат съезда П. Поздеев свидетельствует, что в их выступлениях звучал призыв к казакам «начать совместную борьбу против надвигающейся анархии со стороны русского пролетариата»<sup>69</sup>. В принятой съездом 25 октября резолюции говорилось, что казачество признает только Временное правительство и готово с оружием в руках защищать его от большевиков<sup>70</sup>.

Подготавливая «вторую корниловщину», казаки верхи рассчитывали на поддержку США, Англии и Франции. Делегации контрреволюционного казачества налаживают связи с иностранными посольствами в Петрограде. 9 октября члены совета «Союза казачьих войск» посетили американского посла Фрэнсиса. Встреча эта отразила полное «взаимопонимание сторон». Глава делегации А. А. Михеев заявил послу, что «казачество чрезвычайно ценит ту высокую дружбу, с которой президент США и вся Америка относятся к России», и подчеркнул при этом, что эта признательность высказывается не от имени того или иного казачьего войска, а от конференции, состоявшейся в Екатеринодаре, на которой были представлены главнейшие казачьи войска. Фрэнсис, с чрезвычайным вниманием выслушав делегацию, заверил, что он немедленно сообщит об этом президенту, и со своей стороны заметил, что «Америка ценит такое отношение к себе казачества, так много положившего на алтарь страны во имя ее свободы и государственного благополучия»<sup>71</sup>. А через несколько дней посол сообщил Дутову, что правительство США информировано о позиции казачества<sup>72</sup>.

16 октября донская казачья делегация в составе членов войскового правительства Агеева и Полякова, члена войскового круга Горчукова, представителей войскового штаба Сучилина и Бабкина, а также члена совета «Со-

юза казачьих войск» Калмыкова посетила английского посла Бьюкенена. Между послом и главой делегации Агеевым состоялась беседа, в ходе которой Бьюкенен недвусмысленно заявил: «Англия уверена, что в тяжелый момент, переживаемый Россией, казаки, всегда стоявшие на почве государственности и порядка, вместе с другими живыми силами страны помогут родине безболезненно выйти из тяжелых условий жизни»<sup>73</sup>. На вопрос посла, как казачество смотрит на современное политическое положение страны, Агеев ответил, что «Петроград не отражает настроений всей страны», что в глубине России «с чувством глубокой боли воспринимается то унижение национального достоинства, какое имеет место в условиях настоящего политического момента», и заверил Бьюкенена, что «сейчас уже назревает перелом, в котором Россию ожидает более здоровое направление политической жизни»<sup>74</sup>. Ответ Агеева произвел сильное впечатление на Бьюкенена, который в свою очередь заявил: «Скажите казакам, что они у нас в большом почете и мы видим в них наших друзей». Члены делегации просили Бьюкенена сообщить послам союзных держав содержание беседы, и он обещал сделать это незамедлительно. Не остается сомнения, какую роль играл Бьюкенен в подготовке «второй корниловщины». 21 октября член делегации Горчуков докладывал войсковому правительству в Новочеркасске: «Единственное светлое впечатление донская делегация вынесла из посещений английского посла сэра Бьюкенена. . . там не говорят слов на ветер»<sup>75</sup>. Деятельность делегации была одобрена калединским правительством.

Посещение казачьей делегацией Бьюкенена носило настолько контрреволюционный характер, что вызвало ропот у некоторых представителей левого крыла мелкобуржуазной демократии. Большевик Н. Суханов в своих «Записках» замечает по этому поводу: «Любопытно, что было бы, если бы российский посол в Лондоне принял депутацию синфейнеров или повел бы мирную беседу с представителями индийских повстанцев. Как реагировал бы Ллойд Джордж и Бонар Лоу? Что писали бы «Times» и «Morning Post»? . . Но наше правительство и буржуазные газеты во всяком случае промолчали. Не сказали ни слова»<sup>76</sup>. Лидеры меньшевиков и эсеров и их пресса тоже промолчали. Только большевики разоблачи-

ли преступный сговор английских империалистов с корниловско-калединской контрреволюцией. В передовой статье газеты «Рабочий путь» от 17 октября отмечалось: «Английская буржуазия и английский король держат курс на разгром российской революции. Родзянко и Каледин, Гурко и Корнилов, влиятельные «любезные» англичане в Петрограде и лондонские империалистские заправилы орудуют заодно... Между Бьюкененом, Родзянкой и Калединым установлено тесное соглашение. Теперь заговорщики против революции считают себя настолько сильными, что не делают больше тайны из своих планов».

После посещения казачьими делегациями американского и английского посольств иностранные дипломаты развернули бурную деятельность. 20 октября в Петрограде в кабинете начальника американской миссии Красного Креста в России полковника Томпсона состоялось совещание глав военных миссий США, Англии и Франции, на котором присутствовали генералы Нокс, Ниссель, Джадсон и полковник Робинс, а также адъютант Керенского Д. Соскис и русский генерал К. Ф. Неслуховский, представитель Керенского. Русские покинули затем совещание<sup>77</sup>. Томпсон и Робинс предложили план спасения правительства Керенского. Однако глава английской военной миссии Нокс выступил против поддержки Временного правительства, считая, что с революцией может покончить не шаткое правительство Керенского, а Каледин и казаки. В ноябре 1917 г. Р. Робинс писал в Вашингтон, что Нокс заявил ему: «Я не заинтересован в укреплении Керенского и Временного правительства. Единственно стоящая вещь в России — это установление... казацкой военной диктатуры... Этим людям нужна нагайка»<sup>78</sup>. Аналогичные показания давал позже Р. Робинс и в «Овермэнской комиссии» американского сената<sup>79</sup>. Точку зрения Нокса на совещании поддержал военный атташе Франции генерал Ниссель<sup>80</sup>.

Большевики Дона и Донбасса знали о возможности «второй корниловщины». 10 октября председатель Луганского комитета РСДРП(б) К. Е. Ворошилов докладывал ЦК партии, что восточный Донбасс наводнен вооруженными казаками, «контрреволюция теперь подготавливается обстоятельнее и серьезнее» и, «если суждено «корниловщине» выйти исправленным изданием, нам

первым придется довольно круто»<sup>81</sup>. 14 октября впервые собравшийся после перевыборов большевизированный Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов подчеркнул, что Россия стоит «перед лицом новой корниловщины, грандиозной провокации внутри страны и вне ее». На заседании Совета 19 октября большевики вновь указали на опасность «второй корниловщины»<sup>82</sup>. 21 октября Совет по предложению большевиков создал отдел по борьбе с контрреволюцией во главе с членом Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) И. В. Решетковым<sup>83</sup>.

Трудящиеся Дона под руководством почти семитысячной большевистской организации активно боролись за срыв планов калединской контрреволюции. В сентябре по области прокатилась мощная волна протестов против корниловско-калединской авантюры. 1 октября в Ростове многотысячная демонстрация солдат городского гарнизона протестовала против попыток отправки двух запасных пехотных полков на фронт<sup>84</sup>. 10 октября в Макеевке началась всеобщая забастовка с требованием вывода казачьих войск<sup>85</sup>. Стачки протеста прошли и в других районах Донбасса. В Ростове, Таганроге, в шахтерских поселках области рабочие приступили к созданию отрядов Красной гвардии. Принимались меры к вооружению пролетариата<sup>86</sup>. Однако силы революции на Дону были тогда временно слабее, чем силы хорошо организованной контрреволюции, и предотвратить мятеж они не смогли.

Антисоветская авантюра генерала Каледина возникла не случайно. Мятеж как важный компонент «второй корниловщины» в течение длительного времени тщательно готовился верхами казачества, реакционной военной, буржуазно-помещичьей контрреволюцией, вдохновляемыми международным империализмом.

## **Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и казаки**

В. И. Ленин в канун Октябрьской революции уделял большое внимание казачьим войскам, которые корниловцы хотели использовать против пролетарской революции. Контрреволюция концентрировала казачьи соединения

вокруг пролетарских центров страны, и в первую очередь Петрограда, для подавления социалистической революции. В. И. Ленин призывал «изучить все сведения о расположении казаков»<sup>1</sup>, указывая, что «будет прямой нашей виной, если мы *всесторонне*. . . не изучим силы и распределения *корниловских войск второго призыва*»<sup>2</sup>. В. И. Ленин писал: «Керенский снова подвел корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам»<sup>3</sup> и сделать невозможным восстание<sup>4</sup>. Такая возможность у контрреволюции имелась, тем более что прецедент уже был. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что вызванные в столицу Временным правительством реакционные казаки явились ударной силой в расстреле июльской демонстрации<sup>5</sup>.

В. И. Ленин не считал всех казаков закоренелыми корниловцами и относил к контрреволюционным войскам лишь их часть. В то же время он допускал, что реакция может использовать в борьбе с социалистической революцией и трудящуюся часть казачества в силу ее слабой политической сознательности. В. И. Ленин в письме к И. Т. Смилге рекомендовал организовать и послать к казакам отряды агитаторов из лучших матросов и солдат Финляндии<sup>6</sup>. Ленин призывал рабочих, крестьян и солдат: «Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся и разъясняйте народу *правду*. . .»<sup>7</sup>

В канун Октября большевистская партия, ведя борьбу за войско, придерживалась на первом этапе в отношении казаков тактики их нейтрализации, чтобы они не стали орудием в руках корниловцев против революции. Но наибольшую гарантию от возможных контрреволюционных выступлений казаков В. И. Ленин видел в быстрейшем проведении вооруженного восстания и установлении власти Советов.

Всероссийская контрреволюция рассматривала казаков как крупную военную и политическую силу, как одну из важных ставок в борьбе с социалистической революцией. 17 октября буржуазная газета «Русская воля» писала: «Казаки — это гордость России. . . Государственный разум казаков и их вековая общественная и воинская дисциплина сейчас почти единственный ресурс и единственная твердая точка среди безбрежного моря хаоса и анархии». Прокорниловские газеты «Живое слово», «Новая Русь», «Общее дело» из номера в номер превоз-



носили казаков как «опору порядка», «спасителей России», называя их «лучом последней надежды». Один из главарей всероссийской контрреволюции — председатель последней Государственной думы М. В. Родзянко, выступая в совете совещания московских общественных деятелей с печально знаменитой речью о текущем моменте, в которой предлагал сдать Петроград, резко критикуя Временное правительство за его бессилие и «нерешительное отношение к большевикам», заявил: «Единственной живой силой, дееспособной и политически воспитанной, является казачество»<sup>8</sup>.

Казачий вопрос занял важное место на двух собраниях контрреволюции, проходивших в середине октября в Москве. Второе Московское совещание общественных деятелей, отметив заслуги казачества в наведении «порядка» в стране, приветствовало его инициативу в деле поднятия боеспособности армии. Представитель казачества Орлов выступил на совещании с настолько реакционной речью, что его вынужден был прерывать сам председатель Родзянко<sup>9</sup>. Но особое внимание казачьему вопросу было уделено на десятом съезде кадетской партии. Лидер кадетов П. Н. Милюков, выступая на съезде, заявил, что его партия в Предпарламенте обрела союзников в лице представителей казачества<sup>10</sup>. С докладом о землепользовании в казачьих областях выступил А. И. Шингарев. После недолгих прений были приняты его тезисы, суть которых заключалась в том, что все казачьи земли — войсковые, запасные, юртовые станичные наделы — не подлежали принудительному отчуждению при проведении аграрной реформы<sup>11</sup>. Газета московских большевиков «Социал-демократ» 18 октября в передовой статье «Развернутый фронт», комментируя это решение, писала: «Закрепляют кадеты и свой союз с казачеством. В аграрную реформу введен специальный пункт о неотчуждаемости казачьих земель. Очевидно, эта расплата по векселю, выданному Каледину за стратегическое занятие казаками Донбасса. . . Все готово: цель — захват власти буржуазией, средство экономическое — локаут, боевое оружие — казаки».

В канун Великого Октября всероссийская казачья контрреволюция имела два политических центра. Первый и фактический находился на Дону в Новочеркасске в лице войскового правительства во главе с Калединым.

Второй центр, который юридически считался главным, находился в Петрограде — совет «Союза казачьих войск». Эта реакционная организация претендовала на представительство интересов тринадцати казачьих войск, имевшихся в России, и координировала деятельность их контрреволюционных верхушек. Русские банки щедро снабжали деньгами совет «Союза казачьих войск»<sup>12</sup>. С помощью этих средств совет с 10 октября стал издавать в Петрограде газету «Вольность»<sup>13</sup>.

В октябре казачья контрреволюция усилила свои акции в столице. Это в известной степени было связано с открытием Предпарламента и приездом донской казачьей делегации для переговоров с Временным правительством о ликвидации «дела Каледина». Всероссийская контрреволюция в борьбе с революцией немалую надежду возлагала на Предпарламент. В своих интересах рассчитывала его использовать и казачья контрреволюция. Когда совету «Союза казачьих войск» стало известно, что казакам в Предпарламенте выделено всего 8 мест, немедленно последовали телеграммы войсковым правительствам: поддержать его требования об увеличении казачьих мандатов до 30. Те незамедлительно поддержали ходатайство. Каледин телеграфировал Керенскому: «Представленное казачеству количество мест в Совете республики совершенно не соответствует его значению и роли в современной жизни, почему войсковое правительство настаивает на увеличении числа мест в Совете по крайней мере до тридцати»<sup>14</sup>. Требования Каледина были поддержаны Дутовым, Карауловым и другими войсковыми атаманами. Временное правительство удовлетворило их. В Предпарламенте была создана общеказачья фракция из 32 человек во главе с председателем, членом калединского правительства Агеевым. 9 октября на совместном заседании казачьей и земской фракций, на котором принимали участие и представители совета московских общественных деятелей, было решено создать объединенную беспартийную группу, стоящую на «чисто демократической платформе», но не примыкающую к социалистическим группам<sup>15</sup>. Игра в «демократизм» и «беспартийность» была нужна для обмана той части населения, которая еще поддерживала их. По тактическим соображениям не был оформлен блок между кадетами и казаками в Предпарламенте, на самом деле подлинным

идейным и организационным руководителем этой «беспартийной группы» была партия кадетов. Казачья фракция Предпарламента состояла из людей, специально подобранных реакционными казачьими кругами и войсковыми правительствами. Она была наиболее злобствующей по отношению к революции и большевикам. В связи с уходом большевиков из Предпарламента казачья фракция 10 октября заявила, что это дает право правительству и Совету Российской республики «самым решительным образом преследовать все выступления большевиков»<sup>16</sup>.

16 октября председатель совета «Союза казачьих войск» А. И. Дутов, выступая от имени Оренбургского казачьего войска в Предпарламенте, заявил: «Что касается вопросов о поднятии мощи боевой армии и водворения порядка, то Оренбургское войско категорически заявляет, что оно своих мнений не меняет и принимает целиком декларацию, объявленную от его имени генералом Калединым на Московском государственном совещании, и просит правительство принять ее к сведению и руководству»<sup>17</sup>. Казачья контрреволюция устами Дутова, при молчаливом согласии Временного правительства, снова открыто выдвинула программой действий декларацию, оглашенную Калединым на Московском государственном совещании, с требованием «доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками», упразднения Советов и комитетов в армии и в тылу<sup>18</sup>. Это был клич казачьей контрреволюции к разгрому Советов, армейских и тыловых комитетов.

Так, в ночь с 18 на 19 октября в Ташкенте казармы, занятые революционно настроенной ротой, были оцеплены отрядом казаков и юнкеров и обстреляны пулеметным огнем. Рота была разоружена, а солдаты ее препровождены в тюрьму<sup>19</sup>. Одновременно была арестована часть членов Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. 19 октября казаки окружили Калужский Совет и потребовали, чтобы его члены сдали оружие и покинули помещение. И хотя требование было выполнено, по безоружным членам Совета была открыта стрельба, в результате которой имелись жертвы. Члены исполкома были арестованы. Казаки угрожали, что такая участь ожидает и другие Советы рабочих и солдатских депутатов, в том числе и Московский Совет<sup>20</sup>. Оценка действий

казацкой контрреволюции была дана 22 октября в передовой статье «Флаг поднят» газеты «Рабочий путь», которая, касаясь событий в Ташкенте и Калуге, писала: «Что означают калужские события? Мы не имеем еще ключа к этой «загадке». Но мы твердо знаем, что если бы проект вывода революционного гарнизона из Петрограда был осуществлен, то контрреволюция немедленно получила бы полную возможность осуществить свою заветную мечту расправиться с Петроградским Советом по-калужски и по-ташкентски!» В следующем номере, 24 октября, в статье «Корниловцы выступили» газета писала: «После Ташкента — Калуга. После ташкентского преступления представителей «законной власти» — калужское преступление калединской шайки. . . Итак, военные действия против революции открыты. . . каледино-корниловские молодцы уже переходят в наступление, уже выступают открыто против революции!»

В то время как большевистская партия в ответ на действия корниловцев звала трудящиеся массы на вооруженное восстание, соглашательские партии молчали. Лишь левое крыло мелкобуржуазной демократии Предпарламента, составившее группу из 30 левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, в связи с разгромом казаками Калужского Совета осмелилось обратиться к министру-председателю и министру внутренних дел с запросом: «Какие меры предпринимаются Временным правительством для обнаружения виновных и предотвращения подобных случаев в будущем?»<sup>21</sup>

С середины октября совет «Союза казачьих войск» проявляет особую активность. Во главе с Дутовым он разрабатывает план разгрома революционных сил в столице. 12 октября межрайонное совещание Советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда приняло решение о проведении 22 октября «Дня Петроградского Совета» для пополнения на митингах и собраниях кассы Совета. Это мероприятие должно было явиться своеобразным смотром сил революции<sup>22</sup>. 14 октября совет «Союза казачьих войск» назначил также на этот день воскресный «казачий крестный ход». Это сборище предусматривало разгром революционных сил и разгон II съезда Советов, который первоначально должен был открыться 20 октября. Коварный план руководители казачьей контрреволюции держали в глубокой тайне. Политиче-

ский смысл демонстрации казаков был прикрыт религиозной оболочкой. В обращении комиссии по организации казачьего крестного хода указывалось: «22 октября, в день празднования иконы Казанской божией матери, в память избавления в 1612 г. Москвы от врагов, в Петрограде будет совершен казачий крестный ход, в котором православное всероссийское казачество, верное своим исконным вековым традициям, ставит своим долгом всенародно молить всевышнего спасти Россию от гибели и благословить оружие их на защиту от врагов земли русской»<sup>23</sup>. Благословение казачьего оружия являлось не чем иным, как призывом к подавлению революции. Участие в крестном ходе должны были принять 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки, сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища и 6-я сводно-казачья батарея во главе с членами совета «Союза казачьих войск». Весь церемониал намечалось проводить в конном строю в полном вооружении. Организаторы казачьего крестного хода разработали и маршрут следования, который проходил по центральным проспектам и площадям столицы, вблизи важных стратегических объектов<sup>24</sup>. Под видом крестного хода казачья контрреволюция хотела сосредоточить многочисленные казачьи подразделения, разбросанные на охрану заводов и учреждений столицы, в единый мощный кулак, который затем можно было пустить в «дело». Подготовка этой акции шла полным ходом. 15 октября в порядке тренировки к «ходу» по Невскому прошла процессия казаков с четырехцветным знаменем объединенного казачества<sup>25</sup>. 16 и 17 октября калединская делегация устроила смотр донским полкам, расквартированным в столице<sup>26</sup>.

17 октября Дутов в интервью корреспонденту газеты «Вольность» прямо заявил: «События 3—5 июля в достаточной мере показали. . . здесь не нужны большие силы. Здесь нужна решимость бесповоротная. Раз навсегда применить оружие, если эта мера вызывается обстановкой. Я полагаю, что казачьи части, находящиеся в столице. . . поддержат порядок и помогут правительству в случае выступления большевиков»<sup>27</sup>. На следующий день Дутов командировал члена совета «Союза казачьих войск» Мусатова и священника 1-го Донского казачьего полка Корнаева к командующему Петроградским военным округом за разрешением провести крестный ход<sup>28</sup>.

18 октября новый председатель общеказачьей фракции Н. С. Анисимов, выступая в Предпарламенте, настойчиво призывает Керенского, Верховского и Вердеревского к решительным действиям против большевиков, требует водворения порядка в стране, не останавливаясь перед методами принуждения. При голосовании формул по обороне казачья фракция приняла совместно с кадетами и другими «родственными» партиями и группами общую платформу. Однако ни одна из предложенных формул не получила в Предпарламенте большинства, и он оказался в тупике. При рассмотрении вопроса внешней политики разногласия между различными партиями и группами достигли такой остроты, что выработанные формулы даже не поставили на голосование<sup>29</sup>.

Газета «Вольность» 21 октября, обвинив депутатов Предпарламента в болтовне, писала: «...Ленин в двух последних номерах «Рабочего пути» открыто призывает к восстанию. «Промедление в восстании смерти подобно», — восклицает вчера Ленин в своем очередном призыве. И в городе, насыщенном электричеством, с минуты на минуту грозит вспыхнуть это восстание». Критикуя Временное правительство и Предпарламент за бездействие, газета советовала «призвать небольшую, но верную силу» для разгрома большевиков. Таким образом, казачья контрреволюция в канун «крестного хода» требовала официальной санкции для подавления революционных сил.

Такая активизация казачьей контрреволюции обеспокоила даже соглашателей. Полуменьшевистская «Новая жизнь» с середины октября с беспокойством наблюдала за ее политической активностью<sup>30</sup>. И даже «Рабочая газета» и «Дело народа», выражавшие официальный курс меньшевистской и эсеровской партий, с опаской следили за действиями казачьей контрреволюции и приближением «воскресного хода»<sup>31</sup>. Соглашатели опасались, что в случае выступления открытой контрреволюции против большевиков часть ударов может перепасть и им. Однако дальнейшие наблюдения и констатации за акциями правых сил они не шли.

Отмечая тенденцию премьера Керенского и его меньшевистско-эсеровской части правительства к сближению с казачьей контрреволюцией, следует заметить, что она не была до конца последовательной. Так, 18 октября при-

казом военного министра Дутов был назначен особоуполномоченным на правах министра по продовольствию в Оренбургском крае и Тургайской области с присвоением очередного воинского звания полковника, т. е. Дутов под благовидным предлогом выдворялся из столицы. Совет «Союза казачьих войск» признал, что «отказ А. И. Дутова от председательствования поставит совет в тяжелое положение», и предложил ему остаться на своем посту<sup>32</sup>.

Против готовящегося выступления казачьей контрреволюции активно действовали большевики. 20 октября на первом заседании бюро Петроградского Военно-революционного комитета были предусмотрены меры по охране столицы и для предупреждения возможных эксцессов в связи с крестным ходом казаков. ВРК организовал непрерывное дежурство своих членов и установил тесную связь с районными Советами и воинскими частями города. 21 октября Петроградский ВРК предписывает штабам Красной гвардии районов и предприятий столицы на весь следующий день провести дежурства отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках в связи с готовящимся выступлением контрреволюции<sup>33</sup>. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил специальное обращение «Братья-казаки!». Оно раскрывало готовящуюся провокацию контрреволюции и предупреждало, что «казачьи генералы. . . готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию». Обращение разъясняло, что Петроградский Совет никакого сражения 22 октября с казаками не готовит, что эти вымыслы нужны контрреволюции, чтобы одурманить казаков, надеть им на глаза повязку. Обращение заканчивалось словами: «22 октября устраняется кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним. Однако мы вас предупреждаем, казаки: глядите зорко, как бы под видом крестного хода не попытались ваши каледины натравить вас на рабочих, на солдат. Их цель — вызвать кровопролитие и в братской крови утопить вашу и нашу свободу»<sup>34</sup>.

Казачьи офицеры провели рекогносцировку по всему 20-верстному маршруту крестного хода, осматривали здания, окна которых можно было использовать как амбра-

зуры для ведения ружейного и пулеметного огня, поднимались на чердаки. Узнав об этом, Я. М. Свердлов сказал: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас! Достаточно одного провокационного выстрела в сторону этого шествия — и вся масса фанатично настроенных и вооруженных до зубов людей ринется к Смольному, чтобы разгромить его!»<sup>35</sup> Учитывая, что казачий «церемониал» проходил вблизи штаба революции, по улицам Таврической и Шпалерной, ВРК выработал «ряд организационных задач и мер борьбы с контрреволюционными покушениями». В его бюллетене от 22 октября сообщалось: «Приняты меры по охране Смольного института»<sup>36</sup>.

Днем 21 октября состоялось экстренное собрание представителей полковых комитетов частей Петроградского гарнизона, которое обещало «полную поддержку во всех его (ВРК. — Ю. К.) шагах» в интересах революции. Делегат 4-го Донского полка заявил, что его полк не примет участия в казачьем крестном ходе, в то же время выступление представителя 14-го Донского полка было путаным и противоречивым<sup>37</sup>. Собрание присоединилось ко всем политическим решениям Петроградского Совета и выразило поддержку открывающемуся II Всероссийскому съезду Советов. Оно приняло резолюцию «О дне 22 октября», в которой революционный гарнизон Петрограда и его окрестностей заявлял: «День 22 октября есть день мирного подсчета сил петроградских солдат и рабочих и сбора средств на революционную печать. Гарнизон обращается к казакам: остерегайтесь провокаций наших общих врагов. Мы — ваши братья, боремся за мир и свободу. Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья-казаки». Резолюция предупреждала, что «на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор»<sup>38</sup>.

Исследователи Б. М. Кочаков и Г. Л. Соболев численность 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков в 1917 г. определяют в 3200 человек<sup>39</sup>. Кроме того, 6-я сводно-казачья батарея насчитывала 181 казака<sup>40</sup>, а совет «Союза казачьих войск» с обслуживающим персоналом — более



50 человек. Итого общая численность казаков — около 3500 человек. Вышеназванные авторы обращают внимание на то, что казачьи полки «являлись серьезной боевой единицей» и были хорошо вооружены. Действительно, донские казачьи полки в это время были наиболее боеспособной и дисциплинированной частью русской армии и имели «опыт» подавления революционного движения. Полковые и сотенные комитеты, в которые входили в основном офицеры и урядники, занимались лишь вопросами, касающимися «некоторых частных вопросов внутренней жизни»<sup>41</sup>. В казачьем крестном ходе должна была принять участие и сотня юнкеров Николаевского кавалерийского училища, насчитывающая до 150 человек. Общая численность хода могла составить до 3600 человек. Можно предположить, что в случае вооруженного столкновения казаков с революционными силами их поддержал бы весь состав Николаевского кавалерийского училища (воспитанниками его были многие казачьи офицеры, в том числе Дутов), что могло привести к цепной реакции — присоединению к казакам всех юнкерских училищ Петрограда.

Казачьи войска были наиболее консервативной, политически малограмотной частью солдатских масс. Это обстоятельство и пытались использовать вдохновители и организаторы «второй корниловщины» для подавления революции. Именно о таких войсках В. И. Ленин писал, что капиталистическому государству «надо привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли «заразить» социализмом»<sup>42</sup>. В донских казачьих полках, даже в Петрограде, не было большевистских партийных организаций. Это затрудняло деятельность РСДРП(б) среди рядовой казачьей массы. Однако свежий ветер революции проникает и в казачьи казармы, развитие революции в стране начало «заражать большевизмом» и казаков. 7 октября Каледин писал командующему Петроградским военным округом Г. П. Полковникову: «Я просил вывести 1-й и 4-й Донские казачьи полки из Петрограда, где они обречены на полное расстройство, атакованные со всех сторон большевизмом. Просьба не была уважена. Последствием долгого пребывания полков в Петрограде явилось полное разложение 4-го полка и близкое к нему

1-го и 14-го. Если и теперь не будет принято с вашей стороны мер к приведению их в порядок, то ответственность за их поведение и службу не может быть возложена на войско»<sup>43</sup>. Идя навстречу мятежному атаману, военный министр Верховский в середине октября отдал приказание штабу верховного главнокомандующего произвести смену этим полкам, так как «казачьи части в Петрограде застоялись и подпадают под большевистскую пропаганду»<sup>44</sup>. На одном из заседаний совета «Союза казачьих войск» обсуждался вопрос о большевистской пропаганде в казачьих частях<sup>45</sup>. В. И. Ленин в октябрьские дни отмечал, что «разложение началось и у казаков»<sup>46</sup>. Однако от начала разложения до их революционизирования было еще далеко. Поэтому казачья контрреволюция путем провокации могла использовать казаков в борьбе против революции.

В ночь с 20 на 21 октября руководители Военной организации при ЦК РСДРП(б) В. А. Антонов-Овсеенко, В. И. Невский и Н. И. Подвойский, докладывая В. И. Ленину о ходе подготовки вооруженного восстания, отмечали, что большевистские военные ячейки имеются в каждом полку, на кораблях, которые представляют собой силу, одновременно заметив, что «только казаков мы еще не сумели распропагандировать». Таким образом, казачий крестный ход представлял грозную опасность для революции. В. И. Ленин в статье «Кризис назрел» с гениальной прозорливостью предупреждал партию о вероятных действиях контрреволюции, которая может использовать казаков для разгрома революционных сил<sup>47</sup>.

Однако для казачьей контрреволюции и для правительства Керенского обстановка складывалась весьма неблагоприятно. Как указывал В. И. Ленин, «победа восстания *обеспечена* теперь большевикам. . .»<sup>48</sup>. В условиях подготовки большевиками вооруженного восстания из Временного правительства был удален военный министр Верховский. В своем дневнике, касаясь обстановки тех дней, он писал, что многие боялись, «не захочу ли я использовать создавшееся положение для авантюры. Керенский взял даже с меня слово, что я срочно уеду из Петрограда»<sup>49</sup>. Опасность подстерегала Керенского и с другой стороны. Военный атташе Франции генерал Ниссель установил частные контакты с начальником генерального штаба русской армии генералом Марушевским

и председателем совета «Союза казачьих войск» Дутовым. По воспоминаниям Нисселя, Дутов уверял, что вожди казачества находятся в полном согласии между собой, «уверены в своих полках» и «готовы даже послать ультиматум, если нужно, правительству»<sup>50</sup>. Военные атташе Англии и Франции критически относились к Временному правительству за его бессилие подавить революцию. Поэтому свои надежды они возлагали на казаков. Аналогичной позиции придерживались английский и французский послы. Керенский бесспорно знал о связях дипломатов союзников с казаками.

21 октября комиссар Временного правительства на Дону кадет-казак М. С. Воронков посетил Керенского с целью примирения правительства и казаков. Он обратил внимание премьера, что «казачество — единственная сила, могущая оказать правительству осязательную поддержку в борьбе с анархией», что нужно устранить трения и что именно теперь «нужно правительству поспешить, чтобы рассеять недоразумения с казачеством и признать всенародно свою ошибку». Керенский ответил, что «правительство озабочено ликвидацией конфликта с донскими казаками». Комиссии поручено «выяснить историю с мятежом». «По докладу комиссии правительство обратится к казакам с декларацией, в коей укажет, что казаки в общем были лояльны и правительство никаких подозрений не имело относительно казачества»<sup>51</sup>. На вопрос Воронкова, что значит «в общем», Керенский указал, что некоторые члены совета «Союза казачьих войск» участвовали в корниловском заговоре. Встреча оказалась безрезультатной. Отмечая разобщенность противников Великого Октября, В. И. Ленин писал: «Ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент»<sup>52</sup>. Лагерь врагов социалистической революции, раздираемый внутренними противоречиями, не мог поэтому консолидировать свои силы.

В чрезвычайно сложной и запутанной для Временного правительства ситуации Керенский дал указание отменить казачий крестный ход. Необходимость этого шага мотивировалась тем, что «в Петрограде очень неспокойно и что крестным ходом могут воспользоваться некоторые элементы для устройства погрома и вооруженного восстания». От имени совета «Союза казачьих

войск» А. Н. Греков ответил, что казаки не могут отказаться от назначенного уже крестного хода, что инициатива крестного хода принадлежит казачьим полкам, а поэтому совет не может его отменить<sup>53</sup>. Такой ответ встревожил Временное правительство. В Зимний дворец к заместителю министра-председателя А. И. Коновалову был срочно вызван товарищ председателя совета «Союза казачьих войск» А. И. Аникеев, которому предложили в случае невозможности отменить крестный ход провести его «без церемониала», т. е. без оружия. Одновременно к командующему Петроградским военным округом Полковникову были вызваны командиры 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков<sup>54</sup>. Ночью за подписью Полковникова последовала телефонограмма: «Согласно распоряжению Временного правительства приказываю крестный ход, назначенный на 22 октября с. г., отменить впредь до распоряжения»<sup>55</sup>. Совет «Союза казачьих войск» после некоторых колебаний подчинился решению Временного правительства. В. М. Пуришкевич в начале ноября в письме Каледину жаловался на странную политику Дутова, «упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться»<sup>56</sup>. Ввиду отмены крестного хода полковые комитеты 1-го и 14-го Донских полков вынесли протест против действий Временного правительства, заявив, что «казаки подчинились запрещению крестного хода в порядке военной дисциплины»<sup>57</sup>. 25 октября газета «Вольность» в резком тоне писала, что Временное правительство, запретив крестный ход, нанесло новую обиду казачеству и если в Петрограде вспыхнет восстание, то «пусть знают те, кому ведать надлежит, что пуки соломы в этот пожар были подброшены 22 октября запретом крестного хода казаков». Таким образом, официальный орган совета «Союза казачьих войск» с головой выдал истинные цели намечавшейся «религиозной процессии»: недопустить восстания, подавить революцию.

Главной причиной отмены крестного хода правительством Керенского, как отмечали ленинградские историки, был именно страх перед восстанием, которое могло смести и казаков и само Временное правительство<sup>58</sup>. Но нельзя не отметить и другую причину. Керенский опасался и казаков. Ведь в случае успеха последних (а такую возможность он не исключал) устанавливалась от-

крытая военная диктатура, и он лишался кресла премьера. В дневнике Нокса и мемуарах Бьюкенена содержатся свидетельства этому. Так, вернувшийся в Петроград Верховский 1 ноября, посетив английское посольство, сказал послу, что «Керенский не хотел, чтобы казаки самостоятельно подавили восстание, так как это означало бы конец революции»<sup>59</sup>. (Премьера, конечно, беспокоил конец не революции, а собственный.)

Вождь Великого Октября в отмене казачьего крестного хода увидел нерешительность, колебания и в конечном счете слабость Временного правительства и в то же время силу революции. В. И. Ленин в письме Я. М. Свердлову 22 октября\* писал: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать из всех сил и мы победим вполне в несколько дней!»<sup>60</sup>.

23 октября на гарнизонном совещании представители казачьих полков отсутствовали<sup>61</sup>. В списках дежурных от воинских частей столичного гарнизона в ВРК за 23 и 24 октября не было представителей 1-го, 4-го и 14-го Донских полков<sup>62</sup>. Анализ документов Петроградского ВРК дает основание полагать, что его комиссары, назначенные в эти дни в казачьи полки, числились там формально, так как не были приняты ими<sup>63</sup>.

Утром 24 октября на заседании ЦК РСДРП(б) было решено на случай разгрома Смольного создать запасной штаб восстания в Петропавловской крепости<sup>64</sup>. Действительно, штаб Петроградского военного округа предложил Керенскому силами оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, организовать захват Смольного. Керенский утвердил этот план и настаивал на его немедленном осуществлении<sup>65</sup>. Однако реализовать его было невозможно.

---

\* В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (т. 34, стр. 434) указываются две даты написания этого письма — 22 или 23 октября. Однако оно — почти бесспорно — написано 22 октября. Анализ первой части письма склоняет к этой дате, ибо трудно себе представить, чтобы В. И. Ленин в такой момент два дня не знал о заседании ЦК РСДРП(б), состоявшемся 20 октября. Что касается его второй половины, то цитированная часть ленинского письма имеет настолько эмоциональную окраску, что можно предположить, что оно было написано непосредственно после прочтения петроградских газет, которые 22 октября сообщили об отмене казачьего крестного хода.

Что же происходило в стане казачьей контрреволюции в эти дни? После отмены казачьего крестного хода Дутов, потеряв уверенность в успешном исходе борьбы с большевиками в столице, спешно покинул Петроград и направился в Оренбург<sup>66</sup>. Что касается совета «Союза казачьих войск», то, несмотря на его враждебность и недоверие к Керенскому, он решает оказать поддержку Временному правительству. 24 октября при обсуждении формул перехода к текущим делам в Предпарламенте выступил Анисимов. Критикуя беспомощность Временного правительства, его «попустительство большевикам», он от имени казачьей фракции заявил, что казаки готовы «исполнить свой долг перед родиной и свободой», но «требуют гарантии от правительства, что на этот раз никакое послабление большевикам допущено не будет»<sup>67</sup>. Казачья контрреволюция, учитывая обстановку, отказалась от дальнейших торгов с правительством и решила голосовать за формулу кадетов и кооператоров, высказывающихся за поддержку Временного правительства<sup>68</sup>.

Поведение Донских казачьих полков в Петрограде 24 и 25 октября в исторической литературе дается в целом по столичным газетам различных политических направлений, которые нередко питались слухами и домыслами. В дополнение нами исследованы некоторые казачьи источники: протокол действий 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков 24 и 25 октября, составленный особой комиссией из представителей полковых комитетов трех полков по поручению общего собрания полковых, сотенных и командных комитетов 1-го, 4-го и 14-го полков, состоявшегося 26 октября, и подписанный председателями и членами полковых комитетов 28 октября, скрепленный печатями полковых комитетов, а также телеграммы и отчеты членов совета «Союза казачьих войск». 24 октября в 19 часов 30 минут совет «Союза казачьих войск» в телефонограммах предложил полковым комитетам 1-го, 4-го и 14-го Донских полков явиться на совместное заседание совета для обсуждения вопросов в связи «с предполагавшимся выступлением большевиков и выяснением тактики казачьих полков». Общее собрание полковых комитетов, подтвердив свою верность Временному правительству, отправило к Керенскому делегацию с условиями, «от выполнения которых всецело зависит реальная поддержка и успех дела»<sup>69</sup>. Условия

эти предусматривали, в частности, следующее: привлечение совместно с казачьими частями пехоты и артиллерии (что совпадало с постановлением войсковых кругов, совета «Союза казачьих войск» и заверений Временного правительства в лице А. И. Верховского); снабжение полков техническими средствами для борьбы на улице (бронемашины, грузовые автомобили для перевозки команд, а за отсутствием пулеметной команды в 4-м полку и пулеметами); немедленное отозвание сотен, несущих паряды на заводах для присоединения к своим полкам в момент выступления; точное указание правительством верных ему частей; объявление фракции большевиков особым декретом негосударственной. На совместном заседании эти условия были оглашены и единогласно приняты. Делегация, в которую от совета вошли Анисимов, Греков и Поначевный, от 1-го полка — Власов, 4-го — Акимов и 14-го — Филимонов, 24 октября в 23 часа 30 минут выехала в Зимний дворец для переговоров.

25 октября в 1 час ночи делегация была принята Керенским в присутствии министров Коновалова и Терещенко, командующего ПВО Полковникова и генерала Левицкого. Греков огласил условия поддержки казаками Временного правительства, которые Керенский принял за исключением одного — объявления большевиков негосударственной фракцией. В результате обмена мнениями стало ясно, что Временное правительство «не имеет за собой никакой реальной силы», необходимой для подавления большевистского восстания<sup>70</sup>. Были составлены и спешно отправлены за подписями А. Ф. Керенского, донца А. Н. Грекова и кубанца В. А. Поначевного телеграммы в 1-ю Донскую и 5-ю Кубанскую казачьи дивизии с приказом немедленно двигаться в Петроград<sup>71</sup>. По свидетельству Анисимова, покинув ночью Зимний дворец, делегация тут же доложила о результатах переговоров с Керенским беспрерывно заседавшему совету «Союза казачьих войск». Представители донских полков вынесли решение, что, если их условия не будут приняты, «казаки едва ли смогут выйти на подавление мятежа». Утром намечалось созвать представителей всех полков и еще раз обсудить вопрос об оказании поддержки Временному правительству<sup>72</sup>.

Между тем вооруженное восстание успешно развивалось. В. И. Ленин, прибывший в Смольный вечером

24 октября, возглавил начавшееся восстание. К утру 25 октября почти все стратегические объекты в столице оказались в руках революционных сил.

25 октября в 4 часа утра Керенский по телефону передал командирам 1-го, 4-го и 14-го казачьих полков приказ о немедленном выступлении на Дворцовую площадь. Через полчаса аналогичная телефонограмма последовала из штаба Петроградского военного округа. Еще через час, в 5 часов 30 минут, казачьи полки получили приказ за подписью Верховного главнокомандующего Керенского подготовиться к выступлению, и, наконец, в 7 часов утра последовал его новый приказ о выступлении<sup>73</sup>. Однако казачьи сотни не изъявили желания выполнить приказ Керенского, так как обстоятельства складывались не в пользу Временного правительства. Все полки Петроградского гарнизона, за исключением немногочисленных отрядов юнкеров и женского ударного батальона, перешли на сторону ВРК, к утру все ключевые объекты в столице находились в руках большевиков. Наличные силы донцов составляли в 1-м полку 2 сотни, в 4-м — 2 сотни и в 14-м — 5 сотен, остальные находились в нарядах по охране заводов и учреждений. Полковые комитеты 1-го, 4-го и 14-го полков «исполнить приказ Временного правительства отказались»<sup>74</sup>, о чем командиры полков в 8 часов утра довели до сведения Временного правительства. Вместе с тем полковые комитеты не признали и власть ВРК, заявив, что подчинятся «лишь той власти, которую признает вся страна»<sup>75</sup>.

25 октября в 10 часов утра, когда победа восстания определилась, ВРК в историческом обращении «К гражданам России!», написанном В. И. Лениным, возвестил народу: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета. . .»<sup>76</sup> В следующем воззвании ВРК о победе пролетарской революции в столице говорилось об окружении Зимнего дворца, штаба Петроградского военного округа и прилегающих пунктов и отмечалось, что «казаки отказались подчиняться Временному правительству»<sup>77</sup>. 25 октября днем Временное правительство опять предпринимает попытки воздействовать на казаков; просит помощника военного министра князя Туманова использовать свое знакомство в казачьей среде<sup>78</sup>.



Но все было тщетно. Обреченное Временное правительство доживало последние часы. В 13 часов после разгона Предпарламента состоялось экстренное заседание совета «Союза казачьих войск». Совет решает обратиться к казачьим частям, находящимся в Петрограде, с призывом: до созыва Учредительного собрания «всемерно поддерживать Временное правительство как олицетворение законной власти» и исполнять все его приказы в борьбе «с мятежниками»<sup>79</sup>. Часть членов совета пыталась убедить представителей казачьих полков в необходимости поддержки Временного правительства без всяких условий. Особенно в этом усердствовал исключенный из партии эсеров Б. Савинков, кооптированный в совет «Союза казачьих войск» и выбранный в качестве представителя казачества в Предпарламент<sup>80</sup>. Член совета Филатов, которого поддержал Савинков, заявил: «В настоящую минуту отказаться от поддержки правительства было бы мстостью за старое, а момент такой, что не надо мстить»<sup>81</sup>. Однако значительная часть казаков осталась непреклонной в своем решении «держать вооруженный нейтралитет». Лишь три сотни 14-го казачьего полка днем 25 октября выступили на защиту Зимнего дворца. К вечеру окончательно определилась позиция донских казаков, которые заявили, что, доверяя Временному правительству и поддерживая его, они тем не менее не в состоянии ему помочь, так как «соотношение сил таково», что казачьи сотни не могут выступить против подавляющего большинства петроградского гарнизона<sup>82</sup>. Вышедшие для охраны Зимнего дворца три сотни казаков 14-го Донского полка по распоряжению совета «Союза казачьих войск» были отозваны в казармы. 1-й, 4-й и 14-й полки заявили, что они выступят лишь в том случае, если подойдут подкрепления и вместе с ними будет действовать пехота и кавалерия. В 21 час 45 минут три сотни 14-го Донского казачьего полка покинули Зимний дворец<sup>83</sup>. Около 24 часов начался штурм Зимнего, закончившийся 26 октября в 2 часа 10 минут ночи арестом Временного правительства.

Керенский в своих мемуарах пишет, что совет «Союза казачьих войск» «решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с восставшими большевиками», что «все эти Дутовы, Аписимовы и проч. казачьи политики были злейшими

врагами Временного правительства, и в особенности моими»<sup>84</sup>. Однако подобные утверждения не соответствуют действительности. Казачья контрреволюция, несмотря на резкую критику позиции Временного правительства, призывала к активной его поддержке. Но обстановка, сложившаяся в столице, удерживала 1-й и 14-й казачьи полки от выступления. Они не желали ввязываться в бесперспективную борьбу. Но 4-й полк явно не хотел идти против восставших. Руководители казачьей контрреволюции не любили «присяжного поверенного» в роли верховного главнокомандующего за его якобы мягкость и нерешительность в борьбе с большевиками. Его личность была непопулярна в казачьей среде<sup>85</sup>. В борьбе против социалистической революции реакционные силы, хотя и выступали часто разобщенно и несогласованно, действовали как союзники, а не враги, иначе чем же можно объяснить тот факт, что утром 25 октября Керенский, покидая Петроград, заявил американскому послу Фрэнсису, что он отправляется в армию и возвратится через несколько дней во главе 3—5 тыс. казаков<sup>86</sup>. Бонапартистское лавирование Керенского привело его политику к краху, и он бежал в 3-й конный казачий корпус. В. И. Ленин в канун Октября предупреждал партию, что Керенский случайно рассорился с Корниловым, что он — самый опасный корниловец<sup>87</sup>.

Контрреволюционный поход Керенского — Краснова на Петроград и его разгром достаточно полно освещены советскими историками<sup>88</sup>. Однако следует подчеркнуть, что подлинным режиссером этого похода была казачья контрреволюция и ее глава Каледин. Именно он через ставку просил Духонина от его имени дать предписание казачьим генералам двинуть казаков на Петроград и «передать Керенскому наш совет использовать казачьи войска для укрепления власти»<sup>89</sup>. 26 октября Богаевский в телеграмме Керенскому рекомендовал «без всяких колебаний искать поддержки в казачьих войсках»<sup>90</sup>. Аналогичный совет дает Керенскому и председатель общешеронового казачьего съезда в Киеве П. М. Агеев<sup>91</sup>. Роль Каледина в мятеже Керенского — Краснова несомненна; контрреволюционная деятельность его, по установившимся традициям, совершенно неверно ограничивается Доном. В обращении II съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанном В. И. Ле-

ниным, подчеркивается, что «корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград»<sup>92</sup>. Именно при помощи казачьей контрреволюции Керенскому удалось 26—31 октября организовать поход на столицу. «Желания» их совпадали полностью: как можно скорее подавить революцию. Но, оказывая поддержку «законному» премьеру, казахи верхи рассчитывали сделать из него послушную марионетку. О том, что такой план входил в расчеты казачьей контрреволюции, говорит рекомендация совета «Союза казачьих войск» Каледину в отношении Керенского, в которой говорилось: «Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем. В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо как наживу на удочку для известного сорта рыбы»<sup>93</sup>. Каледин в телеграмме казачьим генералам предписывает им перейти на сторону Керенского и действовать его именем, а в конце добавляет: «...а потом мы эту сволочь уберем»<sup>94</sup>. Керенский для своей авантюры «привлек корниловцев», так как кроме них, говорил В. И. Ленин, «ему опереться не на кого»<sup>95</sup>.

Пролетарская революция победила. II Всероссийский съезд Советов провозгласил установление Советской власти, принял исторические Декреты о мире и земле и создал СНК во главе с В. И. Лениным. Съезд приступил к закладке основ политики Страны Советов. Решения съезда и его Декреты способствовали расколу среди казачества. Уже в Декрете о земле указывалось, что Советская власть земли рядовых казаков не конфискует<sup>96</sup>. Это положение вносило успокоение в ряды трудового казачества и выбивало козырь из рук контрреволюционеров. Что касается Декрета о мире, то казаки, как военное сословие, почти поголовно мобилизованное в годы войны, в нем были заинтересованы не менее, чем все солдаты.

В специальном обращении съезда «Братья-казаки!» говорилось, что контрреволюция обманном путем ведет их на Петроград и хочет столкнуть с революционными рабочими и солдатами столицы. Здесь снова подчеркивалось, что Советская власть не будет отбирать землю у трудовых казаков. Обращение призывало рядовых казаков не верить контрреволюционерам, переходить на сторону народа и организовывать Советы казацких депутатов. «Покажите черной сотне, — указывалось в обращении, — что вы не станете изменниками народа, что

вы не пожелаете наклепать на себя проклятия всей революционной России... Казаки Петроградского гарнизона, к их чести, не оправдали надежд врагов народа. Они не стали братоубийцами. Они не пошли против петроградского революционного гарнизона и петроградских рабочих. Часть их сразу перешла на сторону восставших рабочих, другая часть осталась пока в стороне.

Братья-казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!»<sup>97</sup>

В. И. Ленин в канун Великого Октября писал: «Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорее расколются и «дикие дивизии» и казаки, расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и *социалистического*... союза рабочих и крестьян»<sup>98</sup>. А в работе «Кризис назрел» Владимир Ильич предполагал, что «*да же* казачьи войска не пойдут против правительства мира!»<sup>99</sup>.

27 октября II съезд Советов избрал ВЦИК. В его состав вошли и левые эсеры — казаки А. М. Мирошниченко \* (член), И. А. Лагутин \*\* (кандидат), которые возглавили большую агитационную работу в казачьих полках, как стоящих в столице, так и наступавших на Петроград<sup>100</sup>.

С первого дня существования пролетарского государства Советская власть и партия большевиков приступили к проведению гибкой политики по отношению к трудовому казачеству, которое оставалось связанным тисками сословности и предрассудков общности интересов всего казачества. Необходимо было оторвать его от генеральско-атаманских верхов, нейтрализовать, а затем

---

\* А. М. Мирошниченко — кубанец, делегат II Всероссийского съезда Советов, член Казачьего комитета при ВЦИК — был назначен В. А. Антоновым-Овсеенко комиссаром 5-й Кубанской казачьей дивизии, затем командиром добровольческого отряда «Защиты прав трудового казачества».

\*\* И. А. Лагутин — казак 14-го Донского полка, член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — 4 ноября 1917 г. был избран председателем Казачьего комитета при ВЦИК. Впоследствии большевик, член ЦИК Донской Советской Республики. Расстрелян 11 мая 1918 г. красноцами вместе с экспедицией Ф. Г. Подтелкова и М. В. Кривошлыкова.

привлечь на сторону революции. Переход отдельных и лучших представителей трудового казачества на сторону Советов не означал еще, что аналогичной позиции придерживалась и остальная казачья масса. Рядовому казаку нужно было время, чтобы понять большевистские лозунги и на собственном жизненном опыте убедиться в их правоте.

Между тем казачья контрреволюция не прекращала попыток втянуть в борьбу против Советской власти донские полки, расквартированные в столице. 25 октября общеширокофронтной казачий съезд в Киеве в своей резолюции, доведенной до сведения совета «Союза казачьих войск», заявил, что казачество признает только Временное правительство и готово с оружием в руках защищать его от большевиков<sup>101</sup>. На следующий день из Киева последовала директива: «...передайте в полки, чтобы приступили к ликвидации большевистского выступления... нельзя ли при помощи резолюции съезда опомнить полки казаков, стоящие в Петрограде... совету Союза во что бы то ни стало нужно вернуть боевую способность казачьих полков и подготовить контрдвижение против большевиков»<sup>102</sup>. В тот же день один из членов совета «Союза», докладывая об обстановке в столице, сообщил Богаевскому: «Совет «Союза казачьих войск» занял по отношению к перевороту и новой власти непримиримо отрицательное отношение и в этом направлении работает по мере умения и силы. С казаками наша связь беспрепятственная... Но в силу учета обстановки, стратегической и тактической, не сулившей безусловного успеха, заняли выжидательную позицию, тем более что к Петрограду подходят казачьи дивизии»<sup>103</sup>.

26 октября совет «Союза казачьих войск» устанавливает контакт с военными училищами<sup>104</sup>. Вечером некоторые его члены и Б. Савинков на квартире у князя Черкезова встретились с генералом Алексеевым. На этом тайном заседании было решено незамедлительно направить в Гатчину своих представителей для связи с 3-м казачьим корпусом генерала Краснова<sup>105</sup>.

Петроградский Военно-революционный комитет решительно пресекает контрреволюционную деятельность совета «Союза казачьих войск». 26 октября наряду с другими буржуазными газетами, призывавшими к сопротивлению Советской власти, закрывается казачья «Воль-

ность». Утром 28 октября отряд матросов по распоряжению ВРК занял здание совета «Союза казачьих войск», сделал в нем обыск, арестовал ряд его членов и опечатал помещение. Однако в связи с протестами в донских полках ВРК, не желая обострять отношения с казаками, через несколько часов освободил помещение, снял караул и выпустил арестованных <sup>106</sup>.

28 октября ВРК назначает своих комиссаров в казачьи полки. Как вспоминает комиссар 1-го Донского казачьего полка С. Г. Синицын, «в полку меня приняли недружелюбно» <sup>107</sup>. В своем донесении от 29 октября в ВРК он пишет: «На просьбу допустить меня к исполнению обязанностей комиссара» члены полкового комитета ответили, что «без полкового собрания допустить не могут» <sup>108</sup>. Вероятно, аналогичное положение было и в других полках. Видимо, этим объясняется частая смена комиссаров. Так, в 14-м казачьем полку с 28 октября за неделю сменилось четыре комиссара. И только с 4 ноября, когда был образован Казачий комитет при ВЦИК, комиссары в Донских полках приобрели стабильность, так как назначались последним по согласованию с ВРК. Донские полки в столице по сути дела были блокированы революционными войсками, у ворот казачьих казарм на всякий случай стояли броневики ВРК.

Каковы же были настроения в казачьих полках 29 октября, в день юнкерского восстания? Утром начальник штаба контрреволюционных сил «Комитета спасения родины и революции» полковник Хартулари записал: «Первый и четвертый казачьи полки выжидают. Приближаются правительственные войска. 14-й казачий полк распылен и пассивен, в разговорах лукавит» <sup>109-110</sup>. В сводке донесения Петроградского ВРК от 29 октября о положении в столице во время ликвидации юнкерского мятежа было записано, что в 1-й Донской полк являлись делегаты от «Комитета спасения родины и революции» и предлагали казакам деньги, если они выступят против Советской власти. В другом донесении указывалось, что агенты Керенского проводили в полку агитацию, пытаясь вовлечь казаков в авантюру, в результате чего в нем наблюдалось колебание <sup>111</sup>. Керенский в своих мемуарах пишет, что Н. Д. Авксентьев и Н. В. Чайковский ездили в казармы Донских полков «умолять о помощи», но казаки остались нейтральными <sup>112</sup>. На совещании полковых

представителей Петроградского гарнизона 29 октября делегаты от казачьих полков отсутствовали. Однако на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в этот день было заявлено, что «Комитет спасения родины и революции» пытался опереться на казачьи части, но они держат себя совершенно спокойно, не предпринимая никаких враждебных действий против революционных войск. Более того, петроградские казаки послали своих представителей в казачьи войска, наступавшие на столицу, с требованием прекратить наступление и осуждением Керенского, толкающего казаков против народа и революции<sup>113</sup>. В 4-м Донском полку назревал конфликт между офицерами и рядовыми казаками<sup>114</sup>. Несмотря на старания реакции втянуть казаков в авантюру, они не выступили против Советской власти. 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки в период борьбы революционных сил (26—31 октября) с войсками Керенского — Краснова и подавления юнкерского восстания в столице (29 октября) остались нейтральными, что способствовало быстрейшей ликвидации контрреволюционного мятежа.

1 ноября в связи с заключением в Гатчине казаками Краснова перемирия с революционными войсками генерал Духонин отдал приказ «остановить дальнейшую отправку войск на Петроград»<sup>115</sup>. Одновременно казачий комиссар при штабе Верховного главнокомандующего Шапкин дал телеграмму во все казачьи части, штабы фронтов и округов: «Во избежание бесполезного пролития крови предлагаю всем казачьим частям немедленно прекратить активное вмешательство в борьбу с большевистским движением»<sup>116</sup>. Совет «Союза казачьих войск» в своей декларации осудил восстание большевиков и не признал Советской власти. Вместе с тем, учитывая сложившуюся обстановку в центре страны и на фронте, вынужден был заявить, что казачество решило не вмешиваться в начавшуюся гражданскую войну, а все свои силы направить на создание демократического правопорядка в родных областях<sup>117</sup>. Каледин осудил как пассивное поведение донских казачьих полков, так и решение казачьих комиссаров. Попытка всероссийской контрреволюции использовать казаков для борьбы с социалистической революцией в Петрограде и на фронте провалилась. 2 ноября «Правда» писала: «Поражение

Керенского есть поражение буржуазно-казацкой контрреволюции». 14 ноября Богаевский, выступая на экстренном заседании войскового правительства в Новочеркасске, вынужден был признать, что борьба с Советской властью оказалась «не по плечу одному казачеству», в России слишком переоценили наши силы, что явилось «своего рода оптическим обманом»<sup>118</sup>.

В исторической и мемуарной литературе правильно указывается на роль и значение агитационной работы РСДРП(б) среди казаков, которая способствовала их «нейтрализации» или же быстрому разложению в мятежных частях. Пролетариат столицы в борьбе за власть создал огромный перевес революционных сил, в том числе материальный, который обеспечивался прежде всего вооружением трудящихся. В. И. Ленин особо отмечал, что к октябрю — ноябрю 1917 г. армия была «наполовину большевистской. Без этого мы не могли бы победить»<sup>119</sup>. Казачьи войска, как известно, входили в состав другой половины. Но чрезвычайно важным было то, что большевики в решающий момент, в решающем месте имели подавляющий перевес сил. «Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи, — писал В. И. Ленин, — когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес...»<sup>120</sup> Контрреволюционный генералитет не смог двинуть войска на помощь Керенскому. Так попытка вывести из Ревеля казачью бригаду, состоящую из 13-го и 15-го Донских полков, в которых преобладали контрреволюционные настроения, на соединение с 3-м конным корпусом окончилась провалом<sup>121</sup>. Тяжелая крепостная артиллерия и жерла орудий кораблей были направлены на места расположения казачьих частей, и они не могли шелохнуться<sup>122</sup>. Революционные войска, рабочие-железнодорожники не давали возможности контрреволюционным частям двигаться на Петроград. Уже 27 октября командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов вынужден был признать, что «из Финляндии... и Ревеля посылка войск оказалась фактически невозможной». 1 ноября Краснов в связи с провалом похода на Петроград доложил Черемисову: «Никакого подкрепления к нам не шло, при этих условиях дальнейшая борьба была бесполезна



и разлагающе действовала на полки»<sup>123</sup>. А позже в своих мемуарах Краснов отмечал, что казаки приходили к нему и заявляли: «Все одно нам, одним казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними (солдатами. — Ю. К.), что же будем делать?»<sup>124</sup>

Подавляющий перевес сил, образование революционного кольца вокруг столицы, блестящая реализация большевиками ленинского плана вооруженного восстания, как и предвидел вождь Октября, привели *«в несколько дней* к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского...»<sup>125</sup>. Там же, где казачьи верхи создали временный перевес своих сил, — на Дону, Кубани, Тереке, Оренбуржье и прочих регионах — Каледину, Дутову, Караулову, Филимонову и другим атаманам удалось поднять контрреволюционные мятежи.

### **Генерал Каледин начинает мятеж**

Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде быстро облетела города, поселки, села и станицы Дона. Пролетариат области приветствовал победоносную социалистическую революцию. Уже 26 октября Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов выразил поддержку рабочим и солдатам Петрограда. 2 ноября Александровск-Грушевский Совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что он «всецело присоединяется ко всем решениям съезда (II Всероссийского. — Ю. К.) и примет все меры к самому энергичному оповещению широких народных масс о совершившихся великих событиях пролетарско-крестьянской революции; шлет горячий привет и полную поддержку нашим избранникам — Народным Комиссарам»<sup>1</sup>. Рабочие Боковского, Чистяковского и Гуковского горных районов Донбасса приветствовали Петроградский ВРК, II Всероссийский съезд Советов, СНК, одобрили Декреты о мире и земле<sup>2</sup>. Исполком Кальмиусского Совета рабочих депутатов в письме Совнаркому заявил: «Власти войскового правительства Донской области не признаем, а признаем только СНК и исполком 2-го Всероссийского съезда Советов рабочих депутатов»<sup>3</sup>. Рабочие ростовских заводов Панипа и «Лели и К<sup>0</sup>», железнодорожники Батайска,

горячки крупнейших шахт Александровск-Грушевского, Парамонова, Петропавловской и РОПИТ приветствовали Октябрьскую революцию и ее вождя В. И. Ленина<sup>4</sup>.

3 ноября многочисленное собрание Русско-Балтийского завода в Таганроге в своей резолюции заявило: «В момент, когда петроградскому пролетариату и гарнизону будет грозить опасность... мы поддержим их всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами»<sup>5</sup>.

В поддержку Советской власти выступило и трудящееся крестьянство. Так, жители Александровской, Екатериновской, Глафиоровской, Елизаветинской волостей, Ейского укрепления и села Николаевки Ростовского округа в наказе делегатам, едущим в Петроград для выяснения текущего момента, одобряли все решения II Всероссийского съезда Советов, деятельность СНК и требовали передачи всей власти «трудовому народу в лице Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов»<sup>6</sup>. Солдатские гарнизоны Ростова, Таганрога, Новочеркасска в ответ на попытку Каледина снова отправить их на фронт заявили, что приказ выполнять не будут, так как он продиктован не военными соображениями, а политическими<sup>7</sup>. 187-й, 249-й, 252-й запасные пехотные полки, расквартированные в Ростове, 272-й и 273-й, расквартированные в Новочеркасске, приветствовали Советскую власть<sup>8</sup>. В казачьих станицах и хуторах петроградские события встретили настороженно.

Днем 25 октября, как только дошли первые вести о восстании в Петрограде, Каледин созывает экстренное заседание войскового правительства. Оно принимает на себя всю полноту власти в области и вводит в Донбассе военное положение. Каледин заявил, что борьба с революцией «должна вестись всеми средствами при полном напряжении всех сил»<sup>9</sup>. В телеграммах, отправленных мятежным атаманом Временному правительству, совету «Союза казачьих войск», общефронтовому казачьему съезду, войсковым правительствам всех казачьих войск, верховному главнокомандующему, окружным атаманам и казачьим частям, говорилось, что ввиду выступления большевиков войсковое правительство считает «захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым» и что оно в тесном союзе с правительствами других казачьих войск окажет полную поддержку Вре-

менному правительству. Далее Каледин сообщал, что ввиду «чрезвычайных обстоятельств» войсковое правительство с 25 октября «приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области»<sup>10</sup>. Обращаясь к горнякам, Каледин угрожал шахтерам, что в случае забастовки он не остановится ни перед чем, чтобы сломить ее, вплоть до применения оружия<sup>11</sup>. Представитель партии кадетов приветствовал решение войскового правительства и заявил, что в интересах страны необходимо воспользоваться «при подавлении беспорядков вооруженной силой»<sup>12</sup>.

26 октября М. П. Богаевский телеграфировал Керенскому: «Так как мы не питаем уверенности, что Временному правительству удастся начать восстановление и укрепление государственной власти не только в Петрограде, но и в Москве, то мы полагаем, что члены Временного правительства и Совета республики могли бы найти на некоторое время более спокойное место для этого в Новочеркасске»<sup>13</sup>. Каледин по прямому проводу устанавливает связь со Ставкой в Могилеве. Духонин и Каледин информировали друг друга о создавшемся положении и координировали совместные акции против Советской власти.

На Дону каледины начали разгонять Советы. 26 октября казаки есаула Чернецова разгромили Макеевский Совет рабочих депутатов, затем был ликвидирован Совет на Рыковском руднике<sup>14</sup>. Погромы рабочих организаций проходили и в других местах области<sup>15</sup>. Генерал Каледин не только сконцентрировал казачьи части вокруг революционного центра области — Ростова, но и ввел их в город. Окрестные хутора, села и станицы были наводнены казачьими войсками. В Таганрог также вступили казаки, имея пулеметы и артиллерию<sup>16</sup>.

29 октября генерал Духонин направил атаману Каледину телеграмму: «Не найдете ли возможным направить в Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряд казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова»<sup>17</sup>. На следующий день начальник войскового штаба Араканцев в телеграмме в Урюпинскую станицу начдиву 7-й Донской дивизии от имени генерала Каледина приказал подготовить 21-й и 41-й

полки, 15-ю батарею к отправлению в Воронеж, а командиру 4-го батальона на станции Филоново «подготовить батальон к выступлению на Воронеж совместно с бригадой 7-й дивизии»<sup>18</sup>.

31 октября заседание войскового правительства по предложению Каледина решило организовать экспедицию в Воронеж в составе двух кавалерийских полков, пешего батальона и артиллерийской батареи<sup>19</sup>. Каледин переходит «к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежом». Эта задача поручается командиру 7-й дивизии, которому обещана при надобности поддержка и другими частями с Дона. От начальника экспедиции требовалось «принять все меры для скорейшего отправления частей... так как помощь нужна самая быстрая и энергичная», «при столкновении с вооруженным сопротивлением действовать самым решительным образом»<sup>20</sup>. На станциях Урюпино, Филоново и Панфилово шла усиленная подготовка к отправке казачьих эшелонов через Поворино — Лиски на Воронеж. 2 ноября военное положение распространяется на Ростовский, Таганрогский и Черкасский округа и на города Ростов, Таганрог, Новочеркасск и Азов, где практически был сконцентрирован весь пролетариат Дона<sup>21</sup>. В районы, объявленные на военном положении, войсковое правительство запретило въезд, приобретение и хранение оружия<sup>22</sup>. В этот же день Каледин предписывает командирам частей привести войска в состояние боевой готовности. В приказе говорилось, что «части в целом должны находиться в такой постоянной готовности, чтобы через 2 часа могли выступить в полном составе», а «дежурные части иметь в постоянной готовности, дабы могли выступить через 15 минут»<sup>23</sup>.

Секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) М. П. Жаков, характеризуя обстановку в области в те дни, писал ЦК РСДРП(б): «Наступления казачьего правительства можно ожидать... с часа на час...»<sup>24</sup> Контрреволюционные силы находились в состоянии боевой готовности для наступления на Москву и подавления революционного движения на Дону. Однако открытое вооруженное выступление контрреволюции было сорвано. Каледин, получив сообщение о том, что 30 октября казачьи войска генерала Краснова разгромлены

под Пулковом, а в ночь на 3 ноября московские рабочие одержали победу в упорных многодневных боях, вынужден был приостановить осуществление своего первоначального плана. В срочной телеграмме 3 ноября в Урюпино генералу Кунакову Каледин приказал приостановить отправку экспедиции на Воронеж<sup>25</sup>. В докладе третьему большому войсковому кругу Каледин признал, что экспедиция на Воронеж была отменена в связи с отступлением от Петрограда отряда генерала Краснова, завладением большевиками Москвой и другими городами<sup>26</sup>.

Планы калединцев о походе на Москву были сорваны в первую очередь пролетариатом Петрограда и Москвы, разгромившим контрреволюционные силы, к которым пытался пробиться атаман. Этому способствовала и неблагоприятная обстановка, сложившаяся для мятежников в рабочих районах области, несмотря на введение в них военного положения. Хотя наступление на север Каледину пришлось приостановить, потенциальная угроза Москве сохранилась, тем более что Донская область становилась одним из основных очагов реакции, плацдармом контрреволюции, где собирались антисоветские силы со всей России.

В начале ноября на Дон к Каледину бежали главари всероссийской контрреволюции генерал Алексеев, Милюков, Родзянко и другие. Сюда же из центральных районов страны стекалось многочисленное офицерство, юнкера, буржуазно-помещичье отребье. В стан мятежников прибывали училища юнкеров, школы прапорщиков и мелкие контрреволюционные подразделения. Реакционные элементы, прибывшие на Дон из Центральной России, объявлялись политическими беженцами. Чтобы обмануть трудовое казачество, контрреволюционеры пытались использовать старую казачью традицию «с Дона выдачи нет» в своих политических целях. Из этого сброда генерал Алексеев при содействии Каледина уже в начале ноября приступил к формированию в Новочеркасске добровольческой армии. «Вокруг Каледина, — писал В. И. Ленин, — группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии»<sup>27</sup>.

Генерал Алексеев 8 ноября в письме из Новочеркасска в Ставку генерал-квартирмейстеру штаба Вер-

ховного главнокомандующего М. К. Дитерихсу, изложив свои планы в казачьем крае, просил помощи и координации действий против власти Советов. Алексеев считал, что избранный им район относительно спокойный, без резко выраженной классовой борьбы, с богатыми естественными и продовольственными ресурсами, и поэтому предлагал здесь «создать сильную власть сначала местного значения, а затем общегосударственного. Это — цель политическая, которая в своем осуществлении не должна быть откладываема далеко». Далее в письме указывалось, что «нужно образовать, однако, силу, на которую эта власть могла бы опереться». Алексеев информировал о планах формирования контрреволюционных сил и просил ставку помочь оружием и деньгами. Касаясь военных возможностей казаков, он писал, что они едва удовлетворяют местным потребностям, а на возвращающиеся с фронта казачьи части надежды нет. «Завоевание России казакам «не по силам»... с ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя»<sup>28</sup>.

Торгово-промышленные круги Дона приветствовали контрреволюционные действия Каледина<sup>29</sup>. Новочеркасские кадеты на собрании постановили «предоставить все свои силы в распоряжение войскового правительства»<sup>30</sup>. Аналогичную резолюцию вынесли и ростовские кадеты<sup>31</sup>. Кадетская «Ростовская речь» приветствовала образование Юго-восточного казачьего союза<sup>32</sup>. За словами последовали дела. 4 ноября на заседании войскового правительства представитель кадетов К. П. Каклюгин предложил создать экономическое совещание «для разработки хозяйственных и экономических вопросов»<sup>33</sup>. Деятельное участие в организации совещания приняли Новочеркасский военно-промышленный комитет, а также председатель Доно-Кубанского комитета Всероссийского земского союза В. А. Харламов и представитель буржуазных кругов Москвы Сахаров<sup>34</sup>. 7 ноября войсковое правительство учредило экономический совет из 26 человек, в основном из представителей крупной буржуазии кадетского толка. Во главе его встал член ЦК кадетов В. А. Харламов, а его заместителем один из руководителей ростовских кадетов — известный миллионер Н. Е. Парамонов<sup>35</sup>. 11 ноября на заседании войскового правительства Харламов заявил: «Тот, в чьих руках ресурсы минерального топлива страны, может самым мо-

гущественным образом влиять на страну во всех отношениях»<sup>36</sup> — и предложил контроль за распределением и продажей угля, что фактически являлось запретом вывоза угля с Дона. Донской областной продовольственный комитет, возглавляемый кадетом Воронковым, принял постановление о запрещении вывоза за пределы области хлеба, мяса и других продуктов<sup>37</sup>. Так кадеты возглавили борьбу за экономическую блокаду Советской России. 28 ноября экономический совет открыл войсковому правительству для борьбы с революционным движением на Дону кредиты в сумме 30 млн. руб. Занимался он и военными вопросами: всевозможными поставками для контрреволюционных сил, формированием спецподразделений<sup>38</sup>. «Детище» кадетов таким образом влияло на политику войскового правительства и держало его в финансовой зависимости. Калединцы вместе с Украинской радой установили экономическую блокаду Центральной России. Секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) М. П. Жаков в письмах от 4 и 12 ноября 1917 г. информировал ЦК РСДРП(б) о планах экономической контрреволюции войскового правительства<sup>39</sup>.

10 ноября на заседании войскового правительства М. Богаевский предложил план создания всероссийского контрреволюционного правительства при Ставке, куда бы вошли представители Украинской рады, Юго-восточной казачьей федерации, донского войскового правительства и других организаций<sup>40</sup>. Казачьи верхи Дона и Северного Кавказа совместно с Украинской радой пытались создать и контрреволюционный блок местных правительств на юге России. 14 ноября Каледин, выступая на закрытом заседании донского войскового правительства, заявил, «что надо образовать союз Юго-восточных областей и Украины для борьбы с существующим (ленинским) правительством»<sup>41</sup>. Но этим прожектам не суждено было сбыться. Борьба трудящихся против местных контрреволюционных правительств не давала возможности их осуществить. Определенную роль сыграли и разногласия среди реакционных правительств юга России, опиравшихся на различные социальные силы. 7 ноября Советское правительство предложило Верховному главнокомандующему генералу Духонину приступить к переговорам о перемирии. Последний ответил

отказом. 9 ноября Совнарком отстранил Духонина от занимаемой должности<sup>42</sup>. Это вызвало большое беспокойство в лагере мятежников.

10 и 11 ноября войсковое правительство специально посвятило свои заседания положению на фронте. В качестве военного эксперта к работе был привлечен генерал Алексеев. На вопрос: «Находите ли вы возможным заставить русский народ воевать?» — генерал, уклонившись от прямого ответа, заявил, что в настоящее время «самая большая опасность заключается в лозунгах Ленина. Солдаты могут забрать котомки и явиться домой»<sup>43</sup>. Агеев вынужден был признать, что чаяния казаков-фронтовиков заключались в фразе: «Надо седлать коней, ехать на Дон, война бесцельна»<sup>44</sup>. Заседание со всей наглядностью показало главарям контрреволюции, что солдаты не хотят воевать за чуждые им интересы, что лозунги большевистской партии нашли приверженцев среди огромной массы фронтовиков, в том числе и среди казаков. Надежды контрреволюции найти хоть какую-то реальную силу на фронте для продолжения борьбы с революцией рушились.

С 6 по 25 ноября в Новочеркасске продолжил свои заседания перебазировавшийся из Киева общефронтной казачий съезд. Каледин пытался использовать авторитет съезда для воздействия на фронтовые казачьи части. Но, по признанию руководителя съезда Агеева, политическая физиономия съезда уже не соответствовала настроениям казачьих частей на фронте<sup>45</sup>. Тем не менее принятые съездом контрреволюционные резолюции о непризнании Советского правительства, сепаратного мира и неподчинении приказам нового Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, а также в поддержку образования Юго-восточного казачьего союза оказали существенную поддержку калединскому движению<sup>46</sup>. Левая группа делегатов съезда во главе с прапорщиком Поздеевым, куда входили Автономов, Голубов, Лапин, Сорокин, Нагаев и другие, хотя и усилила свои позиции по сравнению с киевским периодом, но была еще слишком слаба, чтобы оказать влияние на его решения. Требование этой революционно-демократической группы не выходило за рамки создания однородного социалистического правительства с участием большевиков. Политические взгляды этой группы не были



еще до конца оформлены, тем не менее в целом их позиция была близка к левому крылу эсеров. Сам факт образования оппозиции калединскому режиму на съезде говорил о том, что «единого» казачества, о котором твердила контрреволюция, нет.

Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров на Дону выступали против Октябрьской революции, но не одобряли и акций Каледина. 7—8 ноября на съезде соглашательских организаций области было решено от имени неказачьего населения не признавать всей полноты власти войскового правительства; протестовать против военного положения и требовать его отмены; указать войсковому правительству, что «его намерение взять в свои руки власть не только в смысле политического и гражданского главенства над всей Россией, но и экономического — в смысле захвата угольной промышленности Донбасса и установления... хлебной монополии является намерением глубоко антигосударственным и встретит при его осуществлении категорический отпор»<sup>47</sup>.

13—14 ноября в Новочеркасске состоялось совещание войскового правительства с общественными организациями Дона буржуазного и мелкобуржуазного направлений. На совещании кадеты потребовали от войскового правительства взять инициативу создания государственной власти в стране<sup>48</sup>. Кадет М. С. Воронков заявил: «Единственное наше спасение — объявить себя здесь властью»<sup>49</sup>. М. П. Богаевский не скрывал: «Совершенно безнадежное дело — учитывать силу. Настоящий момент таков, что мы должны поставить *va banque!* Должны поставить теперь же, так как дальше с нами не станут и разговаривать»<sup>50</sup>. Его поддержал начальник войскового штаба кадет М. П. Араканцев, который сказал: «Не время заниматься бухгалтерским подсчетом реальных сил. Пора действовать»<sup>51</sup>.

Меньшевики и эсеры, представленные на совещании правым крылом, стремились найти общий язык и договориться о сотрудничестве с казачьей контрреволюцией для борьбы с большевиками. Однако свою поддержку они обуславливали рядом требований. Резолюция, представленная эсером А. А. Николаевым от имени городских самоуправлений, предусматривала соглашение с войсковым правительством, основными условиями его

являются: немедленная отмена военного положения в области и организация власти в крае на началах представительства всего населения области, а не только казачьего. Вопрос об организации центральной власти, как слишком сложный и ответственный, оставался открытым<sup>52</sup>. Хорунжий Мамонов — делегат от казачьей секции областного военного комитета и представитель реальной силы — поддержал требования эсеро-меньшевиков<sup>53</sup>. Однако войсковое правительство разделить власть с мелкобуржуазной демократией отказалось. Чрезвычайное совещание закончилось безрезультатно.

Уже в первые недели Октябрьской революции калединцы установили тесное сотрудничество с кадетской партией, охарактеризованной В. И. Лениным как «главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России»<sup>54</sup>. В то же время они отвергали сотрудничество с мелкобуржуазной демократией, мотивируя это тем, что ее мягкотелая политика привела Россию на край гибели.

Быстрая победа социалистической революции в Центральной России не дала возможности калединщине выйти за пределы Дона, но она не осталась локальной силой. Калединщина, став базой всероссийской контрреволюции, препятствовала установлению Советской власти в этом районе. Пока существовала Ставка генерала Духонина и сохранялись опасные контрреволюционные очаги в других районах страны, у калединцев была возможность новых комбинаций и авантюр всероссийского масштаба против власти Советов.

## Борьба донского пролетариата против мятежников в ноябре 1917 г.

### Расстановка и соотношение классовых сил на Дону

Пролетариат Дона первым принял удары калединцев. В связи с мятежом большевики начали мобилизацию сил против контрреволюции. 26 октября 1917 г. Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов вопреки сопротивлению соглашателей призвал трудящихся «объединиться вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов и своей мощной поддержкой спасти революцию»<sup>1</sup> и предложил немедленно вооружить рабочих, организовать военно-революционный комитет для борьбы с контрреволюцией. При голосовании резолюции в среде соглашателей произошел раскол. Большевики-интернационалисты воздержались при голосовании, что объективно было на пользу большевикам<sup>2</sup>. Колеблющуюся позицию по вопросу признания Октябрьской революции на Дону заняли левые эсеры<sup>3</sup>. Так, 26 октября на заседании Таганрогской думы они заявили, что в случае перехода власти в руки Советов вынуждены будут считаться с совершившимся фактом. Такая линия в тот период играла положительную роль, так как скорее помогала Советской власти, чем ее противникам, уменьшала и ослабляла ряды ее врагов. Большевистская фракция предложила меньшевикам и эсерам участвовать в работе Военно-революционного комитета, но они отказались<sup>4</sup>. На первых порах ВРК при Ростово-Нахичеванском Совете был создан из одних большевиков, председателем его стал С. И. Сырцов. Большевики охотно принимали в ряды борцов всех, кто признавал необходимость отпора калединской контрреволюции.

Меньшевики и эсеры со своей стороны организовали при ростовской городской думе так называемый комитет

спасения родины и революции<sup>5</sup>; соглашательский по своей сущности, он пытался играть роль «третьей силы»: не признавал ни Октябрьской революции в Петрограде, ни введения Калединым военного положения на Дону. 3 ноября ростовская конференция меньшевиков одобрила тактику своих лидеров, записав в резолюции, что «партия должна со всей решительностью отмежеваться от всякой идейной близости с большевизмом и признавать возможным лишь технические соглашения с ним»<sup>6</sup>. Рупор меньшевиков Дона газета «Рабочее дело» 5 ноября писала: «Моральная и политическая изоляция большевизма — таковы методы борьбы ростовской демократии с большевистской авантюрой с первых ее дней».

Созданный при Ростово-Нахичеванском Совете чисто большевистский городской ВРК через несколько дней пополнился представителями левых эсеров от Ростовского гарнизона, которые при перевыборах исполкома Совета солдатских и офицерских депутатов получили большинство. ВРК назначил своих комиссаров в полки гарнизона; предполагалось, что без их утверждения ни один приказ командиров и Каледина не будет выполняться. Часть оружия и патронов была выдана солдатам, а часть передана Красной гвардии. ВРК отменил приказ Каледина об отправке из Ростова маршевых рот на фронт, заменил казачьи караулы солдатскими у складов боеприпасов<sup>7</sup>.

В Области войска Донского шел процесс укрепления большевистских организаций и создания новых. Так, в дни Октября иловайская объединенная организация раскололась и с помощью ЦК РСДРП(б) и таганрогских коммунистов была создана самостоятельная большевистская организация. В Харцызске члены Таганрогского горкома РСДРП(б) Хильков и Смирнов помогли создать местную организацию большевиков<sup>8</sup>.

Большую роль в завоевании, сплочении и мобилизации трудящихся на сторону Советов и борьбу с контрреволюцией играли большевистские газеты «Наше знамя», «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», выходившие общим тиражом до 17 тыс. экземпляров. В них были напечатаны Декреты о мире и земле, обращение II Всероссийского съезда Советов «Братья-казаки!», «Декларация прав народов

России» и другие важнейшие документы Советской власти. Большевики области пытались вести агитационную работу в казачьих частях, расквартированных в рабочих районах. Однако в целом влияние большевиков Дона на казачьи войска было слабым. Это объяснялось тем, что окончательного политического раскола в казачьей среде еще не наступило.

Пролетариат Дона в дни Октября в основной массе шел за большевиками. Об этом свидетельствуют многочисленные резолюции собраний, митингов, заседаний Советов, в них восторженно приветствовалась победа социалистической революции в Петрограде. Выразительные данные о преобладании влияния большевиков среди рабочих Дона можно обнаружить, анализируя итоги выборов в Учредительное собрание. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание проводились на Дону 12—14 ноября в условиях военного положения в рабочих районах области. Об обстановке тех дней дает представление корреспонденция председателя Гуковского Совета рабочих депутатов большевика В. С. Ковалева, в которой говорилось: «Выборы в Учредительное собрание проходят под давлением Каледина. Во многих местах давали только список № 4 (казачий) и приказывали голосовать за него, угрожая в противном случае выселить из области. Были случаи, что ночью взламывались печати, вскрывались урны, вообще злоупотреблений масса. Вмешаться нельзя, в комиссию не допускается никто, про большевиков говорить нечего»<sup>9</sup>. Завком Таганрогского Русско-Балтийского завода сообщил во ВЦИК, что калединцами в Донбассе «преступно ликвидирована всякая свободная агитация в Учредительное собрание, сопровождающаяся арестами агитаторов»<sup>10</sup>.

Газета «Свободное слово», орган исполкома Ростово-Нахичеванского Совета солдатских и офицерских депутатов, выражая взгляды левого крыла эсеров, отмечала, что «военное положение, объявленное накануне выборов в Учредительное собрание, дало возможность агентам правительства устранить из предвыборной кампании своих политических противников. Арестовывались не только большевики, но и всякий честный социалист или демократ лишь за то, что не хотели плясать под дудку Каледина и Богаевского»<sup>11</sup>.

В. И. Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании»,

написанных 11 или 12 декабря 1917 г., указывал, что «выборы в Учредительное собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарски-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года, т. е. после представления списков кандидатов в Учредительное собрание»<sup>12</sup>. Но, несмотря на это, В. И. Ленин считал, что на основе анализа результатов выборов в Учредительное собрание можно увидеть расстановку и соотношение классовых сил. Анализу этих итогов В. И. Ленин посвятил свою работу «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», написанную в декабре 1919 г. В. И. Ленин отмечал, что данные о выборах в Учредительное собрание «дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны», что они, «если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе»<sup>13</sup>. Основываясь на ленинской методологии, попытаемся проанализировать результаты выборов в Области войска Донского (см. табл. на стр. 70). Итак, из 1 406 620 избирателей, участвовавших в выборах на Дону, за калединский список голосовало 636 966 человек, т. е. более 45%. Если же суммировать голоса кадетов и примыкавших к ним групп собственников и старообрядцев, составивших в общем 56 985, то количество голосов, поданных за открыто контрреволюционные партии и политические группировки, возрастет до 693 951, что составляет 49,32% принявших участие в выборах. Но это средние данные по области.

Нужно учесть, что эти голоса были в основном получены в хуторах и станицах казачьих округов, где влияние пролетариата и большевистской партии было очень слабым, а контрреволюционные верхи, используя сословные предрассудки, сумели повести за собой значительные слои казачества. Так, в Усть-Медведицком округе казачий список получил 65,9%, в Хоперском — 66,2, во II Донском — 71,5, в I Донском — 75,8% голосов. Большевики же в Усть-Медведицком округе получили 1,6% голосов, в Хоперском — 2,7, во II Донском — 3,7, в I Донском — 1,9%. В казачьих частях на фронте и вне области за калединский список голосовало 78,1% участвовавших

в выборах, а за большевиков — 3,2%. В административном центре области — в атаманско-чиновничьем Новочеркасске — за казачий список проголосовало 64% избирателей<sup>14</sup>.

В. И. Ленин отмечал, что «именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции»<sup>15</sup>. Это ленинское высказывание целиком относится и к Дону.

### Итоги выборов в Учредительное собрание по области войска Донского\*

| Партии и группы          | Число голосов, полученных на выборах | % голосов, полученных на выборах | Делегаты, избранные в Учредительное собрание  | № списка |
|--------------------------|--------------------------------------|----------------------------------|---|----------|
| Казачий список           | 636 966                              | 45,28                            | Каледин<br>Богаевский<br>Агеев<br>Харламов<br>Попов<br>Араканцев<br>Мельников<br>Воронков<br>Уланов | 4        |
| Социалисты-революционеры | 478 901                              | 34,05                            | Керенский<br>Николаев<br>Никольский<br>Колесников<br>Курилов<br>Бабин<br>Швецов                     | 2        |
| Большевики               | 205 497                              | 14,61                            | С. И. Сырцов<br>С. Ф. Васильченко<br>С. А. Лозовский  | 5        |
| Кадеты                   | 43 345                               | 3,08                             | —   | 6        |
| Меньшевики-объединенцы   | 17 504                               | 1,24                             | —   | 8        |
| Старообрядцы             | 8 183                                | 0,58                             | —   | 3        |
| Блок социалистов         | 5 718                                | 0,41                             | —   | 1        |
| Собственники             | 5 457                                | 0,39                             | —   | 9        |
| Народные социалисты      | 5 049                                | 0,36                             | —   | 7        |

\* Таблица составлена на основании данных, опубликованных в газете «Вольный Дон» 2 января 1918 г.

Казачья контрреволюционная платформа, выдвинутая на выборах в Учредительное собрание, в ее общей части (основные права граждан, просвещение, рабочее законодательство и др.) была в целом заимствована у кадетов. 20 октября на заседании калединского правительства было заявлено, что программу кадетской партии «разделяет войсковое правительство и войсковой круг»<sup>16</sup>.

Почему же основная масса казачества голосовала за список № 4. Это объясняется не в последнюю очередь социальной демагогией, посредством которой донской контрреволюции удалось обмануть значительную часть трудового казачества. Ведь калединская пропаганда не устанно твердила, будто бы список № 4 — «надклассовый», «непартийный» — выражает чаяния всего казачества, которое «едино», поэтому ему необходимо провести в Учредительное собрание «своих» депутатов, которые наилучшим образом будут защищать его интересы. Главным же было то, что калединская программа обещала сохранить неизменным казачье землевладение и землепользование. Это, безусловно, импонировало казакам, боявшимся потерять сословные привилегии и поступиться частью своих земель в пользу коренных и иногородних крестьян. Калединские лозунги предусматривали казачье самоуправление и вхождение Донской области на правах федерации в единую демократическую федеративную Российскую республику, т. е. это был ловкий маневр, построенный на использовании казачьих традиций в своих политических целях, и средство сохранить в неприкосновенности казачье землевладение. Обещание облегчить тяготы военной службы также привлекало казаков. Все эти обстоятельства и явились теми основными причинами, которые привели к победе списка № 4.

Что касается кадетской партии, то она на Дону, как и в остальной России, собирала голоса в основном в больших городах, где было еще сильно влияние крупной буржуазии. Так, из 43 345 голосов, полученных кадетами в области, 17 050 были приобретены в Ростове-на-Дону и Нахичеване<sup>17</sup>. Хотя блок между казаками и кадетами был расторгнут, однако в скрытом виде он продолжал существовать. И кадетам удалось по «непартийному» казачьему списку провести членов своей партии



Харламова, Воронкова и Араканцева в Учредительное собрание.

Эсеры получили на выборах 478 901 голос, или 34,05% к общему количеству избирателей. Большинство голосов на Дону они приобрели в крестьянских округах. Так, в Таганрогском округе из 226 826 голосов за эсеров было подано 134 469, или 59% от общего числа избирателей<sup>18</sup>, в Ростовском округе — 49,3, в Сальском — 48,6, в Донецком — 36,1% голосов.

В казачьих округах эсеры были второй партией по числу полученных голосов. Так, в Черкасском округе за них голосовало 30,7%, в Усть-Медведицком — 29, в Хоперском — 28,9, во II Донском — 22,2, в I Донском — 20,3% избирателей. И даже в казачьих частях на фронте и вне области эсеры получили 16,1% голосов<sup>19</sup>. Успеху эсеров способствовало то обстоятельство, что на Дону, как и в других районах, левые эсеры заявили себя сторонниками декретов II Всероссийского съезда Советов. Нельзя забывать, что эта мелкобуржуазная партия уже накануне выборов не представляла собой единого целого, и члены ее оказались по обе стороны баррикад. А после выборов в ее рядах произошел и формальный раскол. О том, насколько эсеровская партия была неоднородна и на Дону, свидетельствует следующий факт: если правые эсеры провели в Учредительное собрание обанкротившегося Керенского, то левые эсеры в большей части шли с большевиками и выступали за передачу всей власти Советам<sup>20</sup>.

Частично за эсеров на выборах в Учредительное собрание на Дону голосовали и горняки. Это объясняется тем, что среди шахтеров было немало сезонных рабочих из крестьян, пришедших на заработки в Донбасс, которые не порвали еще связи с сельским хозяйством<sup>21</sup>.

В. И. Ленин писал, что единый список эсеров не соответствовал реальному разделению народа, «в силу этого, даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и не может быть»<sup>22</sup>.

Ощутимое поражение на выборах в Учредительное собрание на Дону потерпели меньшевики: они собрали 23 222 голоса, или 1,65% по области. Так, в Ростове меньшевики всех мастей и оттенков получили 7018 голосов, или 10,3%, в Нахичеване — 1846 голосов, или

9,7% от общего числа участвовавших в голосовании избирателей; в Таганроге процент полученных меньшевиками голосов в основном соответствовал ростовским показателям<sup>23</sup>.

За большевистскую партию на выборах в Учредительное собрание на Дону голосовало 205 497 человек, что составило 14,61% от общего числа избирателей. Большевики по числу полученных голосов были третьей партией в области.

Сравнивая результаты выборов в России и на Дону, мы видим следующие особенности. Если в общероссийском масштабе мелкобуржуазные партии заняли первое место, большевики — второе, кадеты — третье, то на Дону правые силы собрали наибольшее количество голосов, мелкобуржуазные партии были оттеснены на второе место, а большевики — на третье. Результаты выборов на Дону были в значительной степени обусловлены политическим и социально-экономическим развитием области, что и создало вышеуказанную специфику.

Среди рабочего класса в промышленных районах Донской области, как и в России, большевистская партия была наиболее популярной. Большевики получили здесь почти в 9 раз больше голосов, чем меньшевики. В Ростове-на-Дону за большевистскую партию голосовало 25 827 человек (37,7%), в Нахичеване — 9172 человека (48,25%), в Таганроге — 9329 человек (42%), в Криндачевке — 2759 человек (70%), в Александровск-Грушевском — 7117 человек (77%), в Макеевке (Дмитриевск) — 9559 человек (75%)<sup>24</sup>. В большинстве шахтерских поселков области горняки также отдали голоса большевистской партии.

В Ростовском и Таганрогском округах, где преобладало крестьянское население, но где пролетарское влияние сказывалось сильнее, в некоторых селах значительная часть населения голосовала за большевиков. Так, в селах Кагальник, Батайск, Ново-Батайск, Вареновка, хуторах Подкущевском, Большая Козинка подавляющее число сельских жителей голосовало за большевиков. В армянских селах Крым и Чалтырь, расположенных вблизи Ростова, большинство населения также отдало свои голоса РСДРП(б). В Таганрогском и Ростовском округах соответственно 31,8% и 35,6% сельского населения голосовало за большевиков<sup>25</sup>. Все это свидетель-

ствовало о том, что трудовое крестьянство постепенно отворачивалось от партии эсеров.

То обстоятельство, что большевики вели за собой большинство трудящихся на Дону в ключевых, жизненно важных районах области, намного повышало силу влияния Коммунистической партии. Результаты выборов в Учредительное собрание еще раз свидетельствуют о том, что наибольшим авторитетом в рабочем движении на Дону, как и в России, в дни Октября пользовалась РСДРП(б), которая вела за собой основные отряды донского пролетариата. Рабочий класс играл определяющую роль в борьбе с калединской контрреволюцией за установление власти Советов. Пролетарские районы стали оплотом социалистической революции на Дону.

Характеризуя причины победы Великой Октябрьской социалистической революции и Коммунистической партии, В. И. Ленин в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» на основе анализа результатов выборов в Учредительное собрание сделал вывод: «Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса»<sup>26</sup>. Этот ленинский вывод полностью относится и к Дону, где огромное большинство рабочего класса шло за Коммунистической партией, что в значительной мере и предопределило крах кадетско-калединской контрреволюции.

Что касается соотношения военных сил революции и контрреволюции на Дону, то они к этому времени сложились в пользу последней. В конце октября в распоряжении Каледина в области было 12 казачьих полков, 6 батальонов и несколько батарей<sup>27</sup>. Это позволяет утверждать, что их численность составляла приблизительно 15 тыс. человек.

Каковы же были настроения в казачьих частях, сосредоточенных в Донской области? С одной стороны, рупор калединцев — газета «Вольный Дон» пестрела резолюциями казачьих частей в поддержку войскового и Временного правительства, с другой стороны, весьма показательно выступление казака, члена областного военного комитета в Ростово-Нахичеванском Совете, 26 октября, который заявил, что казаки не начнут граждан-

ской войны, но, «если им бросят перчатку, они её поднимут». 4 ноября приглашенные на заседание Ростовского ВРК представители казачьих частей заявили, что первыми они не начнут борьбу, но в то же время «всякое восстание большевиков подавят самым беспощадным образом»<sup>28</sup>. Таким образом, в случае выступления большевиков поддержка Каледину была обещана, но рядовые казаки сами не стремились к развязыванию гражданской войны на «Тихом Дону».

Что касается революционных сил, то в дни Великого Октября Красная гвардия на Дону находилась в зачаточном состоянии. Анализ восьми сохранившихся анкет делегатов Донской области большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов показывает, что в восточном Донбассе в большинстве мест Красной гвардии не было, а в некоторых шел процесс ее организации. Лишь в отдельных шахтерских поселках, таких, как Чистяково, она существовала. Анкеты называют и одну из главных причин такого явления — полное отсутствие оружия<sup>29</sup>. Большевистская газета «Донецкий пролетарий» 24 ноября, касаясь положения в Ростове, писала: «...там, как и всюду, острый недостаток в оружии. Красная гвардия недостаточно вооружена». Отметив безоружность горняков, газета резюмировала: «На стороне Каледина перевес в отношении вооруженной силы».

Начальник штаба Красной гвардии Г. Н. Захарьянц и секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) М. П. Жаков в своих воспоминаниях констатируют, что Красной гвардии на Дону практически не было. Жаков пишет, что «ко времени столкновения Дон совершенно не имел обученной пролетарской классовой вооруженной силы, если не считать сотню-другую красногвардейцев»<sup>30</sup>. Они называют и другие важные причины, которые мешали созданию отрядов Красной гвардии: агитация меньшевиков и эсеров на фабриках и заводах против вооружения рабочих, а также недооценка этого вопроса некоторыми большевиками Дона.

Что касается запасных пехотных полков, расквартированных в Ростове, Таганроге, Азове и Каменской, то хотя некоторые из них и выступали в поддержку декретов Октября, однако, будучи плохо вооруженными, без большевистского руководства, они в развернувшихся

событиях дали себя разоружить или же соблюдали нейтралитет и в конце концов были распущены Калединым по домам. Таким образом, пехотные полки реальной силы не представляли.

Соотношение военных сил революции и контрреволюции на Дону красноречиво представлено в письме Донского окружного бюро РСДРП(б), направленного 12 ноября 1917 г. ЦК РСДРП(б), в котором говорилось: «Нам нужна военная помощь. Имейте это в виду. Нас раздавят в один день при наличии броневиков, отсутствии у нас снарядов и сомнительности флотской поддержки. Область сопротивления оказать не может»<sup>31</sup>. Можно не согласиться с категоричным утверждением М. П. Жакова о том, что область сопротивляться не может, но в целом картина, нарисованная руководством большевиков Дона, соответствовала реальной действительности.

### **Попытка блока большевиков с мелкобуржуазными партиями**

Большевики Ростова с первых дней Октябрьской революции стремились создать широкий антикалединский фронт трудящихся, но руководящая верхушка соглашательских партий препятствовала этому. 4 ноября на заседании Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов прибывший в конце октября из Петрограда делегат II Всероссийского съезда Советов М. П. Жаков сделал доклад о съезде, принятых им декретах и создании СНК во главе с В. И. Лениным. 133 голосами против 75 Совет приветствовал съезд Советов и избранный им СНК, заявив «о своей готовности поддержать и проводить в жизнь постановления съезда и Совета Народных Комиссаров». По докладу секретаря ВРК большевика М. Равиковича о военном положении, введенном Калединым в рабочих районах Дона, в Совете развернулись бурные прения. Большевики предложили меньшевикам и эсерам создать единый фронт борьбы против Каледина, но соглашатели ответили отказом. Однако Совет почти единогласно принял резолюцию, предложенную большевистской фракцией, которая гласила: «Совет рабочих и солдатских депутатов протестует против провокационных действий Войскового

правительства... и выражает свою уверенность, что пролетариат, солдаты и вся демократия области достойным образом ответят на действия корниловцев»<sup>1</sup>. 5 ноября в Ростове по инициативе большевиков была созвана областная конференция Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, профсоюзов, рудничных и фабрично-заводских комитетов. Ее целью была мобилизация революционных сил против Каледина. По первому и главному вопросу — «Борьба с контрреволюцией» выступил секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) М. П. Жаков. В резолюции конференции было подчеркнуто, что социально-экономические условия Донской области «дают наибольшую возможность создания центра для организации контрреволюционных сил России, долженствующих обрушиться в гражданской войне на революционную демократию», а это является прямой угрозой завоеваниям революции. Конференция призвала революционно-демократические организации Дона принять «все зависящие от них меры для борьбы с вооруженным выступлением контрреволюционного лагеря»<sup>2</sup>. ВРК при Ростово-Нахичеванском Совете рабочих и солдатских депутатов был признан областным центром для согласования и руководства деятельностью революционно-демократических организаций трудящихся Дона.

Продолжая линию на создание широкого антикалединского фронта, большевики Дона не прекращали непримиримой идейной борьбы с соглашательскими партиями. Коммунисты Дона вместе со всей партией клеймили группу штрейкбрехеров в рядах РСДРП(б). В передовой статье «К уходу народных комиссаров» в газете «Наша знамя» от 8 ноября 1917 г. осуждалась капитулянтская позиция Рыкова и К<sup>о</sup>. В этом важнейшем и принципиальном вопросе того времени партийная организация Донской области поддерживала линию ленинского ЦК РСДРП(б).

ВРК при Ростово-Нахичеванском Совете, опираясь на поддержку рабочих и солдат гарнизона, мобилизовывал силы для борьбы с калединской контрреволюцией. Большое значение комитет придавал вооружению трудящихся. В приказе-отчете Ростовского ВРК от 16 ноября отмечалось, что «по его настоянию были вооружены солдаты, и с помощью товарищей солдат об-

разована и вооружена Красная Рабочая Гвардия». Однако, как пишет М. П. Жаков, комитет «не был еще в состоянии на домогательства Каледина ответить собственными попытками захвата власти даже в городе»<sup>3</sup>.

Тактика соглашателей была рассчитана на моральную и политическую изоляцию большевиков. Однако события на Дону развивались с такой быстротой, что лидеры меньшевиков и эсеров сами оказались перед угрозой полной изоляции от тех слоев трудящихся, которые еще шли за ними. Действия Каледина носили настолько контрреволюционный характер, что это вынуждены были признать и соглашатели. В такой обстановке от большевиков требовалась гибкая тактика, чтобы втянуть все отряды пролетариата на борьбу с контрреволюцией. «В условиях архитяжелых, при крайне невыгодном для пролетариата соотношении сил, недостаточной подготовленности и вооруженности, — отмечал С. И. Сырцов, — большевики вынуждены были пойти на переговоры с соглашателями на базе признания необходимости борьбы с попытками Войскового правительства обуздать революционный Ростов»<sup>4</sup>.

12 ноября в Ростове-на-Дону состоялось объединенное совещание представителей пяти комитетов: исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, исполкома Совета солдатских депутатов, областного военного комитета, комитета спасения родины и революции, на котором обсуждался вопрос о необходимости создания единого демократического фронта. Три последних комитета были соглашательские. М. П. Жаков в письме 12 ноября ЦК РСДРП(б) \* изложил пункты, выработанные большевиками: социалистическое правительство (без дальнейших определений); о местной власти — ссылка на Учредительное собрание и указание на недемократичность казачьего правительства (в противовес казачьим войсковым тенденциям к сепаратизму); непризнание военного положения, устранение всех агентов бывшего Временного правительства (Зеелера, Потоцкого и др.); уничтожение

---

\* В ответном письме Донскому окружному бюро РСДРП(б) 24 ноября Секретариат ЦК РСДРП(б) не дал оценки платформы соглашения («Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Ноябрь 1917 — февраль 1918 г.», т. 2, стр. 50—51).

принципа паритетности в организации снабжения; военные действия против Каледина; вхождение в областной Военно-революционный комитет и др.<sup>5</sup> Жаков отмечал, что «в существенном платформа совпадает с платформой и с.—р. фракции в Совете солдатских депутатов». Главным условием соглашения Донское окружное бюро РСДРП(б) считало объединение сил для вооруженного сопротивления каледицам. Нужно отметить, что ростовские большевики сознательно не включили в пункты соглашения вопрос о признании Советской власти и ее декретов, ибо открытое включение такого условия сделало бы невозможным соглашение. В результате оживленного обмена мнениями совещание приняло резолюцию о возможности и необходимости соглашения в целях «борьбы с контрреволюцией и защиты прав демократии и завоеваний революции».

13 ноября переговоры о соглашении между большевистским, эсеровским и меньшевистским руководством с участием представителей 5 комитетов были продолжены. На совещании острая дискуссия разгорелась по вопросу о центральной власти. Выступившие от имени ВРК С. И. Сырцов и М. П. Жаков заявили, что вопрос этот не практический, он может решаться лишь партийными центральными органами в Петрограде, и предложили считать вопрос об отношении совещания к центральной власти открытым<sup>6</sup>. Большевиков поддержал председатель пехотной секции областного военного комитета левый эсер поручик Арнаутов. Он разъяснил сомневающимся: «Не о декретах СНК, а о декретах Каледина стоит перед нами вопрос в нашей специфической Донской обстановке». Совещание единогласно приняло предложение большевиков об оставлении вопроса об отношении к центральной власти открытым<sup>7</sup>.

14 ноября произошло важное событие, которое ускорило процесс объединения различных группировок против Каледина. В областном военном комитете, находившемся под влиянием калединцев, давно назревал конфликт между казачьей и пехотной секциями. Переехавшая из Новочеркасска в Ростов пехотная секция, возглавляемая левым эсером поручиком Арнаутовым, довела до сведения войскового правительства, что с этого момента она называется военным комитетом неказачьих частей Донской области и принимает на себя обязан-



ности распоряжаться этими частями. Военный комитет неказачьих частей представил себя выразителем мнения неказачьих частей области и потребовал от войскового правительства немедленной отмены военного положения в неказачьих округах, а также освобождения арестованных за политическую агитацию, отказа от верховных государственных прав и созыва общего съезда крестьян, рабочих и казаков для решения вопроса об областном самоуправлении. Он обратился ко всем полковым комитетам и командирам неказачьих частей, расположенных в Донской области, с призывом не исполнять распоряжений войскового атамана и его штаба<sup>8</sup>. Однако, несмотря на ультимативный характер этих требований, комитет не собирався силой отстаивать их выполнение войсковым правительством, что делало антикалединскую резолюцию верховного органа пехотных полков, сосредоточенных в Ростове, Таганроге, Новочеркасске, Азове и Каменской, беспомощной. Председатель комитета Арнаутов признавал власть Совета Народных Комиссаров<sup>9</sup>.

15 ноября переговоры о соглашении между большевистским, эсеровским и меньшевистским руководством продолжались<sup>10</sup>. После бурных прений было решено образовать областной военно-революционный комитет объединенной демократии. Касаясь причины создания комитета, М. П. Жаков в письме секретарю ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасовой сообщал: «Мы рассчитывали, что, отложив все, что можно, от областного военного комитета... затянуть время до подхода подкреплений. И то и другое удалось»<sup>11</sup>.

Нормы представительства в областной военно-революционный комитет объединенной демократии были установлены следующие: от исполкомов Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов — по 5 человек; от городских дум, областного военного комитета неказачьих войск, казачьей секции\*, центрального бюро профсоюзов, президиума фабзавкомов и комитета железнодорожного узла — по 3 человека. Партийные комитеты большевиков, меньшевиков и эсеров, полковые комитеты, дружина, артдивизион, команда яхты «Кол-

---

\* В состав областного ВРК объединенной демократии вошел только один казак — войсковой старшина Н. Голубов.

хид» и почтово-телеграфные служащие выделили по 1 человеку<sup>12</sup>.

Совещание приняло пункты, подготовленные большевиками: непризнание военного положения, смещение агентов бывшего Временного правительства, вывод казачьих войск из рабочих районов, мобилизация вооруженных сил. Было решено на следующий день продолжить совещание совместно с новым составом областного военно-революционного комитета объединенной демократии. А до принятия дел новым составом комитета от старого последний сохранял свои полномочия. Обязанности военного штаба на это время были возложены на областной военный комитет неказачьих войск и центральный штаб Красной гвардии<sup>13</sup>.

16 ноября в принципе были согласованы и последние пункты: об устранении командующего гарнизонами Ростова и Нахичевана генерал-майора Потоцкого и комиссара Временного правительства градоначальника Зеелера<sup>14</sup>. Однако действия против Каледина не были определены. Член Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) В. Г. Филлов писал: «Внутри областного ревкома была недоговоренность о предстоящих действиях, затушеванная искусственно расплывчатыми резолюциями. Наша партия — в тогдашних условиях — от этого мало теряла, наоборот: выясняла перед трудящимися истинное лицо меньшевиков и эсеров и выигрывала время для накопления сил»<sup>15</sup>.

В условиях казачьей области, где силы организованной контрреволюции временно превосходили силы революции и отсутствовала помощь извне, большевики пошли на создание областного военно-революционного комитета объединенной демократии с участием эсеро-меньшевиков центра и левого крыла, что явилось своеобразной попыткой создания единого фронта борьбы рабочих и солдат против контрреволюции.

Нужно отметить, что рабочие двух крупнейших предприятий Ростова и Нахичевана — Главных Владикавказских железнодорожных мастерских и завода «Аксай» находились в значительной степени под меньшевистским влиянием, а солдаты ростовского гарнизона под левоэсеровским. В Ростово-Нахичеванском Совете рабочих и солдатских депутатов большевики не имели абсолютного большинства мандатов.

Сословные противоречия на Дону накладывали определенный отпечаток на классовые отношения, хотя, разумеется, последние были определяющими. Меньшевики и эсеры, представлявшие в основном мелкобуржуазную демократию неказачьего населения, под давлением масс пошли на соглашение с большевиками.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» пишет, что победить сильного врага (а таким врагом на Дону был генерал Каледин) «можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного». И продолжает: «Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*»<sup>16</sup>. Именно эту малейшую возможность и хотели использовать большевики Дона, чтобы получить себе массового союзника в лице меньшевистско-эсеровских низов.

Образование областного военно-революционного комитета объединенной демократии встретило поддержку у рабочих и солдат Ростова. 16 ноября Ростово-Нахичеванский Совет солдатских и офицерских депутатов, приветствуя состоявшееся соглашение, заявил, что «областной Военно-революционный комитет объединенной демократии будет поддержан гарнизоном во всех своих начинаниях, направляемых к укреплению завоеваний революции и в борьбе с контрреволюцией»<sup>17</sup>. Аналогичные резолюции выносили и рабочие города<sup>18</sup>.

Вхождение меньшевиков и эсеров в областной ВРК объединенной демократии вызвало раскол в рядах соглашателей. От меньшевиков откололась группа оборонцев, которая выступила против соглашения с большевиками. Аналогичную позицию заняли и правые эсеры<sup>19</sup>. Одновременно у меньшевиков выделилась и группа меньшевиков-интернационалистов<sup>20</sup>.

19 ноября представитель левых эсеров Ростова Карпьяк, выступая в Москве на I съезде своей партии, заявил: «...Каледин объявил себя диктатором с целью подавить большевиков. Мы понимали, что с подавлением большевиков будут подавлены все левые организации, и поддерживали большевиков»<sup>21</sup>. 24 ноября Ростовская обще-

городская конференция социалистов-революционеров вопреки протесту правых выразила поддержку ЦК левых эсеров<sup>22</sup>. И в других районах Дона левые эсеры становились сторонниками власти Советов. Член ЦИК эмиссар по Донбассу Г. И. Петровский, оценивая положение в данном районе, 12 ноября отмечал в «Правде», что «как и в Петрограде, так и здесь большинство левых социалистов-революционеров идет с нами». Таким образом, соглашатели на Дону по-разному относились к сотрудничеству с большевиками. Если правые меньшевики и эсеры осуждали соглашение, то левые эсеры поддерживали большевиков.

17 ноября состоялось первое заседание вновь сконструированного областного военно-революционного комитета объединенной демократии, председателем которого был избран большевик С. И. Сырцов<sup>23</sup>. Не все организации, конструировавшие объединенный ВРК, сразу же выделили своих представителей. Этот процесс продолжался до 20 ноября. Большевистское ядро комитета, которое составляло на первых порах большинство, добилось принятия приказа № 1. До сведения населения доводилось о создании областного военно-революционного комитета объединенной демократии, в задачу которого входила «активная борьба с контрреволюцией, защита прав демократии и завоеваний революции». Комитет объявил себя высшим органом власти в Донской области и приказал никаких приказов и распоряжений, исходящих от войскового правительства, не опубликовывать и не исполнять<sup>24</sup>.

Образование областного военно-революционного комитета объединенной демократии, объявившего себя высшим органом власти на Дону и противопоставившего себя власти войскового правительства, сильно встревожило Каледина. Он перебрасывает ряд казачьих частей на юг области к Ростову и Таганрогу, где, по его словам, «много пехотных частей, подчиняющихся Военно-революционному комитету, и откуда можно ожидать вооруженных активных выступлений, особенно при поддержке Черноморского флота...»<sup>25</sup>. Такая переброска войск мятежников к революционным очагам Дона на юг области существенно распыляла их силы, что объективно способствовало укреплению власти Советов в жизненно важных центральных районах России.

Большевики Дона командировали в начале ноября в Севастополь за помощью своих представителей. 6 ноября I общечерноморский флотский съезд постановил: «...в срочном порядке послать флотилию на Дон для реальной поддержки Совета солдатских и рабочих депутатов в Ростове-на-Дону»<sup>26</sup>. Съезд посылает атаману Каледину телеграмму, в которой требует немедленно снять военное положение в Ростове, вывести контрреволюционные войска и признать власть в городе за Советом солдатских и рабочих депутатов. Каледин принимает решительные меры в связи с тем, что «в Ростове образовался ВРК, опирающийся на пехотные части Ростова и других городов области, а также на красногвардейцев», который готовится «к вооруженному восстанию». Войсковое правительство якобы «в целях самообороны и безопасности области» разоружает пехотные полки Новочеркасска<sup>27</sup>. 16 ноября Каледин отдает приказ о разоружении пехотных частей Новочеркасского гарнизона, которые, однако, отказались его выполнить. Тогда 20 ноября атаман предъявил 272-му и 273-му пехотным полкам ультиматум и под угрозой броневиков и артиллерии заставил их сложить оружие. Аналогичным образом 21 ноября был разоружен 276-й пехотный полк в Каменской. Таким образом, Каледину удалось в казачьих районах разоружить пехотные полки. Вслед за тем последовал приказ атамана об увольнении солдат вышеназванных полков по домам<sup>28</sup>. Разоружив Новочеркацкий гарнизон у себя в тылу, генерал Каледин в тот же день двинул казачьи части с артиллерией на Ростов. 22 ноября Каледин объявил всю Донскую область на военном положении<sup>29</sup>.

Одновременно с военными акциями Каледин предпринимает следующий политический маневр. 17 ноября войсковое правительство постановило: «Немедленно ввести земское самоуправление в Ростовском, Таганрогском и Донецком округах». В них проживала основная масса донского крестьянства. 20 ноября войсковое правительство в своем обращении «К коренному не войсковому населению Донской области» наконец пообещало созвать 29 декабря в Новочеркасске «единовременно представителей и донского казачества и донского крестьянства... дабы по разуму и совести коренных обитателей Дона разрешить вопросы об устройстве жизни на Дону»;

«о праве и формах участия в управлении краем пришлых элементов».

22 ноября войсковое правительство, обеспокоенное сведениями о формировании сухопутных «карательных» экспедиций на Дон, прибытием в Таганрог боевых кораблей черноморского флота, напряженной обстановкой внутри области, решило 1 декабря созвать третий большой войсковой круг, на который приглашались и представители крестьянства с правом совещательного голоса<sup>30</sup>.

Опубликование приказа № 1 областного военно-революционного комитета объединенной демократии и ответные действия генерала Каледина насмерть перепугали соглашателей. Они стали саботировать принятую совместно с большевиками платформу, ибо желали гражданского «мира», а не борьбы с контрреволюцией. Для большевиков предательское поведение меньшевиков в новом комитете не явилось неожиданностью. С. И. Сырцов в своих воспоминаниях пишет, что «под прикрытием этого объединенного комитета, неся накладные расходы в виде длительных дискуссий на заседаниях с меньшевиками, развенчивая в глазах объединительно настроенных колеблющихся рабочих ценность этого «объединения», мы развертывали свою работу вооружения и организации, руководимую более узким составом (большевистской частью Ревкома)».

В новом объединенном комитете небольшой перевес голосов оказался у меньшевиков и эсеров. Но, как пишет С. И. Сырцов, «президиум и руководство осталось за нами»<sup>31</sup>. 20 ноября состоялось первое заседание областного военно-революционного комитета объединенной демократии с участием представителей соглашательских организаций. Пользуясь небольшим перевесом сил в комитете, меньшевики и эсеры внесли ряд существенных поправок в приказ № 1. Ввиду фактической отмены революционного приказа № 1 большевики после кратковременного фракционного совещания заявили на заседании, что «выйдут из комитета и перенесут вопрос на разрешение масс»<sup>32</sup>. Меньшевики и эсеры ставили вопрос о переизбрании президиума нового комитета, но председателем комитета по-прежнему оставался С. И. Сырцов, его заместителем — левый эсер Арнаутов и секретарем — большевик М. Равикович. Чтобы разоблачить предатель-

ское поведение соглашателей в новом комитете, большевики перенесли вопрос на разрешение масс. В тот же день на экстренном заседании Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов С. И. Сырцов доложил основы платформы, на которой был организован областной военно-революционный комитет объединенной демократии. По предложению председателя Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) С. Ф. Васильченко Совет (111 голосов — за, против — 78) принял большевистскую резолюцию, которая приветствовала образование союза революционно-демократических организаций Донской области и поручила своим представителям в областном ВРК «добиваться полного уничтожения контрреволюционного движения в области». В случае неожиданных и непоследовательных действий меньшевиков и эсеров резолюция предусматривала при первом же противодействии со стороны областного Военно-революционного комитета власти Рабоче-Крестьянского правительства возможность для своих представителей выйти из него<sup>33</sup>. Таким образом, Совет отверг предложение соглашателей поддержать их резолюцию. Произошел разрыв соглашательской части областного военно-революционного комитета объединенной демократии с трудящимися массами в лице их авторитетного органа Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов. Низы отвергали политику меньшевиков и эсеров.

К Ростову подходили каледины. Генерал Потоцкий, выполняя распоряжение Каледина, привел 20 ноября в движение казачьи войска, сконцентрированные у Ростова. Но попытка наступать в этот день на Ростов с северо-востока провалилась, так как некоторые казачьи подразделения отказались повиноваться своим командирам. Казаки заявляли, что такое «выступление очень тяжело отзовется на их братьях, находящихся на фронте, и что они, не отказываясь защищать Дон, первыми нападать не согласны»<sup>34</sup>.

Донское окружное бюро РСДРП(б) и Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП(б) понимали неизбежность вооруженного столкновения с контрреволюционными войсками и готовились к нему. Большевики Ростова и Нахичевана развернули энергичную деятельность по мобилизации трудящихся на защиту города от калединов.

Был организован центральный штаб Красной гвардии, во главе которого стояли большевики И. Д. Ченцов, Г. Н. Захарьянц, И. В. Тулак. В пехотных полках Ростовского гарнизона было добыто немного оружия, которым вооружились заводские отряды Красной гвардии. Часть оружия была реквизирована красногвардейцами в ростовском порту<sup>35</sup>. Портовые рабочие Ростова, Азова и моряки отказались выполнить приказ генерала Потоцкого затопить в устье Дона баржи с углем, чтобы не допустить Черноморскую флотилию к городу<sup>36</sup>.

Еще 20 ноября представители областного военно-революционного комитета объединенной демократии ввиду движения войск Каледина на Ростов и в связи с попытками казачьих частей захватить некоторые объекты города вступили в переговоры с генералом Потоцким. Да иначе и быть не могло. Переговоры были дипломатическим прикрытием перед началом решительных действий. Большевики пошли на переговоры по тактическим соображениям, так как со дня на день ждали прихода в Ростов боевых судов Черноморского флота, что должно было значительно укрепить силы революции в городе. Кроме того, они выигрывали время для мобилизации сил революции. Войсковое правительство в лице генерала Потоцкого, вступив в переговоры, преследовало свои корыстные цели. Оно рассчитывало тянуть их до 1 декабря, т. е. до открытия III большого войскового круга, который, по мнению Каледина, должен был покончить с колебаниями в казачьих частях и санкционировать наступление на Ростов. Меньшевики и эсеры пытались по своей соглашательской сущности примирить непримиримое. Даже по свидетельству белогвардейцев, переговоры, «на которые тратилось много времени», были, «конечно, не без пользы для большевиков»<sup>37</sup>.

Прибытие 23 ноября в Ростов кораблей Черноморского флота с десантным отрядом моряков и запасом оружия значительно укрепило силы Красной гвардии.

Путь переговоров уже не удовлетворял большевиков. Один из лидеров ростовских меньшевиков — Гросман, коснувшись обстановки, сложившейся в областном ВРК объединенной демократии в связи с прибытием моряков, свидетельствовал, что «с приходом Черноморской флотилии наступил перелом. Большевики стали настаивать на подчинении Совнаркому и на ультиматуме Потоцкому,



дав ему 24 часа времени для размышления, грозя началом военных действий»<sup>38</sup>.

24 ноября на заседании областного военно-революционного комитета объединенной демократии обсуждались результаты переговоров с войсковым правительством. Большевики предложили прекратить переговоры с войсковым правительством и предъявить ему 24-часовой ультиматум: снять военное положение, вывести казачьи войска из городов Области войска Донского, отказаться от притязаний на верховную власть. Однако большевистский ультиматум был отклонен 15 соглашательскими голосами против 14<sup>39</sup>. Пользуясь перевесом голосов, соглашатели навязали комитету свои формулировки, в частности было решено предложить Черноморской флотилии и революционным войскам, идущим на Дон, удалиться. Такое явно предательское поведение со стороны меньшевиков и эсеров вызвало отпор со стороны большевистской части комитета. Председатель комитета С. И. Сырцов в своем выступлении заявил, что в принятии меньшевистско-эсеровских пунктов соглашения он видит «отказ от борьбы с контрреволюцией». Большевики в связи с этим заявили в ультимативной форме, что оставляют за собой свободу действий<sup>40</sup>.

25 ноября на продолжившемся заседании областного ВРК объединенной демократии председательствующий С. И. Сырцов объявил о постатейном голосовании большевистского ультиматума и предоставил присутствующим делегатам Черноморской флотилии право решающего голоса. Теперь в голосовании приняли участие председатели судовых комитетов кораблей черноморцев. В результате нового голосования большевистский ультиматум прошел 20 голосами против 19<sup>41</sup>. Тогда меньшевики и эсеры заявили о своем выходе из областного военно-революционного комитета объединенной демократии\*. В связи с этим был восстановлен, по словам С. И. Сырцова, «фактически не перестававший действовать чисто большевистский Военно-революционный ко-

---

\* Образованный в эти дни в Таганроге из представителей большевистской, эсеровской и меньшевистской партий городской ВРК объединенной демократии в связи с выходом из областного ВРК его соглашательской части распался. И здесь инициаторами раскола были меньшевики и эсеры, которые последовали примеру своих братьев в Ростове.

митет». Речь идет, конечно, о сущности комитета, а не о партийном составе, поскольку представители некоторых соглашательских организаций остались в ВРК. В комитет продолжали входить левые эсеры Арнаутов, Степанов, Блюм и др.<sup>42</sup> Таким образом, попытка большевиков создать широкий фронт трудящихся против Каледина в целом не удалась.

В связи с прибытием кораблей черноморцев в Ростов среди руководителей большевиков по вопросу дальнейших акций против Каледина усилились разногласия. М. П. Жаков и С. Ф. Васильченко, переоценивая силы революции на Дону и готовность их к борьбе, стали настаивать на форсировании военных операций против мятежников. С. И. Сырцов и М. И. Равикович предлагали продолжать мобилизацию революционных сил и не давать повода войсковому правительству спровоцировать военные действия. С. И. Сырцов в воспоминаниях пишет: «Не в наших интересах было форсировать события. ВРК, несмотря на то, что горячие головы рвались в бой, сознавал, что каждый лишний день оттяжки есть уже победа»<sup>43</sup>. Сторонники Сырцова предостерегали от преждевременного выступления, которое ускорит вооруженный конфликт, приведет к разгрому слабых революционных сил, кинет в объятия Каледина казачьи станицы и — что было опаснее всего — фронтовое казачество<sup>44</sup>. Представители горняков не хотели форсировать события в Ростове до тех пор, пока шахтеры не будут вооружены. Вначале эта линия встречала понимание большинства. Но 25 ноября закрытое партийное собрание большевиков Ростова небольшим перевесом голосов поддержало линию Жакова и Васильченко<sup>45</sup>. Это решение привело к ультиматуму войсковому правительству. Однако, не подкрепленный превосходящей военной силой, он лишь способствовал Каледину втравливать казаков в борьбу с революционными силами и дал повод соглашателям выйти из областного ВРК объединенной демократии. Прибывший в Ростов 27 ноября член ЦК РСДРП(б) А. С. Бубнов склонялся к более гибкой линии С. И. Сырцова, но восстановить ее уже было невозможно<sup>46</sup>. Большевики не могли уже до конца использовать все возможности в практическом проведении линии по созданию широкого антикалединского фронта. Как известно, терским большевикам удалась с помощью «социалистиче-

ского блока» тактика широкого фронта борьбы с контр-революцией<sup>47</sup>.

Узнав об ультиматуме, генерал Потоцкий в ночь на 26 ноября отдал приказ казакам и юнкерам нанести упреждающий удар по Ростово-Нахичеванскому Совету с целью ареста членов большевистского ВРК<sup>48</sup>. Так калединыцы развязали открытую гражданскую войну на Дону.

Выход верхушки соглашательских партий и организаций из областного ВРК объединенной демократии, их предательство перед началом вооруженного конфликта отрицательно сказались на ходе борьбы. Однако большевики, идя на соглашение, рассчитывали не на лидеров меньшевиков и эсеров, а на те слои трудящихся, которые еще шли за соглашателями. Основное, что нами руководило, вспоминает член Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) и большевистского ВРК И. В. Решетков, это борьба за руководство в массах рабочих<sup>49</sup>. Логика классовой вооруженной борьбы с Калединым втянула и заставила часть рабочих, шедших за меньшевиками, отойти от своих лидеров и встать на одну сторону баррикад вместе с большевиками. С. И. Сырцов в своих воспоминаниях отмечает, что «факт предательства отбросил от меньшевиков часть их сторонников, несмотря на партийную и профсоюзную дисциплину»<sup>50</sup>.

Интересны воспоминания бывшего члена меньшевистского Донкома в 1917 г. М. Матвеева, рассказывающие об обстановке, царившей в те дни в меньшевистском лагере, и особенно среди рабочих-меньшевиков. Член РКП(б) М. Матвеев пишет: «Я в то время был меньшевиком. Естественно, что когда события разворачивались сначала, то мы не чувствовали их, но когда события развернулись, то каждый рабочий, будет ли он меньшевик или кто другой, он прежде всего рабочий. Первый случай, который сдвинул рабочих, — это разгром Советов... Я тогда работал на заводе «Аксай». Мы сошлись там и решили, что много здесь думать не приходится, что спорить о том, кто меньшевик, кто большевик, не стоит, а дело такое, что разгромили наш Совет и надо организовываться». Далее Матвеев повествует о вооруженной борьбе рабочих-аксайцев с калединыцами и о поведении лидеров меньшевиков. Он вспоминает: «Когда мне приходилось приходиться к нашим меньшевистским лидерам

в эти дни боя по вечерам и спрашивать: «А как нам, рабочим, держаться?», то они говорили: «Это, собственно, ваше дело, как знаете, так и делайте». Они говорили, что если чувство подсказывает рабочим, то пусть дерутся, но что из этого все-таки ничего не выйдет. Но никто из рабочих не послушал тогда своего комитета». Аналогичная картина наблюдалась и на заводе Пастухова<sup>51</sup>. Что касается ростовских левых эсеров, то они приняли участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией. Дружина левых эсеров, руководимая Степановым, Чекмардиным, Самойловым, Драгиловым\*, дралась с калединцами на Нахичеванском фронте и под хутором Олимпиадовка<sup>52</sup>.

Газета «Наше знамя» 29 ноября в статье «Нейтралитет», разоблачающей предательство меньшевистской верхушки, писала: «450 рабочих завода «Аксай» (один из оплотов меньшевизма в городе. — Ю. К.) явились в Совет за оружием, когда подлые руки калединцев поднялись на Совет и пролили кровь рабочих. Фабрика Асмолова, мельница Парамонова — цитадели меньшевизма — отозвались тем же. На передовых позициях боя самые «безнадежные» меньшевики стоят с винтовками и патронами, отстаивая город от вторжения калединских полчищ. Рабочие не «нейтральны», они все вместе, все за одного и один за всех, без различия партийности, пола и возраста, когда на них наступает общий враг». Факты показывают, что большевикам удалось повести за собой часть меньшевиков и эсеров, несмотря на противодействие их лидеров.

В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» пишет, что «победа большевиков над меньшевиками требовала не только до Октябрьской революции 1917 года, но и после нее, применения тактики лавирования, соглашательства, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков насчет меньшевиков»<sup>53</sup>. В. И. Ленин замечает, что мелкобуржуазные демократы (в том числе и меньшевики) «неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем», а поэтому «правиль-

---

\* Степанов и Самойлов вскоре погибли, Чекмардин и Драгилов в годы гражданской войны вступили в РКП(б).

ная тактика коммунистов должна состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их...». В. И. Ленин пишет, что исторический опыт России учит, что «в результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается... изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии»<sup>54</sup>.

Большевистская тактика использования антикалединых настроений рядовых меньшевиков и эсеров увеличивала силы революции. В дни ноябрьских боев с каледицами левые эсеры и часть рабочих-меньшевиков пошла за большевиками Ростова. Такая тактика в данной ситуации усилила дальнейший процесс большевизации масс, способствовала разоблачению предательской роли меньшевистского Донкома, а также комитета эсеров, вела к изоляции соглашательских верхов от своих низов, ускоряла процесс разложения в рядах соглашательских партий, выделения левой оппозиции внутри них и прямого организационного раскола. И хотя блок большевиков с мелкобуржуазными партиями на Дону в целом не удался, попытка его осуществления способствовала удержанию «третьей силы» от активного выступления против Советской власти. И если правые эсеры и меньшевики, стремившиеся к союзу с Калединым, так и не нашли «общего языка» с кадетско-казахьей контрреволюцией, то левое крыло мелкобуржуазной демократии приняло участие в борьбе с войсковым правительством.

В. И. Ленин в статье «О компромиссах» пишет: «Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции»<sup>55</sup>. Это ленинское положение целиком применимо к тактике большевиков Дона, которые, учитывая конкретную ситуацию и соотношение классовых и военных сил, пошли в интересах победы над калединской контрреволюцией на создание областного ВРК объединенной демократии. Такая тактика по своему конкретному содержанию и объективному значению на практике была не чем иным, как тактикой единого фронта.

## Захват мятежниками Ростова и других районов Дона

20 ноября революционными войсками под командованием Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко была ликвидирована контрреволюционная Ставка в Могилеве. За несколько часов до этого по распоряжению Духонина из Быхова была выпущена группа контрреволюционных генералов: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков, которые бежали на Дон к Каледину.

ЦК РСДРП(б) и СНК усиленно мобилизуют революционные силы на борьбу с калединщиной. Уже в конце ноября первые крупные соединения были направлены с севера на подавление мятежа. Член калединского правительства белоэмигрант Мельников свидетельствует, что «большевики повели борьбу с Доном, не давая ему (Каледину. — Ю. К.) возможности собраться с силами и окрепнуть»<sup>1</sup>. Каледин немедленно связывается с объединенным правительством Юго-Востока в Екатеринодаре, всеми казачьими войсковыми правительствами и казачьими частями на фронте и в области, а также с советом «Союза казачьих войск» в Петрограде<sup>2</sup>. 25 ноября делегация совета «Союза казачьих войск» в составе Ковалева, Худякова, Ткачева и Бережного прибыла в Смольный в Петроградский Военно-революционный комитет и потребовала прекращения движения революционных войск на Дон, вывода их с территории области и т. д.<sup>3</sup> Эта делегация была принята В. И. Лениным. По свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, В. И. Ленин и ВРК заявили казакам: «Совнарком действительно посылает войска на юг, для защиты Донецкого бассейна от казачьих банд и ликвидации контрреволюционного заговора на Дону. Эта экспедиция ни в чем не умаляет прав трудового казачества, но прямо является поддержкой ему в его борьбе с контрреволюционным атаманством, втягивающим Дон в бунт против рабоче-крестьянской власти»<sup>4</sup>.

П. И. Ковалев в своих воспоминаниях пишет, что В. И. Ленин заявил членам делегации, что посылка советских войск на Дон вызвана контрреволюционной политикой Каледина и Богаевского, не отвечающей интересам трудового казачества, антинародной деятельностью войскового круга, представленного офицерством и бур-

жуазными элементами, в котором не слышно голоса трудового казачества, а также превращением Новочеркасска в центр притяжения реакционных сил России<sup>5</sup>. В телеграмме Худякова Каледину от 25 ноября, а также в воспоминаниях Ковалева члены делегации в один голос признавали, что большевики не желали кровопролития на юге<sup>6</sup>. Эти вынужденные признания врагов — лишний раз подтверждают, что Советское правительство делало все возможное для предотвращения гражданской войны. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: «Мы не хотим гражданской войны. . . Мы против гражданской войны»<sup>7</sup>.

В тот же день на заседании СНК В. И. Ленин сделал доклад о посещении \* его делегацией совета «Союза казачьих войск»<sup>8</sup> и огласил его резолюцию, которая была направлена против внешней политики Советского государства и посылки революционных отрядов в казачьи области, в особенности против ввода туда советских войск без согласия войсковых правительств<sup>9</sup>.

Это была открытая контрреволюционная платформа казачьих верхов, направленная против власти Советов и на разжигание гражданской войны. По докладу В. И. Ленина СНК принял воззвание к казакам. Было решено подготовить листовку для казаков и оказать содействие Казачьему комитету ВЦИК в отправке агитаторов в казачьи области<sup>10</sup>. В воззвании «От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам» разъяснялось, что казачьи генералы и помещики обманывают рядовых казаков и натравливают на остальной народ. Советская власть не думает отбирать у трудового казачества землю, а хочет освободить его от кабалы богатеев, что «Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками»<sup>11</sup>. В воззвании говорилось, что Советское правительство — правительство мира, что «на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льется солдатская и казацкая кровь». С особой силой подчеркивалось, что «трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Един-

---

\* Подробно об этом см.: Ю. Кириенко. Беседа в Смольном . . . («Доп», 1967, № 6).

ственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества. . . это — скорый и честный мир». Воззвание призывало казаков объявить Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников врагами народа, изменниками и предателями, арестовать их и передать в руки Советской власти, а самим создавать Советы казачьих депутатов и брать управление всеми делами казачества в свои трудовые руки<sup>12</sup>.

В тот же день Совет Народных Комиссаров в обращении «Ко всему населению» вскрыл перед трудящимися опасность калединского и дутовского мятежей, субсидируемых буржуазией. Политическим штабом этого восстания назывался ЦК кадетов. «Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности. . . Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа, — говорилось в обращении. — Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено. . .» Определяя конкретные меры по ликвидации мятежей, обращение доводило до сведения всего населения, что вожди заговора объявляются вне закона, а все области на Дону и Урале, где обнаружатся контрреволюционные отряды, — на осадном положении. Советское правительство обязывало местные гарнизоны действовать со всей решительностью, не ожидая указаний сверху. Какие бы то ни было переговоры с главарями мятежников воспрещались. «Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти»<sup>13</sup>.

Эти обращения СНК явились важными программными документами Коммунистической партии и Советского правительства по ликвидации мятежей и привлечению трудового казачества на сторону революции.

Нападением в ночь на 26 ноября на Ростово-Нахичеванский Совет калединцы развязали гражданскую войну на Дону. На это обстоятельство обращала внимание 27 ноября газета «Наше знамя», которая писала: «Ответственность за пролитую кровь наших товарищей всецело ляжет на калединского Потоцкого и его молодцев. Первый выстрел последовал с его стороны. Это он начал гражданскую войну». В. И. Ленин на заседании ВЦИК 1 де-



кабря подчеркнул, что «начали гражданскую войну буржуазно-калединские элементы»<sup>14</sup>.

Утром 26 ноября к зданию Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов по указанию большевистского ВРК были стянуты красногвардейские отряды, контрреволюционные части в городе разоружались. «Комиссия пяти», руководившая Черноморской флотилией, в радиограммах в Севастополь сообщила, что Ростовский Совет разгромлен, началась вооруженная борьба с калединцами, и просила «срочно транспортом отправить в Ростов весь Черноморский отряд»<sup>15</sup>. Главный комиссар Черноморского флота большевик В. В. Роменец запросил СНК, «как действовать и что предпринимать Черноморскому флоту». Совнарком тотчас же ответил: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледин, Корнилов, Дутов — вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте самым сильным, смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!»<sup>16</sup>.

27 ноября в Ростове начались бои. Ночью на станцию Нахичеван прибыли из Новочеркасска два эшелона с офицерами, юнкерами и кадетами. Белогвардейцы пытались захватить бараки 252-го пехотного полка, но были отброшены солдатами к станции. К вечеру калединцы погрузились в эшелоны и отошли. В другом конце города красногвардейцы трижды штурмовали ростовский вокзал, где засели казаки генерала Потоцкого, но безуспешно.

Член ЦК РСДРП(б) и Петроградского ВРК А. С. Бубнов в радиограмме СНК сообщал: «Казаки в массе держатся нейтрально, заявляя, что с солдатами и рабочими они драться не будут. На стороне Военно-революционного комитета весь ростовский гарнизон. Имеется значительная Красная гвардия... Настроение наших частей твердое, бодрое»<sup>17</sup>.

28 ноября с новой силой вспыхнули бои. Поддержанные артиллерией с тральщиков, красногвардейцы принудили казаков, засевших в ростовском вокзале, капитулировать. Генерал Потоцкий попал в плен. В центре города красногвардейцы и матросы окружили госбанк, телефонную станцию, почту и телеграф и без единого вы-

стрела принудили казацкие караулы сложить оружие. Случаи отказа казаков Ростовского гарнизона сражаться с красногвардейцами и матросами были обычным явлением. Однако активно выступить против войскового правительства и перейти на сторону Советской власти в период ноябрьских боев в Ростове ни одна казацкая часть не решилась. Днем 28 ноября последние очаги сопротивления каледиинцев в Ростове и Нахичеване были сломлены. Опираясь на вооруженную поддержку матросов Черноморского флота, ростовский пролетариат разгромил мятежников. В Ростове была установлена Советская власть, А. С. Бубнов подробно информировал об этом Совнарком<sup>18</sup>. Разгромив каледиинцев в городе, Донской областной военно-революционный комитет приступил к проведению в Ростове первых революционных мероприятий. На все важные объекты комитетом были назначены комиссары, в основном большевики, с их помощью налаживалась нормальная работа учреждений, ликвидировался саботаж чиновников. Так, прапорщик Г. Чеботарев был назначен комиссаром по охране общественного порядка в городе, на телефонную станцию — С. С. Турло, на почту и телеграф — электрик с «Колхиды» Н. Т. Ступаков, по делам продовольствия — Пашко, на ростовский железнодорожный узел — И. И. Ставский, в госбанк — М. Я. Залкинд. Комиссары были посланы также на вокзал и другие важные объекты города. Член областного ВРК И. В. Решетков был назначен заведующим делами градоначальства Ростова и Нахичевана вместо арестованного комиссара Временного правительства градоначальника Зеелера<sup>19</sup>.

Особое внимание большевики уделяли организации и укреплению отрядов Красной гвардии. На фабриках и заводах продолжалась запись добровольцев. Был издан приказ о мобилизации всех красногвардейцев. Из рабочих и солдат малочисленных частей 187-го запасного пехотного полка была образована сводная Красная гвардия. Ее комиссарами были назначены большевики подпоручик Жук, прапорщик Филон и унтер-офицер Иванов<sup>20</sup>.

По распоряжению Донского областного военно-революционного комитета Центральный штаб Красной гвардии имел следующие отделы: разведки (во главе Тулак), снабжения оружием (Бабкин), средств сообщения, связи

и служб (Кирзнер). Ведение продотдела поручалось комиссару по продовольствию. Секретариатом в штабе заведовал большевик М. Равикович. Руководство в отделах оперативными действиями было возложено на подпоручика Арнаутова, который одновременно осуществлял руководство главным театром военных действий — Нахичеванским фронтом. При штабе был организован и санитарный отдел с мобильным отрядом<sup>21</sup>.

Большевикам в относительно короткий срок удалось создать многочисленную Красную гвардию в Ростове и Нахичеване. По свидетельству М. П. Жакова, численность Красной гвардии достигала нескольких тысяч бойцов, из которых на передней линии было 1000—1200 красногвардейцев. Начальник штаба Красной гвардии Г. Н. Захарьянц в воспоминаниях отмечает, что с 29 ноября «дело дошло чуть ли не до поголовного вооружения рабочих»<sup>22</sup>. Враги также свидетельствуют, что Красная гвардия была многочисленна. Так, усмиритель Ростова, как назвала генерала Назарова белогвардейская пресса, 4 декабря доносил Каледину, что им производятся аресты красногвардейцев, но «с формальной стороны аресты всей Красной гвардии невыполнимы просто по причине массового выступления и невозможности содержать арестованных»<sup>23</sup>.

Коммунистическая партия, Советское правительство и лично В. И. Ленин в эти дни уделяли большое внимание положению на Дону и делали все возможное для оказания поддержки пролетариату области. Большую помощь трудящимся Дона в ноябре оказывал Петроградский Военно-революционный комитет. На заседаниях он заслушал делегатов Макеевки, Мушкетова, Александровск-Грушевского, Новочеркасска о положении в области и дал предписание на провоз оружия в Мушкетово, Харцызск, Ростов-на-Дону, а также послал туда агитаторов. Кроме того, предписал морскому ВРК организовать отряд матросов для посылки на Дон и создания Красной гвардии среди шахтеров<sup>24</sup>.

«Сил наших не хватает больше бороться, — писали рабочие Боковского горного района в СНК. — Просим помочь нам, углекопам, находящимся в полном плену у калединцев»<sup>25</sup>. В. И. Ленин в ответ на прошение подписывает 25 ноября письмо фабрично-заводскому комитету Тульского оружейного завода с просьбой «немедленно

снабдить винтовками, наганами, патронами и пр. вооружением Красную гвардию Боковского горного района Донской области»<sup>26</sup>. Командование Московского военного округа предписало Тульскому арсеналу выдать для макеевских горняков 1 тыс. винтовок, 150 тыс. патронов и 3 пулемета<sup>27</sup>.

26 ноября Совет Народных Комиссаров приказал Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко, не ослабляя фронта, немедленно двинуть на Ростов силы, которые были бы способны в кратчайший срок подавить калединский мятеж<sup>28</sup>.

27 ноября В. И. Ленин запрашивает по прямому проводу Ставку о мерах, принятых для подавления контрреволюционных выступлений на Дону<sup>29</sup>. 28 ноября В. И. Ленин заслушал доклад о телеграмме «Комиссии пяти» главверху Н. В. Крыленко о наступлении калединских войск на Ростов. Вечером на заседании СНК обсуждался вопрос о последних контрреволюционных выступлениях в Петрограде и в казачьих областях и было принято воззвание «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым»<sup>30</sup>. В воззвании говорилось: «На Урале и на Дону Корнилов, Каледин и Дутов подняли знамя гражданской войны против Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Богаевский, помощник Каледина, открыто заявляет, что восстание начато по прямому требованию кадетской партии». Воззвание подчеркивало, что попытка вооруженных заговорщиков, руководимых кадетами, захватить в Петрограде Таврический дворец, чтобы самочинно открыть Учредительное собрание, преследовало цель «создать якобы «законное» прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания»<sup>31</sup>. Указав на огромную опасность, нависшую над Советской властью, СНК объявил кадетов партией врагов народа и обязался «не слагать оружия в борьбе против кадетской партии и ее калединских войск», пока мятеж не будет подавлен. СНК утвердил ленинский проект декрета об аресте членов руководящих учреждений партии кадетов. «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» предписывал арестовать и передать суду ревтрибуналов руководство кадетской партии. На местные Советы был возложен особый надзор «за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции»<sup>32</sup>. 1 декаб-

ря ВЦИК поддержал декрет СНК об объявлении партии кадетов контрреволюционной.

29 ноября Военно-революционный комитет при Ставке в телеграмме войсковым комитетам призвал армию с оружием в руках бороться против калединской контрреволюции<sup>33</sup>.

Большевики Русско-Балтийского завода в Таганроге послали делегацию в составе шести человек (А. Волошин, В. Стернин, П. Иванцов, Тарасов и др.) к В. И. Ленину по вопросу финансирования предприятия и помощи оружием. 30 ноября, 2 и 3 декабря Совнарком на своих заседаниях рассматривал вопрос, связанный с деятельностью таганрогского завода<sup>34</sup>. В Смольном В. И. Ленин принял делегацию таганрогских большевиков. В ходе беседы делегаты затронули вопрос о восстании в Таганроге против калединского режима. По свидетельству П. Иванцова, В. И. Ленин сказал по этому поводу следующее: «Передайте всем рабочим Таганрога, что, если они хотят взять власть в свои руки, пусть не надеются ни на какие полки солдат, ибо эти люди устали от войны, они не хотят воевать. Надеяться на них — игра опасная. Пусть ваши организации подготовят полки, и только с ними вы можете рассчитывать на захват власти в свои руки». В Петрограде было дано указание тульским оружейным заводам отпустить для таганрогских рабочих 1200 винтовок и 200 тыс. патронов<sup>35</sup>. В дни борьбы ростовского пролетариата с калединцами Советское правительство и его глава В. И. Ленин делали все возможное, чтобы оказать помощь трудящимся Дона.

II конференция рудничных и горнозаводских комитетов Донецкого бассейна, проходившая 25 — 27 ноября в Дебальцево, учитывая состояние вооруженных сил революции в этом районе, уделила значительное внимание организации Красной гвардии и приняла специальную резолюцию по этому вопросу. Конференция постановила: «Признать крайне необходимым в данный момент организовать Красную гвардию при районных Советах рабочих депутатов и революционных комитетах»<sup>36</sup> — и выделила особый штаб из пяти человек в целях изыскания возможностей получения оружия и его распределения между отрядами Красной гвардии.

Между тем атаман Каледин, подняв открытый вооруженный мятеж против Советской власти на Дону, про-

должал предпринимать лихорадочные попытки по сколачиванию контрреволюционного блока на юге России. С этой целью глава объединенного правительства казачьей федерации Харламов выехал в Тифлис, где 29 и 30 ноября вел переговоры с Закавказским комиссариатом по вопросу о присоединении к Юго-восточному союзу. Хотя Закавказский комиссариат не считал возможным войти в союз, однако между казачьей и закавказской контрреволюцией было заключено соглашение о борьбе с Советской властью. В конце ноября объединенное правительство Юго-восточного союза послало своего представителя в Киев для переговоров с Центральной радой относительно действий против Советской власти. Позже в Екатеринодар для продолжения переговоров прибыла делегация Центральной рады<sup>37</sup>.

28 ноября объединенное правительство Юго-восточного союза в Екатеринодаре опубликовало декларацию, в которой заявило, что ставит своей первейшей задачей в крае борьбу «с анархией и восстановление порядка», для чего вошло в сношение с народами Закавказья, Украины, Крыма, Бессарабии и Сибири для выработки способов осуществления общих задач при взаимной помощи и поддержке<sup>38</sup>. Особенно тесные отношения установились между Калединым и Центральной украинской радой. В конце ноября М. Богаевский предписал своему эмиссару в Киеве Шапкину начать «переговоры в генеральном секретариате относительно совместных действий в борьбе с большевиками». В помощь Шапкину из Новочеркасска выехал специальный посол Кушнарев. Калединые представители в начале декабря вели переговоры с секретариатом Центральной рады относительно совместной борьбы с Советской властью. Вернувшись из Киева, Кушнарев заявил, что со стороны Рады и Секретариата делегация встретила «полную готовность войти в контакт с Доном и идти с ним рука об руку», и сообщил, что достигнуто полное согласие по всем интересующим обе стороны вопросам, в частности о передвижении казачьих частей ближе к Дону и о поддержке Центральной радой казачества в случае большевистского наступления на юг<sup>39</sup>.

Казачьи части, по словам самого Каледина, с неохотой вступают в вооруженную борьбу с Советами; он жа-

ловался, что «даже для защиты родного края» приходится прибегать к всевозможным приемам, чтобы передвинуть войска<sup>40</sup>.

27 ноября попытка калединцев прорваться в районе станции Нахичеван на выручку казакам генерала Потоцкого, блокированных в Ростове, окончилась провалом. «Комиссия пяти» в радиограмме в Севастополь отметила: «Каледин, послав передовыми частями в бой юнкеров и кадетов, хочет спровоцировать, вызвать выступление трудового казачества против народа». Ввиду отказа многих казачьих частей наступать на Ростов войсковой штаб с согласия Каледина разработал план формирования из войскового ополчения, состоявшего из казаков старших возрастов, дружин общей численностью до 10 тыс. человек. Окружным атаманам было приказано создавать добровольческие сотни при казачьих полках<sup>41</sup>.

Победа пролетариата Ростова вызвала разногласия в калединском правительстве. Бирюков, Генералов и Семенов вышли из его состава, заявив: «Войсковое правительство не исчерпало всех средств для мирного разрешения конфликта, что ни оно, ни войсковой атаман не имеют права объявлять мобилизацию и войну»<sup>42</sup>. Но эта оппозиция, в преддверии созываемого большого войскового круга, не могла поколебать калединского режима.

Советская власть, победившая в Ростове, переживала трудные дни. После первой неудачной попытки взять город Каледин выехал под Ростов лично руководить боевыми операциями. Он подтянул к Ростову свежие казачьи части, а также юнкеров и кадетов и отборные офицерские отряды из Новочеркасска, где формировалась добровольческая армия.

29 ноября в Ростов из Мариуполя на помощь восставшим рабочим прибыли тральщик и два катера-истребителя, а в ночь на 30 ноября со станции Тихорецкая — 250 красногвардейцев. 1 декабря в город прибыл отряд добровольцев-солдат Азовского гарнизона<sup>43</sup>. Однако это не могло существенно изменить соотношение сил в пользу революционных войск. Мужественно сражались красногвардейцы и матросы с калединцами. В период второго наступления Каледина запасные полки Ростовского гарнизона, на которые рассчитывали большевики, под влиянием контрреволюционной агитации соглашателей и реакционной части офицерства заявили о нейтралитете<sup>44</sup>.

Все запасные пехотные полки, расквартированные на Дону, за исключением отдельных групп революционных солдат, не приняли активного участия в борьбе с Калединым. Солдаты старой армии старались уклониться от начавшейся гражданской войны на Дону. М. Богаевский отмечает, что «регулярные казацкие и солдатские части одинаково упорно уклонялись от участия в действиях, что привело на Дону к организации Красной гвардии у большевиков и добровольческой армии и партизанских отрядов у белых»<sup>45</sup>.

«Нейтралитет» Ростовского гарнизона не сломил непоколебимый дух защитников Ростова. Красногвардейцы и революционные моряки мужественно отражали натиск контрреволюционных войск на Нахичеванском фронте. 30 ноября «Комиссия пяти» сообщала в Севастополь о ходе боев: «Среди товарищей матросов и офицеров полнейшее хладнокровие и сознание революционного долга. . . Юнкера были нашими войсками прогнаны на далекое расстояние. . . Трудовое казачество нейтрально». А. С. Бубнов в радиোগрамме с «Колхиды» передавал в Петроград СНК: «29 и 30 ноября непрерывная перестрелка на линии Нахичеван — станица Александровская. В Александровской Каледин с юнкерами. Власть в городе в руках Военно-революционного комитета. Все учреждения, как-то: почта, телеграф, телефон, работают нормально; движение восстановлено на Владикавказской и Екатерининской дорогах. Борьба с Калединым затрудняется целым рядом обстоятельств. Ждем подкреплений»<sup>46</sup>.

1 декабря на Нахичеванском фронте установилось относительное затишье. Каледин переформировывал свои части перед последним броском на Ростов. Проводилась усиленная «идейная» обработка войск мятежников с помощью контрреволюционных членов областного казачьего комитета, донской фракции общеширокофронтового казачьего съезда и стариков-делегатов, прибывших на III большой войсковой круг. Нужно признать, что большевики Ростова имели очень слабое влияние в казачьих частях и их обращения с призывом повернуть оружие против мятежного атамана и перейти на сторону народа не давали желаемого результата<sup>47</sup>. 1 декабря на частном совещании большого войскового круга Каледин, охарактеризовав обстановку на Дону, высказывал опасение, что



отдельные казачьи части могут воздержаться от выступления, поэтому было предложено наскоро сформировать отряд из разных частей. Но в результате усиленной агитации «позже в настроении произошел перелом и в полное распоряжение войскового правительства отдали себя и те части, которые от выступления отказывались»<sup>48</sup>.

А. С. Бубнов в своих воспоминаниях отмечает, что венцом предательства меньшевиков и эсеров в дни вооруженной борьбы ростовского пролетариата явился созыв соглашателями вечером 1 декабря так называемого совещания демократических организаций в тот момент, когда красногвардейцы «напрягали последние силы для отражения наступающего врага»<sup>49</sup>. Собрание соглашателей приняло капитулянтскую резолюцию, которая требовала прекращения гражданской войны и рекомендовала до созыва съезда всего населения области власть передать «Войсковому правительству, пополненному в равном числе представителями советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и городских дум области». На совещании с изменническим призывом о прекращении гражданской войны выступил председатель гарнизонного совета солдатских и офицерских депутатов, член областного ВРК эсер Блюм. Это был предательский удар в спину защитникам Ростова. 2 декабря аналогичную резолюцию меньшевикам удалось протолкнуть в Главных Владикавказских железнодорожных мастерских и на фабрике Асмолова<sup>50</sup>. Так соглашатели, дезорганизовав ростовский пролетариат, оказали неоценимую услугу калединской контрреволюции.

2 декабря в Новочеркасске открылся III большой войсковой круг, в состав которого было избрано большинство представителей атаманско-кулацкой верхушки казачества. Опираясь на контрреволюционный круг, Каледин надеялся поднять пошатнувшийся авторитет своего правительства и сплотить вокруг него казачество для борьбы с революцией. На утреннем заседании М. Богачевский доложил кругу о положении дел под Ростовом. Представители крестьян, избранные на круг с совещательным голосом, потребовали переговоров с Ростовом. Однако круг отклонил их предложение, тем самым санкционировав наступление казачьих частей на революционный Ростов<sup>51</sup>. Калединская машина на этот раз сработала. Получив благословение круга, казаки тремя колон-

нами с востока, севера и запада начали наступать на Ростов и Нахичеван. Прорвав заслоны красногвардейцев, лишившихся огневой поддержки корабельной артиллерии Черноморской флотилии, которая вышла из боя ввиду отсутствия боеприпасов и близкого ледостава, каледины к вечеру заняли Ростов.

Каковы же причины поражения ростовского пролетариата? 4 декабря А. С. Бубнов, выступая на заседании Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, сказал: «Потеря власти в Ростове, захваченной с бою, объясняется объективными причинами. Если петроградские события явились восстанием сознательных, хорошо вооруженных рабочих и солдат, окруженных атмосферой сочувствия фронтовых частей, которые смогли... противостоять казакам и ударникам Краснова и Керенского, то в Ростове картины были резко противоположные... Это явилось решающим фактором для исхода борьбы». Далее он отметил, что ВРК «сумел сплотить вокруг себя все элементы трудовой демократии: рабочих, солдат, крестьян и низший чиновничий персонал», однако, состоящие из различных слоев, они заколебались, когда борьба приняла затяжной характер. Этому способствовал также «нейтралитет» правых меньшевиков и эсеров, который «расстраивал ряды революционных войск и фактически сыграл на руку Каледину»<sup>52</sup>.

6 декабря А. С. Бубнов на заседании Президиума Моссовета сделал доклад о положении в Ростове<sup>53</sup> и сообщил \* ЦК РСДРП(б) о причинах сдачи города следующее: «Причина поражения заключается в том, что казаки, 1 и 2 декабря заявлявшие о том, что с рабочими и солдатами воевать не будут, 2 декабря поддержали Каледина; кроме этого, гарнизон Ростова был чрезвычайно слаб. С одной стороны, он был малочислен, с другой — плохо вооружен, с третьей — колебался. Красная гвардия была плохо организована, хотя нужно подчеркнуть, что дралась она героически»<sup>54</sup>.

---

\* Текстологическое сопоставление документов дает возможность полагать, что автором телефонограммы был А. С. Бубнов. В сборнике документов и материалов «Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти» (ч. 2, стр. 171—172) автором телефонограммы ошибочно назван М. П. Жаков и перепутан день ее отсылки.

Обстановка в Таганроге в дни вооруженной борьбы пролетариата Ростова сложилась следующим образом. Под руководством большевиков на таганрогских заводах Русско-Балтийском, металлургическом, котельном, судоремонтном, кожевенном, на железной дороге и в порту вопреки соглашательскому совету шло усиленное формирование красногвардейских отрядов. Только на Русско-Балтийском заводе в Красную гвардию записалось около 400 человек. Из цейхгаузов для красногвардейцев было отпущено 600 винтовок и много патронов. Большую помощь в вооружении рабочих оказали солдаты 275-го запасного пехотного полка, расквартированного в Таганроге, которые передали красногвардейцам 1 тыс. винтовок. Красная гвардия располагала и автомобилями, реквизированными на предприятиях<sup>55</sup>. 28 ноября начальник Таганрогского гарнизона генерал Назаров, докладывая о положении в городе, сообщил Каледину: «В Таганроге пока спокойно, но заводы энергично вооружаются». Однако, получив известие о падении Ростова, таганрогские большевики не смогли выступить против сильного белогвардейского гарнизона. 6 декабря в Таганрог прибыли первые четыре эшелона казачьей дивизии<sup>56</sup>.

подавив восстание ростовского пролетариата, Каледин, опираясь на реакционный III большой войсковой круг, бросил казачьи части на расправу с горняками угольных районов Дона. 3 декабря калединцы разгромили Боково-Хрустальский Совет, зверски убили его председателя Н. В. Переверзева и двух красногвардейцев. 4 декабря карательный отряд под командованием известного палача шахтеров Дона Чернецова занял без боя Александровск-Грушевский, а в ночь на 5 декабря, разоружив и арестовав красногвардейцев, белобандиты Чернецова захватили Парамоновский рудник<sup>57</sup>.

Калединцы захватили Гуково, разгромили ряд рудничных Советов, в том числе Совет рабочих депутатов на Прохоровской шахте. 9 декабря чернецовцы ворвались в Макеевку, разгромили Совет и партийный комитет, арестовав при этом много сторонников Советской власти, которых отправили в Новочеркасск. Казаки захватили Ханженково. 10 декабря белобандиты учинили погром Советов на рудниках Ясиновском и Франко-Русского общества. Некоторые отряды Красной гвардии, не подчиняясь приказу Каледина сдать оружие и не желая

принимать бой в неблагоприятных для себя условиях, отступили в нейтральную зону, т. е. перешли границу Донской области<sup>58</sup>. Следует подчеркнуть, что в этих операциях наиболее грязную работу выполняли не регулярные казачьи части, а «добровольцы» партизанских отрядов Чернецова, Семилетова и др.

В первой декаде декабря калединцам удалось разгромить революционные очаги во всей Донской области. Всюду приход калединцев сопровождался расстрелами, арестами, погромами рабочих организаций. Почти безоружные рабочие Дона не могли оказать упорного сопротивления калединцам. Так, 10 декабря 1917 г. в Харькове на совещании большевиков-делегатов областной конференции РСДРП(б) и III областного съезда Советов Донецко-Криворожского бассейна представитель Александровско-Грушевского Совета большевик Еркин отмечал, что в городе имелось всего 60 красногвардейцев, хотя желающих записаться было много, но не было оружия<sup>59</sup>. Аналогичное положение было и в других районах Дона. Отсутствие оружия было важной причиной малочисленности Красной гвардии на Дону. Пролетариат Ростова и Таганрога был вооружен в ноябре в основном за счет оружия, полученного из семи запасных полков, расквартированных в этих городах, а также привезенного революционными матросами Черноморского флота. У горняков Донбасса этих источников не было. Они в многочисленных письмах, а также через посылаемые делегации просили СНК, Харьков и другие города помочь им оружием<sup>60</sup>.

Калединская контрреволюция временно восторжествовала на Дону. Каковы же причины поражения трудящихся области? Расстановка и соотношение классовых и военных сил здесь сложились не в пользу революции. Казачья контрреволюция оказалась более организованной и подготовленной к первой схватке с донским пролетариатом. Войсковое правительство и войсковой круг, по свидетельству М. П. Жакова, в момент борьбы играли решающую роль в казачьей среде<sup>61</sup>, в то время как влияние большевиков было слабым. Хотя отдельные казачьи части колебались и были случаи отказа от выступления против рабочих, но они не перешли на сторону Советов. Красногвардейские отряды на Дону были малочисленны, плохо вооружены и обучены, не имели опытных команди-

ров. Шахтеры были безоружны. Солдатские гарнизоны в Донской области не захотели участвовать во вспыхнувшей гражданской войне и были разоружены калединцами.

Дезорганизаторскую роль в ноябрьско-декабрьских событиях на Дону сыграли правое крыло и центр эсеро-меньшевиков. Молодая Советская республика была еще не в состоянии оказать быструю и эффективную поддержку трудящимся области, а небольшие силы, прибывшие на помощь донскому пролетариату, не могли склонить чашу весов на сторону революции. Главная причина поражения донского пролетариата на данном этапе борьбы заключалась, по образному выражению А. С. Бубнова, в том, что «первый натиск пролетарской революции на Дону разбился о вооруженные силы войскового правительства и непоколебленную еще косность масс казачества»<sup>62</sup>.

## В лагере контрреволюции

### Консолидация сил калединско-корниловской контрреволюции

2—13 декабря в Новочеркаске был создан III большой войсковой круг, представленный в основном атаманско-кулацкой верхушкой донских станиц и в незначительной степени казаками-фронтовиками. Представители крестьянства, приглашенные на круг, пользовались лишь совещательным голосом. Калединцы рассчитывали получить благословение круга на продолжение борьбы с Советами, расширить свою социальную базу за счет привлечения к управлению области кулацкой части коренного крестьянства и городской буржуазии, укрепить свои вооруженные силы, наделить неограниченными полномочиями войскового атамана и начать еще более активную борьбу с Советской властью. В целях создания единого антибольшевистского фронта главари мятежников пошли на уступки мелкобуржуазной демократии.

Дискуссию на круге вызвало предложение его председателя П. Агеева о паритете, т. е. о равном представительстве казачества и крестьянства в будущем донском правительстве. Представители южных богатых округов (Черкасского, I Донского) выступили против, так как ни на йоту не хотели поступиться своими привилегиями в пользу коренного крестьянства. Что касается казаков — делегатов северных, более бедных округов (Хоперского, Усть-Медведицкого) и фронтовиков, то они склонялись к паритету. Каледин даже «признал ошибку», что крестьянство до сих пор не привлечено к управлению Доном. «Я не мыслю сейчас управления без немедленного представительства всего населения, — сказал он и не преминул добавить, — но, конечно, мы не потерпим в нашем правительстве большевиков»<sup>1</sup>.

М. П. Жаков в рукописи «Донская контрреволюция (1917—1920 гг.)» пишет: «Каледии понимал, что при тогдашних настроениях большинства казаков и растущем сопротивлении крестьянства единственным путем к диктатуре была бонапартистская демагогия, использование, а не игнорирование и подавление политических тенденций мелкой буржуазии. Борьба с большевиками казалась ему возможной только при условии, если удастся спровоцировать на эту борьбу значительную массу казаков и крестьян»<sup>2</sup>.

3 декабря круг постановил: областную власть организовать на основах равного представительства: 7 от казачьего и 7 от неказачьего населения Дона. Однако на самом деле ни о каком равенстве не могло быть и речи, так как в состав войскового правительства входил вне паритета в качестве председателя товарищ войскового атамана М. Богаевский и его голос всегда мог склонить чашу весов в пользу казачьей верхушки. Кроме того, круг во главе управления области поставил войскового атамана, фактически с неограниченными полномочиями, предоставив ему право вето на решения войскового правительства. 562 голосами из 638 контрреволюционное собрание избрало Каледина войсковым атаманом и 8 членом войскового правительства<sup>3</sup>.

Система управления, выработанная кругом, не представляла никакой опасности для контрреволюционной диктатуры, наоборот, как замечает М. П. Жаков, «смешанный состав правительства мог быть чрезвычайно выгодным, так как, давая видимую санкцию всего населения диктаторским мероприятиям атамана, содействовал бы победе, ничуть не стесняя свободу действий «президента республики» по существу»<sup>4</sup>. Подобная трансформация, как надеялись руководители мятежа, в какой-то мере сдержит развал калединского лагеря, дезориентирует трудящихся и поможет «поправить дела» донской контрреволюции. Социальной ее опорой была атаманско-кулацкая верхушка казачества. Мятежного генерала почти безоговорочно поддерживали и торгово-промышленные круги донской буржуазии<sup>5</sup>. Идя на паритет, Каледин рассчитывал и на помощь кулацкой части крестьянства области.

Калединщина, являвшаяся главным очагом и оплотом всероссийской реакции, стала центром собиранья сил

буржуазно-помещичьей контрреволюции. Здесь, на Дону, обосновались лидеры октябристов и кадетов Гучков, Родзянко, Милоков. Сюда в конце ноября — начале декабря прибыли организаторы корниловского мятежа генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков, Эрдели и др. Каледин вынашивал далеко идущие планы: «Мы начали борьбу с большевиками, и в ней нельзя ограничиваться рамками только родного Дона. Для успешной борьбы мы должны привлечь все силы и широко открыть двери всем противникам большевизма. Только приютив и собрав вокруг себя эти силы, мы можем одержать верх в этой борьбе»<sup>6</sup>. Контрреволюционное сорище одобрило деятельность прежнего состава войскового правительства, заявило о непризнании Советского правительства и его органов и предоставило «войсковому атаману и Войсковому правительству все полномочия по принятию необходимых мер для защиты области». Большое внимание круг уделил вопросу организации и управления войск мятежников, постановив всю военную власть сосредоточить в руках войскового атамана, и предоставил ему право формирования новых частей и реорганизации старых, изменения дислокации войск и личного состава частей. Круг учредил должность походного атамана и полевой штаб при нем для руководства боевыми операциями против советских войск. Реакционное сорище вопреки протесту казаков-фронтовиков навязало решение, в котором резко ограничивались права войсковых комитетов (выносить недоверие комсоставу и др.) якобы «для поднятия боеспособности войск и установления внутреннего порядка»<sup>7</sup>. Однако, как показали дальнейшие события, казачьи части, в особенности фронтовые, и его комитеты мало считались с этим постановлением и действовали по своему усмотрению. Приговоры, телеграммы и указы, полученные от казачьих полков и станиц в адрес круга, в большинстве своем высказывались за поддержку контрреволюционного сорища, а в некоторых содержался протест против действий атаманской верхушки. Так, жители станицы Малодельской Усть-Медведицкого округа на собрании постановили «относительно формирования пешей дружины запросить о цели сего формирования, если это делается для защиты от большевиков, то не идти». Станица Иловлянская II Донского округа заявила, что не пони-



мает, против кого направлено военное положение, не признает его и стрельбы против наших братьев не допустит. 42-й казачий Донской полк в наказе своим делегатам на круг потребовал: «Если войсковой атаман действительно желает блага казачеству, то для успокоения демократии не лучше ли ему оставить свой пост». 14-й казачий полк, расквартированный в Петрограде, послал на круг делегатов, которые высказали протест диктаторской власти генерала Каледина и потребовали передачи власти на Дону в «руки трудового казачества в лице Советов»<sup>8</sup>.

Особое внимание круг уделил тем казачьим частям, которые отказывались выполнять приказы Каледина. Так, 35-й и 44-й Донские казачьи полки, расположенные на севере области, вопреки приказу своих командиров заключили у Чертково на границе с Воронежской губернией перемирие с советским 17-м стрелковым полком, присланным революционной Ставкой для борьбы с мятежниками<sup>9</sup>.

Большое беспокойство доставляли казачьи пешие части, которые наиболее быстро революционизировались. Казачьи пехотные подразделения формировались в основном из беднейшего казачества. Так, командир казачьей сотни на Хотунке жаловался кругу о деморализации расквартированного там 4-го пешего батальона и просил воздействия на него. Во 2-м Донском пешем батальоне на станции Обливской под влиянием агитаторов из 1-го, 4-го и 14-го Донских полков, прибывших из Петрограда, и распространением ими большевистской литературы началось прямое недовольство калединским режимом. Атаман отдает приказ об аресте агитаторов, посылает в батальон двух делегатов круга, в том числе генерала Полякова. Однако антикалединские настроения в батальоне достигли такого накала, что делегация вынуждена была вернуться на круг ни с чем. В связи с этим Каледин, выступая на круге, заявил: «Словами казаков не убедишь, а потому нужны радикальные меры. . . посылка делегатов нужна разве лишь для морального воздействия на казаков, еще не распропагандированных»<sup>10</sup>. В отношении же данного батальона Каледин предложил основательную чистку командного состава и «удаление вредных элементов». Круг для «морального воздействия» послал в 35-й, 36-й, 39-й и 44-й Донские полки стариков, уроженцев тех округов, в которых формировались части<sup>11</sup>. Однако в

36-м полку в Александровск-Грушевском разговоры на моральные темы не дали никакого результата, и калединыцы проводят чистку личного состава<sup>12</sup>.

Опираясь на контрреволюционные решения круга, атаман Каледин, наделенный неограниченными полномочиями, 15 декабря предписал немедленно приступить к организации штаба управления своих вооруженных сил, походным атаманом назначил генерал-майора Назарова и начальником штаба полковника Сидорина. Калединыцы создали широкую сеть агентурной разведки, которая действовала в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, Воронеже, Саратове, Севастополе, Тифлисе, Царицыне, Могилеве<sup>13</sup>.

23 декабря Каледин запретил отпуска казакам и офицерам ввиду подхода советских войск к границам Дона. Казачья контрреволюция мобилизовывала силы. Объединенное правительство Юго-восточного союза во главе с Харламовым пыталось также активизировать свою деятельность. Из Новочеркасска в Екатеринодар дважды приезжал генерал Алексеев для разработки плана объединения вооруженных сил союза, командование ими предполагалось поручить генерал-лейтенанту Половцеву<sup>14</sup>. Делались попытки урегулировать и хозяйственную жизнь края. Но особенно бурно оно вступает в дипломатические контакты, ведет переговоры с контрреволюционными правительствами Закавказья и Украинской рады о совместной борьбе против Советской власти. Но в целом это правительство, по словам генерала Деникина, было «чисто фиктивное», которое не оказало никакого влияния на ход событий и осталось «незамеченным для широких кругов населения Юга»<sup>15</sup>.

Острейшая классовая борьба, развернувшаяся на Северном Кавказе между трудящимися и эксплуататорами, поглощала все силы контрреволюции Терека, Кубани и Дона на борьбу с революционным движением в своих областях. Это ограничивало контрреволюционную деятельность казачьих правительств рамками своих территорий и не давало им возможности объединиться. М. Богаевский в своем «Ответе перед историей» отмечает, что в этот период «каждая область действовала на свой страх и риск». Оценивая деятельность широко задуманной и разрекламированной контрреволюционной казачьей федерации, он вынужден был признать, что «Юго-восточ-

ный союз, ставивший себе цели государственные и стремившийся к объединению казачества для устройства местной жизни, оказался предприятием мертворожденным»<sup>16</sup>.

Избрав Дон местом формирования добровольческой армии, генерал Алексеев рассчитывал при помощи казаков создать «новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта», и надеялся, что «собственное свое достоинство и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей». Об этих планах Алексеев поведал руководителю французской военной миссии в Киеве генералу Табуи. Однако им не суждено было сбыться. Формирование добровольческой армии проходило на Дону чрезвычайно медленно, в сложной и противоречивой обстановке. Каледину, с самого начала поддерживавшему добрармию, приходилось в то же время действовать весьма осторожно. Ставить вопрос о легализации добрармии в войсковом правительстве Каледин не решался, ибо еще свежи были впечатления от его участия в августовском корниловском мятеже. Играя в казачий демократизм, Каледин вынужден был вначале помогать добрармии скрытно<sup>17</sup>.

С появлением в Новочеркасске генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского, Маркова и других процесс организации добрармии усиливается. В конце декабря в связи с деморализацией казачьих частей войсковое правительство вынуждено было официально дать разрешение на формирование добрармии генералу Алексееву. Деникин, касаясь решения войскового атамана о легализации добрармии, пишет в своих мемуарах: «Каледин признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уходе с Дона Добрармии, считая ее теперь уже единственной опорой против большевизма»<sup>18</sup>.

27 декабря штаб добровольческой армии в своем звании изложил цели ее формирования. Главной задачей признавалась вооруженная борьба с большевизмом. Звание, не предрешая будущих форм государства, оставляло этот вопрос открытым до Учредительного собрания. Деникин в мемуарах пишет: «В то время и при той необыкновенно сложной обстановке, в которой жили Дон и армия, формы несуществующей фактически государствен-

ной власти были совершенно безразличны. Единственно, что было тогда важно и нужно, — создать мощную вооруженную силу, чтобы этим путем остановить потоп, заливающий нас с севера. С восстановлением этой силы пришла бы и власть»<sup>19</sup>. Такое решение было не случайным, а тактическим ходом для армии с монархическими тенденциями, которая не могла открыто декларировать об этом. Насколько этот вопрос был щекотливым, говорит секретный приказ генерала Деникина, рекомендовавший юнкерам и офицерам добрармии воздерживаться от пения «Боже, царя храни», так как это производит неблагоприятное впечатление на население<sup>20</sup>. П. Н. Милюков подтверждает: «В рядах офицерства «белых армий» монархические настроения были преобладающими и не выдвигались открыто только ввиду сопротивления военных вождей, понимавших опасность раскола»<sup>21</sup>. Однако вступить в добрармию желающих было мало. Деникин в мемуарах жалуется, что «всемирного ополчения» для борьбы против Советской власти не вышло: «печать классового отбора легла на армию прочно» и возбуждала «против нее в народной массе недоверие и опасения... Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить свою задачу в общероссийском масштабе не может»<sup>22</sup>. Добрармия в основе становилась армией русской буржуазии и помещиков, стремившейся к реставрации монархии и старых дореволюционных порядков.

В конце декабря секретным приказом во главе добрармии, насчитывающей 1500 человек, был поставлен Корнилов<sup>23</sup>. Однако об этом знало только ограниченное число лиц. До ухода добрармии из Ростова в феврале 1918 г. Корнилов вынужден был ходить в штатском. Имя Корнилова было настолько одиозно для населения Дона, что распространившийся слух о том, что он становится командующим войсками против большевиков, вынуждена была опровергнуть даже газета «Вольный Дон», назвав его провокационным<sup>24</sup>.

Являясь одним из главных очагов реакции, Дон притягивал к себе контрреволюционные элементы России. Сюда прибыли и представители организации «Московский центр», образованной кадетской партией, торгово-промышленными и другими буржуазными кругами Москвы для помощи в создании добрармии. Однако, как

пишет Деникин в своих мемуарах, московская буржуазия смогла выделить для организации добрармии только 800 тыс. руб., так как «захват банков Советами» сделал ее возможности весьма ограниченными. Помогала донской контрреволюции буржуазия и других городов страны. Так, правление акционерного общества «Сормово» путем всевозможных комбинаций отправило каледицам на Дон значительные средства. Некоторые капиталисты, закрыв свои заводы, бежали на юг, к Каледину. Оказывала помощь белому движению на Дону и местная буржуазия. Так, по свидетельству Деникина, только капиталисты Ростова и Новочеркасска выделили на нужды добрармии 8,5 млн. руб. Не оставалась в стороне от борьбы с революцией и «святая русская православная церковь». Устами новочеркасского епископа Гермогена большевики «как слуги дьявола» были преданы анафеме<sup>25</sup>.

В конце декабря в Новочеркасске при посредничестве представителей кадетской партии между Калединым, Алексеевым и Корниловым было заключено соглашение о создании верховной власти. По свидетельству Деникина, этот триумvirат (Алексеев занимался вопросами гражданского управления, внешних сношений и финансов, Корнилов — военными, Каледин — управлением Донской областью) «представлял из себя в скрытом виде первое общерусское противобольшевистское правительство», просуществовавшее в течение месяца в эмбриональном состоянии до самоубийства Каледина<sup>26</sup>. Так кадеты для борьбы против Советской власти объединили различные контрреволюционные силы правых.

Для политического руководства добрармией был образован Донской гражданский совет под председательством Алексеева, в который вошли Каледин, Корнилов, Богаевский, Милюков, Струве, князь Трубецкой, Федоров, ростовский миллионер Парамонов и др. Вскоре сюда были включены и представители российской демократии — «социалисты» Савинков, Мазуренко (представитель крестьянского союза), Агеев и Вендзягольский. Каледин, который лучше других знал положение в области и настроение населения, понимал, что «без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии»<sup>27</sup>. Генералы были вынуждены санкционировать включение в Донской гражданский совет так называемых социалистов.

Начавшаяся гражданская война на Дону ускорила поляризацию сил мелкобуржуазной демократии. Попытка «третьей силы» балансировать между баррикадами была в развернувшихся событиях иллюзорной и нереальной. Левые все чаще шли на сотрудничество с большевиками. Что касается правых и центра эсеро-меньшевиков, то решение круга о создании в области власти на основе паритета отвечало их требованиям, и теперь они стремились к союзу с казачьей контрреволюцией. На собрании ростовских меньшевиков 10 декабря 1917 г. их лидер меньшевик Б. Васильев выступил с докладом «Петроград и Юго-Восток». В соответствии с резолюцией «Об автономии областей» чрезвычайного съезда этой партии, который проходил 30 ноября — 7 декабря, он заявил, что в новой обстановке, «созданной захватом власти большевиками», считаются «законными, жизненными и прогрессивными» стремления отдельных районов избавиться себя от разрушительного влияния большевистского правительства». Подобная позиция меньшевиков была на руку местным контрреволюционным казачьим правительствам. Причем оговорка, что «всякое стремление в данный момент разделить власть с Войсковым правительством нужно признать пагубным для интересов социал-демократии»<sup>28</sup>, не меняла сути дела.

29 декабря в Новочеркасске открылся съезд неказачьего населения области для решения вопроса об организации власти на Дону. Съезд был представлен в основном кулацкой верхушкой донского крестьянства, хотя присутствовала на нем и городская мелкая буржуазия.

Большевики и шедшие за ними рабочие бойкотировали съезд. Некоторые делегаты в своих выступлениях разоблачали калединский режим. Так, шахтер Федорович с гневом заявил: «Сначала у нас разгромили имущество: разбили сундуки, распотрошили матрацы, посадили наших товарищей в тюрьмы, а потом позвали на съезд. Какой уж тут съезд, какое тут может быть искреннее отношение». Рабочий Марушевский говорил: «...не время здесь власти сейчас создавать. Мы должны признавать власть Советов и можем сойтись только с трудовым казачеством. Мы замараем рабочий класс, если дадим людей для подпорки правительству». Эта левая группа вскоре вступила в контакт с новочеркасскими большеви-

ками и повела на съезде решительную борьбу против вхождения в объединенное правительство<sup>29</sup>.

Правые эсеры, задававшие тон на неказачьем съезде, и меньшевики приветствовали конструирование объединенного правительства, которое должно было подготовить краевое учредительное собрание, и рассматривали это как победу демократии. Руководители съезда полагали, что соглашение с войсковым правительством возможно на следующих условиях: освобождение политических заключенных, отмена военного положения, вывод казачьих частей из рабочих районов, неприкосновенность демократических организаций, разоружение и расформирование добровольческой армии и т. п. Войсковое правительство со своей стороны поставило рассмотрение этих частных условий соглашения, выдвинутых неказачьим съездом, в зависимость от ответа на кардинальные вопросы: признает ли съезд Учредительное собрание или СНК и сознает ли он необходимость борьбы с большевиками. Съезд ответил по-каледински. В связи с этим П. Агеев, выступая на неказачьем съезде от имени войскового правительства, заявил: «Теперь уже ясно, что мы нашли общий язык. По самым существенным вопросам соглашение достигнуто. Надеюсь, что мы сойдемся и в мелочах».

Казачья контрреволюция «не поспешила» на уступки мелкобуржуазной демократии, и 4 января съезд утвердил соглашение с войсковым правительством. В состав объединенного правительства вошли: от казаков — П. Агеев, Б. Уланов, Г. Карев, Н. Мельников, И. Поляков, С. Елатонцев, А. Елифанов и В. Харламов (члены войскового правительства, избранные на III большом войсковом круге); от неказачьего населения — Н. Кожанов (Ростовский округ), А. Шошников (Таганрогский округ), Г. Васильченко (Донецкий округ), В. Светозаров (Хоперский и Усть-Медведицкий округа), Я. Регул (I и II Донской, Черкасский и Сальский округа), Г. Боссэ и Д. Мирандов (города) и Н. Мозжухин (от рабочих)<sup>30</sup>. Вне паритета был председатель правительства М. Богавский.

4 января меньшевистская фракция съезда неказачьего населения области заявила, что она не примет участия в выборах в объединенное правительство и не введет своих представителей в его состав, хотя и будет его

поддерживать<sup>31</sup>. В объединенное правительство вошли народный социалист А. Шошников и правые эсеры Г. Боссэ, Д. Мирандов и Н. Мозжухин. Эсеры вошли в правительство без санкции своей партийной организации, которая находилась накануне раскола. В ней преобладало влияние левых.

4 января съезд казацкого населения избрал своих представителей в объединенное правительство по сословному и территориальному, а не партийному принципу. Однако в числе избранных оказались три правых эсера и народный социалист. Формально в объединенное правительство М. Богаевского на основе паритета вошли представители казацкого населения от округов и городов Дона, но фактически выдвижением кандидатов в объединенное правительство занимались правые эсеры, руководившие съездом. Войсковое правительство, идя на организацию совместной власти, стремилось расширить социальную базу казацкой контрреволюции за счет кулацкой верхушки донской деревни. Кроме того, включение в объединенное правительство правых соглашателей создавало видимость демократии, прикрывало реакционную сущность диктатуры буржуазии. Несмотря на вхождение представителей мелкобуржуазной демократии в объединенное правительство, характер его не изменился, так как реальная власть принадлежала генералу Каледину. Все без исключения постановления объединенного правительства утверждались войсковым атаманом<sup>32</sup>.

10 января 1918 г. объединенное правительство опубликовало декларацию, которая конкретизировала и развивала платформу соглашения от 4 января. Декларация целиком состояла из демагогических положений и всевозможных оговорок, целью которых было обмануть трудовое казачество и крестьянство Дона и спровоцировать их на борьбу с Советской властью. Объединенное правительство Донской области провозгласило, что будет охранять свободу слова, печати, собраний и учреждений «от всяких насилий, откуда бы таковые ни исходили». Но калединцы продолжали громить Советы, расстреливать собрания и митинги рабочих. «Свобода печати» была такова, что даже левозэсеровская газета «Социалист-революционер» вынуждена была выходить нелегально. Развязав гражданскую войну, калединцы и их приспешники



лицемерно заявляли в декларации, что они желают ее прекращения. Декларация сообщала, что добровольческая армия существует «в целях защиты Донской области от большевиков... и борьбы за Учредительное собрание», и заявляла, что объединенное правительство «будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток Совета Народных Комиссаров навязать свою волю населению Донской области»<sup>33</sup>. Сущность контрреволюционной политики объединенного правительства в принципе ничем не отличалась от войскового чисто казачьего правительства.

Дальнейшие события показали, что осуществить свои планы создания единого антибольшевистского фронта донская контрреволюция не смогла. Казачий белоэмигрант Янов признавал, что идея паритета «не дала никаких реальных выгод, не увеличила ряды защитников Дона и не внесла успокоения ни среди фронтовиков, ни в иногородней массе». Паритет оказался не эффективен, ибо не решал важнейшего и острейшего земельного вопроса. Калединская программа, обнародованная в дни выборов в Учредительное собрание, объявляла все войсковые, запасные и юртовые станичные земли с их недрами, лесами и другими угодьями неприкосновенной собственностью войсковой казачьей общины. Одновременно помещичьи земли были обещаны коренным крестьянам, но решить это должно было Учредительное собрание. Иногороднее крестьянство могло получить землю только в своих губерниях, т. е. фактически изгонялось с Дона или оставалось здесь лишь в качестве батраков<sup>34</sup>. Объединенное правительство никакого влияния на крестьян не имело. С самого начала оно было обречено на неудачу в силу его контрреволюционной сущности и антинародного характера деятельности.

Безоговорочно казачью контрреволюцию Юго-Востока поддерживала кадетская партия. 13—15 января 1918 г. кадеты во главе с Милюковым созвали в Ростове южнорусскую конференцию, на которой были представлены московский, харьковский, симферопольский, батумский комитеты кадетской партии, а также парторганизации Дона и Северного Кавказа. В своей резолюции конференция «приветствовала» образование Юго-восточного союза, в основу которого «положены здоровые политические мысли», и призывала партию и ее членов при-

нять активное участие в деятельности казачьей федерации и добиваться ее экономической и финансовой интеграции. Конференция считала «целесообразным оказывать всяческое содействие делу организации добровольческой армии», начавшей вооруженную борьбу с большевиками на Дону<sup>35</sup>. Ни одного голоса не прозвучало в защиту распущенного Учредительного собрания. Милюков откровенно возражал против любого «свободного волеизъявления народа»<sup>36</sup>. Конференция оказала полную поддержку белому движению.

Кадеты, консолидировав контрреволюционные силы на юге страны, возглавили вооруженную борьбу против власти Советов.

### **Роль империалистов Антанты и США в разжигании калединского мятежа и зарождении добровольческой армии**

Современные буржуазные фальсификаторы всячески пытаются оправдать вмешательство империалистов Антанты и США во внутренние дела Советской России, представляют его как стремление к воссозданию Восточного фронта на территории нашей страны для борьбы с Германией<sup>1</sup>. Однако факты неопровержимо свидетельствуют, что империалисты хотели лишь одного — погасить пламя социалистической революции, удушить Советскую власть.

Имя Каледина стало широко известно на Западе сразу же после Октябрьской революции. Реакционная пресса Антанты и США не скупилась на хвалу мятежному атаману, называя его спасителем России. Политические деятели США, Англии и Франции в своих выступлениях все чаще связывали надежду на победу над большевиками с его именем. Антисоветская деятельность Каледина была «по достоинству» оценена союзными империалистами. Король Великобритании Георг V наградил мятежного генерала орденом. Английский генерал Бартер, находившийся при Ставке Духонина, в телеграмме Каледину сообщил ему об этом. В ответном послании Каледин благодарил короля Великобритании «за высокую награду». Правительство Франции также наградило Каледина орденом<sup>2</sup>. Эти акции английских и французских импе-

риалистов нельзя оценить иначе, как открытое и прямое вмешательство в дела Советского государства, как дань признания контрреволюционных заслуг мятежного генерала и поощрение его на более активные действия против Советского правительства. 27 октября член французской военной миссии в Петрограде Ж. Садуль констатировал: «Союзники нелепо поставили все на битые карты: Керенского, Савинкова, Каледина и т. п.»<sup>3</sup>

Вдохновленный поддержкой Англии и Франции, Каледин 31 октября отдал приказ о подготовке к наступлению на Москву. Однако оно, как известно, не состоялось. 4 ноября Бьюкенен записал в своем дневнике: «Положение теперь безнадежно, так как большевики сейчас хозяева на севере и в Москве, и хотя Каледин держит в своих руках юг, но у него нет шансов продвинуться на север»<sup>4</sup>.

Для борьбы против Советской власти донской контрреволюции требовались крупные денежные ассигнования. Калединское правительство разработало план создания казачьего банка с капиталом в 150 млн. руб., из которых 100 млн. должны были внести равными долями казачество и русские банки, а недостающую сумму покрыть с помощью иностранных банков<sup>5</sup>. Калединский эмиссар, член ЦК кадетов банкир князь Шаховской выехал в Петроград, где 10 ноября встретился с Бьюкененом. Князь предложил английскому послу принять участие в создании казачьего банка, капитал которого гарантировался бы природными ресурсами юга России. В случае немедленной финансовой поддержки союзники могли купить часть акций. Бьюкенен просил Шаховского передать Каледину и Алексееву, что союзники приветствовали бы создание сильного и стабильного правительства, готового продолжать войну<sup>6</sup>. 16 ноября газета «Вольный Дон» писала: «Иностранные банки относятся к казачьему банку с большим интересом и придают ему весьма крупное значение». Таким образом, в борьбе против Советской власти донская контрреволюция не останавливалась перед распродажей национальных богатств иностранным капиталистам. Ее кредо открыто выразил в своем выступлении на IV Терском войсковом круге в ноябре представитель донского казачества Н. Ф. Перфилов, который прямо заявил, что лучше сделаться английской колонией, чем попасть под иго большевиков<sup>7</sup>.

Каледин постоянно поддерживал связь с английским представительством в Петрограде. 16 ноября военный атташе генерал-майор Нокс получает сведения об образовании Юго-восточного союза. Бессилие этой вновь созданной контрреволюционной организации посланец Каледина объясняет тем, что казаки рассредоточены по всей русской армии и их трудно собрать и вооружить, не вызывая подозрения большевиков, кроме того, снабжение казаков оружием требует больших финансовых издержек. Бьюкенен и Нокс доложили о нуждах мятежников английскому правительству, и уже 20 ноября на заседании британского военного кабинета премьер-министр Ллойд Джордж предложил гарантировать Каледину финансовую поддержку. Было решено также оказать помощь оружием и деньгами эвакуируемой из Персии казачьей дивизии. В тот же день вечером заместитель министра иностранных дел лорд Сесиль телеграммой просил Бьюкенена оказать немедленно помощь Алексею и Каледину, не считаясь со средствами. В свою очередь начальник английского имперского генерального штаба Робертсон телеграфирует военному атташе в Яссах, чтобы тот оказал Каледину финансовую помощь в любом размере<sup>8</sup>. Еще в конце октября английский генерал Декандол послал в Ростов трех английских офицеров-экспертов во главе с полковником Арчибальдом Джексом с целью изучения пропускной способности железных дорог юга России якобы для нужд Месопотамского фронта<sup>9</sup>.

Не отставали от англичан и французские империалисты. 8 ноября генерал Ниссель направил из Петрограда на Дон к Каледину ряд французских офицеров. 17 ноября в Париже открылась конференция стран Антанты и США. Она решила послать на Дон к Каледину с одобрения США неофициальную англо-французскую военную миссию<sup>10</sup>.

Многие источники и документы свидетельствуют, что английские и французские представители находились при штабе атамана, участвовали в боевых действиях. Секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) в 1917 г. М. П. Жаков рассказывает, как три офицера союзных держав были захвачены в бою в плен вместе с генералом Потоцким. После допроса члены иностранных военных миссий были отпущены на свободу<sup>11</sup>. Генерал Ниссель

в своих мемуарах писал, что Каледин через французских офицеров, бывших на Дону, обращался к нему за финансовой помощью<sup>12</sup>.

В начале декабря 1917 г. член английской военной миссии Вычворд в интервью корреспонденту газеты «Вольный Дон», приветствуя «победу» Каледина над ростовскими рабочими и шахтерами области, заявил, что «последние события на Дону, безусловно, окажут свое влияние на дальнейший ход событий. И я уверен, что представителями иностранных миссий в России уже сделаны на этот счет соответствующие представления». Вычворд выразил уверенность, что «казачеству придется сыграть в ближайшем будущем в России огромную роль». Свое интервью он закончил словами: «Генерала Каледина в английских кругах хорошо знают... по тому положению, которое он занял в жизни текущего момента в России. Симпатии английских офицеров всецело на стороне генерала Каледина»<sup>13</sup>.

Особенно тесные связи генерал Каледин установил с военными миссиями союзников при штабе Кавказского фронта в Тифлисе. Член ЦК кадетов В. А. Харламов, будучи комиссаром Временного правительства в Закавказье, поддерживал постоянные контакты с английской, французской и американской миссиями.

Прибыв из Тифлиса в Новочеркасск, Харламов 9 и 10 ноября участвовал в заседаниях войскового правительства, обсуждавшего телеграмму контрреволюционной ставки в связи с требованием уполномоченного английского правительства генерала Бартера о неуклонном выполнении военной конвенции, подписанной Россией в августе 1914 г. В своих выступлениях генералы Каледин и Алексеев призывали остаться верными союзническому долгу. Их поддержал Харламов, заявив, что «судьба войны должна быть решена в полном согласии с союзниками». На заседании было принято решение не признавать «сепаратного мира», который хочет заключить Советское правительство<sup>14</sup>.

Как уже отмечалось, 16 ноября в Екатеринодаре было создано объединенное правительство Юго-Восточного союза во главе с Харламовым. В конце ноября он прибыл в Тифлис, где начал переговоры с Закавказским комиссариатом о присоединении к казачьей федерации. 28 ноября Харламов информирует американского консу-

ла Смита, генерала Шора, полковника Шардиньи — глав британской и французской миссий о планах борьбы Каледина и объединенного правительства с большевиками и просит у них помощи. По свидетельству Харламова, союзники твердо заявили, что Франция, Англия, Япония и США не оставят без поддержки нарождавшееся «здоровое» ядро в России — Юго-восточный союз, которому будет оказана самая широкая поддержка деньгами, материалами, локомотивами, снаряжением и прочим<sup>15</sup>.

После встречи Смит сообщил государственному секретарю США Лансингу, что Каледин и Алексеев создают армию, которая «уже сейчас настолько сильна, что при соответствующей помощи союзников могла бы начать наступление на север»<sup>16</sup>. 29 ноября в телеграмме Лансингу Смит предложил, «чтобы инициативу созыва Учредительного собрания принял на себя Комитет Государственной думы под председательством Родзянко, который находится в Новочеркасске», и просил разрешения поехать в Новочеркасск или Екатеринодар для обсуждения ситуации с Алексеевым и Родзянко. 5 декабря Смит послал вице-консула Дулитла в Екатеринодар к Харламову с секретным письмом, в котором был изложен (принятый совместно с генералом Шором) план борьбы казачьих отрядов с большевистски настроенными частями Кавказского фронта, возвращающимися с фронта в Россию. Смит обещал Харламову: «Союзники... скоро окажут большую помощь федеративному правительству... в этом вижу единственный путь спасения для России...»<sup>17</sup>

Американский консул просил свое правительство прислать на Дон и Кубань хотя бы символический отряд. «Лучше всего отправить в ту или другую области небольшой иностранный отряд, не столько в виде боевой единицы, сколько в качестве здорового ядра, вокруг которого организуются русские силы. Этим мы докажем, что не бросаем слов на ветер»<sup>18</sup>.

Антисоветский курс официально был провозглашен в меморандуме государственного секретаря США Лансинга и решениях англо-французской конференции в Париже. Антанта и США открыто выступили в поддержку белого движения на Дону. 26 ноября американский консул в Москве Саммерс информирует Лансинга о ходе переговоров с представителями Алексева и Каледина. Сам-

мерс уверен, что каледиинцы станут силой, «достаточной для восстановления порядка», если получат официальное благословение и материальную помощь США и Антанты, и просит американское правительство оказать им эту поддержку<sup>19</sup>. На следующий день Лансинг представил президенту США Вильсону меморандум — план борьбы с целью низвержения «большевистского господства» посредством «военной диктатуры, поддержанной лояльными дисциплинированными войсками». «Единственным реальным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы сместить большевиков и учредить правительство, — писал Лансинг, — является группа высших офицеров во главе с атаманом донских казаков Калединым... Ее разгром будет означать передачу всей страны в руки большевиков»<sup>20</sup>. Президент согласился с предложенным планом. 28 ноября Вильсон в длительной беседе с Лансингом, как свидетельствует последний, «рассмотрели ситуацию в России и особенно крепость каледиинского движения»<sup>21</sup>. А на следующий день Вильсон официально одобрил меморандум Лансинга.

10 декабря 1917 г. в Париже между Англией и Францией был заключен тайный договор, антисоветская сущность которого уже давно и определенно показана советской исторической наукой. Отметим здесь только, что сам У. Черчилль писал о договоре: «Эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России... предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действий этих двух держав...» Более того, как свидетельствует Черчилль, 10 декабря военные представители Верховного союзного совета в Париже постановили, что «все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие имеются в нашем распоряжении»<sup>22</sup>.

Английское правительство выделило в распоряжение своих агентов на Дону 10 млн. фунтов стерлингов для поддержки Каледина и Алексеева, а Франция предоставила кредит Алексееву в 100 млн. франков. Что касается правительства США, то оно дало указание своему послу в Лондоне Пейджу скрытно финансировать в необходимых размерах Каледина через английское и французское правительства<sup>23</sup>.

В начале декабря 1917 г. американское посольство пыталось переправить на Дон автомобили. В. И. Ленину доложили, что американские офицеры с помощью русского полковника Колпашикова пытаются отправить из Петрограда в Ростов к калединцам эшелон с 80 автомашинами и что советские власти хотят произвести в поезде американской миссии Красного Креста аресты. В. И. Ленин указал, что эта акция имеет *«исключительно»* большую важность. . . *Особые* меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т. п.»<sup>24</sup> Ленинское указание было выполнено. При аресте у полковника Колпашикова были обнаружены документы, подписанные американским послом в Петрограде Фрэнсисом. Газеты «Правда», «Известия ЦИК», «Социал-демократ» гневно разоблачили тогда этот преступный заговор американских империалистов с калединцами.

Вскрывая связи донской контрреволюции с союзниками, М. Жаков писал 14 декабря в газете «Донецкий пролетарий»: «В то время как в Ростовском штабе Поточкого сидели английские и французские офицеры, а среди красногвардейцев шпионили теодоровичи\*, на фронте внешнем члены американской миссии Красного Креста Андерсон и Перкинс и русские офицеры Колпашиков и Верблюнский под тем же знаком милосердия, как и Теодорович, вели свою преступную работу по снабжению Каледина боевыми материалами.

Правительство Народных Комиссаров опубликовало документы, с несомненностью устанавливающие связь дипломатической агентуры Рокфеллеров с агентами Каледина. . . Калединская банда продает интересы всей Российской демократии англо-американским империалистам, вступая с ними в преступный союз для разгрома революции».

В середине декабря по инициативе В. А. Антонова-Овсеенко советскими властями были реквизированы броневики, легковые и грузовые машины британского автодизвиона, двигавшиеся на юг. На протест английской военной миссии Антонов-Овсеенко дипломатично ответил, что «по миновании надобности и опасности. . . они будут

---

\* Теодорович — офицер сербской армии, выдавал себя за врача и под прикрытием повязки Красного Креста занимался шпионажем.



возвращены», и информировал об этом шаге В. И. Ленина<sup>25</sup>.

В конце декабря 1917 г. американский консул в Москве Саммерс послал на Дон Пуля, Мориса де Мей и Куляша для ознакомления с положением дел. В Новочеркасске Пуль обсуждал с Калединым, Алексеевым и Милюковым планы борьбы с большевиками. В своих отчетах Саммерсу он доносил о положении на Дону и рекомендовал оказать быструю и эффективную помощь мятежникам. В декабре 1917 г. Нью-Йоркский национальный городской банк, в котором хранились фонды русского посольства в Америке, получил указание выдать 500 тыс. долларов для пересылки через английских агентов генералу Каледину<sup>26</sup>. Органы ВЧК во время следствия выяснили, что арестованный в Москве американский агент Бари стоял во главе крупной контрреволюционной организации, занимался вербовкой офицеров, субсидировал их деньгами и переправлял на Дон к Корнилову и Каледину. О том, что империалисты США снабжали калединцев оружием, рассказал на общевойсковом съезде по демобилизации армии верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко<sup>27</sup>.

Военные миссии союзников при штабе Румынского фронта, а также их дипломатические представители, аккредитованные в Яссах, после победы Октябрьской революции установили связи с контрреволюционными генералами на Дону. Английский посланник в Яссах, выполняя рекомендацию министра иностранных дел Бальфура от 9 ноября, послал на Дон своего агента, чтобы узнать о возможности сотрудничества Каледина с Румынской армией и о силах, находящихся в его распоряжении<sup>28</sup>. 22 ноября в Париже Совет министров Франции рассматривал вопрос о возможности борьбы Румынии против Советской России. Присутствовавший на заседании румынский посол во Франции В. Антонеску по поручению главы своего правительства Братиану заявил: «В России находится более 100 000 пленных румынских солдат из Австро-Венгрии и более 200 000 чехов, которые могут быть использованы на румынском фронте или предоставлены в распоряжение Каледина». Этот план получил одобрение. 3 декабря на совещании между премьер-министром Франции Клемансо, министром иностранных дел Пишоном и министром военного снабжения Альбером

Тома было решено, что «румынская армия должна соединиться с Калединым»<sup>29</sup>.

Генерал Алексеев со своей стороны также предлагал отвести румынскую армию на новую оборонительную линию в район Дона. Румынский король Фердинанд, обсуждая с командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым этот план, склонялся к его реализации<sup>30</sup>. Королева Румынии Мария в своих мемуарах писала, что американский полковник Андерсон поддерживал план королевской семьи об отводе румынской армии на территорию казаков. Однако глава военной миссии союзников в Румынии генерал Бертело считал этот план нереальным<sup>31</sup>. В письме консул США в Тифлисе Смит запрашивал главу Юго-восточной казачьей федерации Харламова: «Может ли ваше правительство в случае необходимости оказать гостеприимство по отношению к румынским войскам»<sup>32</sup>. Румынское правительство пыталось преправить 70 млн. руб. золота, хранящегося в Москве, на Дон к контрреволюционным генералам<sup>33</sup>.

В декабре 1917 г. установилась регулярная связь между генералами Алексеевым и Щербачевым, которая поддерживалась специальными курьерами между Новочеркасском и Яссами. Контрреволюционные генералы и офицеры Румынского фронта высказались за создание особого корпуса из русских добровольцев для отправки на Дон в помощь генералам Алексееву и Корнилову. Эта затея встретила полное сочувствие и поддержку со стороны союзников. Французы выделили на организацию корпуса несколько миллионов франков<sup>34</sup>. Один из белогвардейских офицеров позже писал, что для формирования соединения им отвели помещения в деревушке Скен-тэе, в 35 верстах от Ясс. Между тем с разрешения командующего Румынским фронтом в части армии были разосланы «приглашения» русским офицерам явиться в консульство США в Яссах. Там им рекомендовали записываться в добровольческую бригаду<sup>35</sup>.

Большие надежды донская контрреволюция возлагала на чехословацкий корпус, командование которого находилось под влиянием французов. 8 ноября 1917 г. генерал Алексеев, находившийся в Новочеркасске, в письме в Ставку генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего Дитерихсу настоятельно просил о переброске чехословацких частей на Дон. С аналогич-

ной просьбой к председателю Чехословацкого национального совета Масарику обращался генерал Корнилов. Деникин в своих мемуарах пишет, что чехословацкий корпус издавна привлекал внимание Алексеева и Корнилова. В конце января 1918 г. с просьбой к Масарику поддержать добровольческую армию обратился и лидер кадетов Милюков<sup>36</sup>. Генерал Каледин лично приглашал Масарику приехать на Дон. Между Калединым, Алексеевым, Корниловым и Масариком установилась тесная связь. Посыльный Масарику доставлял Каледину секретные письма и деньги, полученные от французской военной миссии для поддержки контрреволюции. Постоянным представителем Масарику при генерале Алексееве был прапорщик «чешской дружины» Гейдук<sup>37</sup>. При полном попустительстве Масарику «добровольцы» из частей чехословацкого корпуса уходили на Дон, где под руководством капитана Неметчика (политическим руководителем был штатский инженер Кроль) был сформирован чехословацкий инженерный батальон, вошедший в состав добрармии, который участвовал в боях с советскими войсками. Разрабатывался план переброски всего чехословацкого корпуса на Дон, но ввиду разногласий между англичанами и французами по этому вопросу он не был осуществлен<sup>38</sup>.

В декабре 1917 г. при атамане Каледине в Новочеркасске обосновалась французская военная миссия в составе полковника Гюше, капитана де Курсона и Бернье, прибывшая из штаба генерала Бертелло на Румынском фронте. Главой английской военной миссии при Каледине был приехавший из Ясс в начале января 1918 г. генерал Декандол<sup>39</sup>. На Дону была и американская миссия во главе с московским вице-консулом Де Витт Пулем, в которую входили Морис да Мей и Кульяш. «Ростовская речь» 5 января 1918 г. сообщала, что американская и французская миссии посетили градоначальника Ростова кадета Зеелера и имели с ним беседу.

Иностранные миссии были встречены деятелями донской контрреволюции с распростертыми объятиями. В их честь устраивались приемы и давались банкеты. Газета «Приазовский край» 13 декабря 1917 г. сообщала, что «вчера в Новочеркасске устроено было чествование иностранных представителей миссий дружественных России держав».

Антивоветская заговорщическая деятельность офицеров союзных держав приняла настолько широкий характер, что 21 декабря на заседании СНК под председательством В. И. Ленина наряду с другими обсуждался и вопрос о тактике и мерах пресечения контрреволюционной деятельности французской военной миссии<sup>40</sup>. 23 декабря 1917 г. «Правда» в статье «Французская миссия как источник лжи и отравленных слухов», разоблачая преступную связь союзников с генералами Алексеевым и Калединым, потребовала, чтобы «союзные офицеры, доведшие свою дерзость до прямого участия в контрреволюционном восстании», были немедленно отозваны в Петроград. В заключение статьи говорилось, что Советская власть слагает с себя ответственность за тех, кто «сейчас пребывает на территории контрреволюционного мятежа как его соучастники».

Наркоминдел в письме генералу Нисселю потребовал немедленного отзыва французских офицеров, находившихся в стане мятежников. В ответном письме Ниссель признал, что французские офицеры находятся на юге России и «временно прикомандированы французским правительством уже в течение многих недель к военной миссии и к французскому посланнику в Румынии. С того момента, — говорилось в письме, — они не находятся в зависимости ни от меня, ни от французского посла в Петрограде». Далее Ниссель выражал уверенность, что они следуют полученным им инструкциям и не вмешиваются во внутренние дела России<sup>41</sup>. Подобный ответ не мог, конечно, удовлетворить Советское правительство.

Американский посол Фрэнсис и глава военной миссии США генерал Джадсон также отрицали контакты с Калединым. Что касается английского посольства, офицеры которого были уличены в связях с мятежниками на Дону, то оно в заявлении для прессы сообщало, что на Дону нет английских офицеров, а есть железнодорожные эксперты с целью обеспечения отправки продовольствия для румынской армии и что английское правительство и посольство не намерены вмешиваться во внутренние дела России. «К сожалению, — заканчивалось заявление, — Россия в настоящее время разделилась на несколько почти самостоятельных республик, каждая из которых имеет *de facto* свое собственное правительство... Это ненормальное явление вещей значительно затрудняет поло-

жение английских офицеров»<sup>42</sup>. Эти лицемерные заявления и «сожаления» не нуждаются в особых комментариях.

16 декабря Наркоминдел направил посланнику Румынии Диаманди ноту протеста по поводу враждебных актов его правительства в Бессарабии, подчеркнув, что «Советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады...». В ответной ноте румынское посольство перекаладывало ответственность за инциденты на русские войска, а связи румын с Калединым и Радой ограничивало лишь «продовольственными вопросами»<sup>43</sup>.

Помощь мятежникам не прекращалась. 23 января 1918 г. «Известия ЦИК» в статье «В гнезде контрреволюции» указывали на недопустимость присутствия на Дону офицеров союзников и запрашивали иностранных дипломатов: «По этому вопросу мы ждем разъяснений от союзных посольств, — что собираются делать их офицеры на Дону, против кого они хотят вести войну?»

Командующий казачьими войсками Донского областного ВРК Смирнов, выступая 5 марта 1918 г. в Каменской на I съезде Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов Донецкого округа, рассказал о том, как казачьи фронтовые части, подготавливаемые к отправке на Дон, усиленно вооружались. Это было настолько заметно, что некоторые казаки возмущались, говоря, что когда воевали с немцами, то на сотню полагался один пулемет, а когда поехали домой, то по четыре. «Вы, может быть, спросите, — продолжал Смирнов, — откуда они взяли пулеметы для калединского фронта, ибо для немецкого не было. Мы наводим справки и узнаем, что из Румынии, верней, из Франции и Англии, идут пулеметы и пушки прямо в буржуазную раду, а оттуда направляются на Дон»<sup>44</sup>.

Чтобы избежать справедливого возмущения со стороны советских властей в отношении миссий союзников в столице, походный атаман передавал сведения о военных операциях на Дону не непосредственно в американское, английское или французское посольства, а окольным путем — через сербскую военную миссию в Петрограде.

Глава французской военной миссии в Новочеркасске полковник Гюше регулярно поддерживал телеграфную связь с генералом Бертело в Яссах, французской военной

миссией в Киеве и представителями союзников при штабе Кавказского фронта. Английское консульство в Тифлисе было связано прямым проводом с донской контрреволюцией. Кроме того, контакт с Калединым оно поддерживало через капитана Ноэля<sup>45</sup>.

В конце января 1918 г. советскими властями был задержан шпион с секретным письмом генерала Алексеева, адресованным руководителю французской военной миссии в Киеве генералу Табуи. В письме содержалась настоятельная просьба воздействовать на командира чехословацкого корпуса генерала Макса, чтобы последний двинул корпус на Дон<sup>46</sup>. 31 января 1918 г. председатель Военно-революционного комитета Донской области С. И. Сырцов, сообщив в телеграмме В. И. Ленину о содержании перехваченного письма и о том, что оно пересылается в СНК, отметил, что «письмо Алексеева ясно показывает, кто питает контрреволюцию...»<sup>47</sup>. В ответной телеграмме С. И. Сырцову В. И. Ленин сообщил, что «письмо алексеевского шпиона еще не получено», и просил выслать его с «надежнейшей оказией, сняв фотографию»<sup>48</sup>.

Особо следует остановиться на вопросе о том, какую же реальную финансовую помощь получили Каледин и добровольческая армия Алексеева — Корнилова от Антанты и США. Делегация Донского казачьего ВРК в обращении к трудящимся области о результатах поездки 15 января 1918 г. в Новочеркасск рассказала, что при переговорах с Калединым и его правительством она интересовалась численностью добровольческой армии. Руководители революционного казачества Ф. Г. Подтелков, М. В. Кривошлыков, С. И. Кудинов отмечали, что на вопрос, на какие средства существует добрармия, Каледин ответил, что она содержится «на частные пожертвования, поступающие из многих городов России», а член объединенного правительства от неказачьего населения эсер Г. Боссэ добавил, что «делают заем у союзников специально для содержания добровольческих дружин. А кто будет платить этот заем? Ответа не дали, а сказали: «Да это тогда разберем»»<sup>49</sup>.

18 января 1918 г., отвечая на заседании объединенного донского правительства на коварный вопрос фрондирующего эсера Брыкина: «На средства ли национального характера существует добровольческая армия?» —

генерал Алексеев вынужден был признать, что добармия частично существует на деньги союзников<sup>50</sup>. В финансовых приходных документах генерала Алексеева указывается, что на нужды добровольческой армии от французской военной миссии 2 января 1918 г. было получено 25 тыс. руб., 3 января — 100 тыс., 10 января — 180 тыс. руб.<sup>51</sup> Захваченный советскими войсками в плен генерал Назаров на следствии показал, что американское правительство ассигновало донской контрреволюции крупную сумму<sup>52</sup>.

Как свидетельствует один из руководителей большевиков Дона в период калединщины, А. А. Френкель, добровольческая армия получила от союзников 30 млн. руб., что «мы впоследствии определенно установили из очутившихся у нас в Новочеркасске документов и из допроса преемника Каледина Назарова»<sup>53</sup>. В то же время сподвижник Деникина генерал Казанович утверждал, что «от союзников до выступления из Ростова удалось получить только 1/2 миллиона»<sup>54</sup>. Безусловно, сумма эта явно преуменьшена. Однако следует отметить, что не все деньги, ассигнованные Антантой и США, успели попасть в руки русской контрреволюции. Так, например, прибывшие из Ясс в Новочеркасск по заданию генерала Бертело капитан Бордэ и два французских солдата для передачи полковнику Гюше 7 млн. франков для белых опоздали. Мятеж был подавлен, а члены военной миссии полковник Гюше, капитан де Курсон и Бернье арестованы советскими органами<sup>55</sup>.

Главной целью империалистов Антанты и США на Дону была поддержка контрреволюции для борьбы с Советской властью.

Когда В. И. Ленин узнал, что казацкие фронтовые части восстали против Каледина, он оценил этот факт не только как крах белого движения на Дону, но и как провал авантюристических планов союзных держав, пытавшихся руками казаков задушить революцию. Выступая 13 января 1918 г. на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, В. И. Ленин, коснувшись последних событий на Дону, заявил: «...пускай теперь господу Рябушинские с господами капиталистами Франции и Англии и с румынским королем, пускай печалятся и плачутся на свою судьбу: последняя их ставка бита даже на Дону...»<sup>56</sup>

## На Каледина!

### **Мобилизация сил трудящихся Советской России на разгром калединской авантюры**

II Всероссийский съезд Советов сделал первые шаги в выработке политики по отношению к казачеству. Большую роль в разъяснении политики Коммунистической партии и Советского правительства играл Казачий комитет при ВЦИК, избранный 4 ноября из делегатов казачьих частей, расположенных в Петрограде, его окрестностях и в Финляндии. СНК утвердил образование Казачьего комитета во главе с И. А. Лагутиным<sup>1</sup>.

В. И. Ленин в начале ноября принял делегатов 4-го Донского казачьего полка И. В. Акимова и А. Я. Антюфеева, беседовал с ними о положении дел в полку, о настроении казаков и их отношении к Советской власти и советовал рядовым казакам быть ближе к рабочим, а офицеров, ведущих контрреволюционную агитацию в полку, арестовать<sup>2</sup>.

Совнарком, поддержав образование Казачьего комитета при ВЦИК, содействовал дальнейшему расколу в казачьей среде. Казачий комитет рекомендовал всем строевым казачьим частям воздерживаться от самовольных передвижений во избежание провокаций. Для разъяснительной и агитационной работы в казачьи части направлялись делегаты комитета<sup>3</sup>.

18 ноября СНК поддержал просьбу комитета о создании при нем печатного органа и поручил народному комиссару по военным делам изыскать средства. Н. И. Подвойский выделил для этой цели 10 тыс. руб.<sup>4</sup> При его содействии крестьянская газета «Деревенская беднота» с 26 ноября стала выходить как крестьянская и казачья газета под названием «Деревенская беднота и трудовое казачество». Агитработа Казачьего комитета стала более интенсивной и стабильной. Газета публи-



Ковала все обращения СНК к трудовому казачеству, информацию о работе Казачьего комитета при ВЦИК и его воззвания к казакам.

Так, 26 и 30 ноября газета опубликовала проекты декретов о казачьем землевладении и гражданском управлении в казачьих областях, об обмундировании и снаряжении казаков за счет государства. Проекты эти, подготовленные Казачьим комитетом, были переданы на рассмотрение в Совнарком.

29 ноября в Смольном на совещании Казачьего комитета при ВЦИК совместно с представителями донских и кубанских полков и батарей, расположенных на Северном фронте, была осуждена контрреволюционная деятельность совета «Союза казачьих войск», толкавшего казачество на братоубийственную войну с солдатами, и вынесено решение арестовать его членов. По предложению В. А. Антонова-Овсеенко Казачий комитет постановил: выполнить это «казачьей рукой». Совещание вынесло решение «сформировать отряд из казачьих частей... отправить на Дон, Кубань и Терек, изгнать реакционных генералов и передать власть трудовому народу. К участию в гражданском управлении привлечь все население, находящееся на территории области»<sup>5</sup>. В ночь на 30 ноября революционные казаки арестовали в Петрограде ряд членов совета «Союза казачьих войск», однако оставшиеся на свободе пытались их освободить, а 1 декабря уполномоченный этой контрреволюционной организации П. П. Калмыков явился в Смольный за разъяснениями по поводу арестов. И получил их: «Арест совершен по инициативе казачьей группы»<sup>6</sup>.

30 ноября на заседании Совнаркома рассматривались проекты казачьих декретов, опубликованные в газете «Деревенская беднота и трудовое казачество». Советское правительство приветствовало инициативу Казачьего комитета «в деле выработки законопроектов, направленных к обеспечению экономических и политических интересов трудового казачества». СНК предложил Казачьему комитету обсудить эти законопроекты Советами казачьих депутатов и другими демократическими организациями казачества, чтобы иметь полную уверенность, что они «вполне соответствуют интересам и воззрениям трудовых казачьих масс». Совнарком заверил, что поддержит все декреты, ставящие своей целью «ос-

вободить трудовых казаков от всех видов кабалы и обеспечить им возможность достойного человеческого существования»<sup>7</sup>.

Казачьим комитетом с участием В. А. Антонова-Овсеенко был разработан проект «созыва съезда трудового населения казачьих областей». 5 декабря на заседании СНК член коллегии Наркомата по военным и морским делам В. А. Антонов-Овсеенко сделал доклад о проектируемом съезде трудового казачества в Москве. Совнарком поручил ему и наркому земледелия А. Л. Колегаеву «всесторонне выяснить вопрос о желательности и возможности такого съезда в Москве» и пересговорить по этому поводу с представителями трудового казачества. 6 декабря СНК поручил Н. И. Подвойскому доработать проект казачьего декрета, внося в него соответствующие поправки в соответствии с указаниями Совнаркома. 9 декабря Совнарком утвердил декрет<sup>8</sup>.

В обращении «Ко всему трудовому казачеству» за подписью В. И. Ленина, Н. И. Подвойского, В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Горбунова говорилось, что СНК «ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах»<sup>9</sup>. В частности, обязательная воинская повинность казаков должна быть заменена краткосрочным обучением при станицах, на счет государства ложилось обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу, предусматривалась полная свобода передвижения казаков. Это был общий декрет СНК, излагавший ряд экономических и политических сторон, которыми в первую очередь интересовалось трудовое казачество. В обращении указывалось, что по всем перечисленным пунктам в Народном комиссариате по военным делам будут разработаны подробные законопроекты и представлены на утверждение СНК. 11 декабря СНК рассматривает вопрос о казачьих декретах и поручает народной комиссии по военным делам обсудить их с представителями трудового казачества и представить свое мнение в Совнарком<sup>10</sup>. Однако приступить к выработке ряда конкретных казачьих декретов и тем более к их реализации в силу сложившейся обстановки не уда-

лось. Более того, даже общие казачьи декреты в период борьбы с каледищиной воплотить в жизнь было невозможно, и они в основном играли большую агитационную роль, способствовали правильному пониманию политики Коммунистической партии и Советского правительства трудовым казачеством, его отрыву от атаманско-кулацких верхов. В. И. Ленин отмечал, что «у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды», так как «практически не могли быть проведены сразу и полностью» в жизнь<sup>11</sup>.

Политика Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к казачеству, основы которой были заложены с момента возникновения Советской власти, была составной частью борьбы за крестьянство в период Октябрьской революции. Советское правительство и его глава В. И. Ленин предпринимают ряд важных организационных мероприятий по мобилизации сил революции на разгром калединого мятежа. 3 декабря СНК в «Манифесте к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», разоблачая перед трудящимися ее контрреволюционную сущность, в частности, указывал, что «Рада оказывает поддержку кадетски-калединскому заговору и восстанию против Советской власти»<sup>12</sup>, пропуская через свою территорию контрреволюционные войска к Каледину и отказываясь пропускать силы против мятежников. Совнарком требовал от Рады прекратить поддержку калединого движения.

В. И. Ленин придавал большое значение организации централизованного военного руководства на юге России. 5 декабря он поручил командующему Петроградским военным округом В. А. Антонову-Овсеенко подобрать по соглашению с главкомверхом Н. В. Крыленко и наркомом по военным делам Н. И. Подвойским кандидата на пост командующего войсками, действующими против контрреволюции на юге страны. В. И. Ленин соглашается с предложением Антонова-Овсеенко назначить его на этот пост и настаивает на скорейшем отъезде к месту назначения. В. А. Антонов-Овсеенко незамедлительно посетил Ставку, где договорился с Н. В. Крыленко о помощи в подавлении калединого мятежа. 8 декабря, вернувшись из Ставки, В. А. Антонов-Овсеенко доложил В. И. Ленину о планах борьбы против Каледина<sup>13</sup>.

В. И. Ленин предписывает В. А. Антонову-Овсеенко «ежедневно по прямому проводу... извещать Совет Народных Комиссаров о том, *кого* именно назначает он, или другие военные власти, *ответственными* лицами по распоряжению отдельными операциями, особенно по передвижению и сбору войск и по командованию»<sup>14</sup>.

Чрезвычайно трудным и сложным, не требующим отлагательства, являлся вопрос о казачьих фронтовых частях. Выполнение плана контрреволюционной Ставки Духонина о сведении казачьих частей в крупные соединения было приостановлено. Вблизи фронта и на пути следования на железнодорожных узлах скопилось много эшелонов с казаками, которые остались без фуража и продовольствия.

В ноябре Петроградский ВРК неоднократно принимает постановления о материальном снабжении казачьих частей как обычных<sup>15</sup>, но в то же время предписывает держать их в прифронтовой полосе и относиться к ним в зависимости от их поведения<sup>16</sup>.

Большевики всюду, где располагались казачьи части, проводили большую агитационную работу. В листовках, специально обращенных к казакам, излагалась сущность политики Советского государства по отношению к трудовому казачеству. Большевики стремились те казачьи части, где преобладали враждебные Советской власти настроения, сделать на первом этапе нейтралистскими, а затем постепенно привлечь на сторону революции. Так, 4-й и 14-й Донские казачьи полки, соблюдавшие в октябрьские дни нейтралитет, в ноябре заявили о признании Петроградского ВРК, а в декабре на своих собраниях выносили антикалединские резолюции<sup>17</sup>.

В. А. Антонов-Овсеенко вспоминает, что расположенная в Финляндии 5-я Кубанская казачья дивизия, добиваясь отправки на Кубань, не получала его санкции как командующего Петроградским военным округом до тех пор, «пока не была переорганизована и пока не были выбраны в ней желательные для нас командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко, член казачьего отдела ВЦИКа». Но в целом В. А. Антонов-Овсеенко считал отправку казаков в свой край «опасной для революции»<sup>18</sup>.

Коммунистическая партия, Советское правительство и лично В. И. Ленин не рассматривали казачество лишь

как силу, враждебную пролетарской революции. В ряде случаев и при определенных условиях отправка казаков в родные края была не вредной, а, наоборот, полезной мерой для дела революции. Так, 5—6 декабря В. И. Ленин предписывает всем комиссарам железных дорог немедленно пропустить 4-й Донской казачий полк и части 5-й Кавказской и 6-й Кубанской казачьих дивизий для борьбы с Калединым и Филимоновым<sup>19</sup>. Отправка революционных казачьих частей в свои области была точно рассчитанным и продуманным шагом.

В. А. Антонов-Овсеенко по дороге на юг задержался в Москве, где договорился с командующим Московским военным округом о формировании отрядов для отправки в Харьков и Воронеж. 10 декабря Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко для координации военных действий против Каледина, Рады и Дутова создал при Ставке Революционный полевой штаб во главе с М. К. Тер-Арутюнянцем, в состав которого вошли В. В. Каменьщиков, И. И. Вацетис и другие, подчинявшийся в оперативном отношении В. А. Антонову-Овсеенко.

Революционный полевой штаб явился первым оперативным органом руководства советскими войсками в борьбе с внутренней контрреволюцией. Штаб формировал революционные отряды и руководил ими в борьбе с Калединым и другими контрреволюционными силами. Он разработал и согласовал с Антоновым-Овсеенко план сосредоточения войск для борьбы против Каледина и одновременно составил «диспозицию» для всех отрядов, направляемых на калединский фронт<sup>20</sup>.

11 декабря В. А. Антонов-Овсеенко прибыл в Харьков, ставший Ставкой советского командования на юге России, для борьбы с каледищиной и контрреволюционной Украинской радой.

19 декабря Антонов-Овсеенко докладывает В. И. Ленину о стратегическом плане борьбы с южной контрреволюцией. В плане предусматривалось следующее: «Оборонительная позиция со стороны Полтавы; захват узловых станций Лозовая, Синельниково (связь с Екатеринославом)... Захват Купянска движением из Харькова и Белгорода (польский полк); немедленный приступ к вооружению рабочих бассейна Донецкой области и т. д. После концентрации некоторых сил в Донецком

бассейне... движение несколькими путями на восток против Каледина, одновременно с наступлением на восток — головной удар из Воронежа (главные силы Каледина расположены вдоль железной дороги Воронеж — Ростов), с востока — от Царицына... и с юга — с Кавказа...»<sup>21</sup> План предусматривал ликвидацию в первую очередь калединской контрреволюции. Освобождение узловых станций на Южной железной дороге (Харьков — Симферополь) было крайне необходимо, так как ставило под контроль революционных войск пути, связывающие Дон с Украиной, а также с фронтом. Хотя в дальнейшем план концентрического наступления советских войск на центры донской контрреволюции — через пролетарские районы Донбасса, от Воронежа, Царицына и с Северного Кавказа — претерпел некоторые изменения (например, главный удар пришлось наносить не со стороны Воронежа, а со стороны Донбасса), но его главная идея — окружение калединского гнезда — последовательно претворялась в жизнь.

В. И. Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании» анализирует обстановку в стране в связи с мятежом Каледина и указывает, что ликвидировать мятеж нужно «путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти». Отмечая, что гражданская война, начатая кадетски-калединским контрреволюционным восстанием против Советской власти, «окончательно обострила классовую борьбу», он подчеркивает, что «только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетски-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарски-крестьянскую революцию»<sup>22</sup>.

Насколько глубоко ЦК РСДРП(б) вникал в вопросы организации борьбы против Каледина, говорят письма его Секретариата в Действующую армию, в партийные организации Крыма, Украины, Поволжья и Северного Кавказа<sup>23</sup>. В письмах на Дон Секретариат ЦК РСДРП(б) очень интересовался положением в области. Так, в письме от 12 декабря на Свинаревский рудник поручалось руководителю большевиков Г. М. Дегтяреву «добыть сведения» об обстановке в области, и в частности в Ростове, и подчеркивалось, что ввиду противоре-

чивых слухов, идущих с Дона, «всякая вѣсть ъ мѣста крайне дорога». 21 декабря Секретариат ЦК РСДРП(б) запрашивал Сулинскую организацию РСДРП(б): «Как идет у вас дело с Калединым?» Ответные письма давали ценную информацию о положении на местах, что способствовало выработке плана разгрома Каледина. Местные парторганизации запрашивали Центральный Комитет относительно перспективы ликвидации калединской авантюры. Так, например, с Волыни Сарненская группа РСДРП(б) 18 декабря писала: «Просим вас сообщить... насколько опасно положение дел на Дону, предвидится ли скорая возможность ликвидации калединской затей?.. Мы хотели бы знать, насколько значительны силы, противопоставленные революции, и есть ли надежда их рассеять в настоящее время или, по крайней мере, в скором будущем». В ответном письме 26 декабря ЦК РСДРП(б) сообщил сарненским большевикам: «Относительно Каледина и положения дел на Дону, конечно, пока еще нет определенно утешительного, чего-либо решающего в нашу пользу, но есть данные предполагать, что в недалеком будущем все дело будет ликвидировано, так как его понемногу сожмут, отрежут, изолируют... Силы против Каледина имеются, во-первых, в лице Союза Советов Украины, взявших уже во многих местах власть в свои руки, во-вторых, в лице Кавказской армии (39-я дивизия) и, в-третьих, в организациях Поволжья, Кубанской области и Черноморья»<sup>24</sup>. Анализ письма проливает свет на планы ЦК РСДРП(б) в ликвидации калединщины, которые предусматривали мобилизацию сил трудящихся против мятежников на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе и Черноморском флоте и полную изоляцию главного очага всероссийской контрреволюции от Центральной рады, Дутова, Филимонова, Караулова и других «союзников». То есть в конечном счете удушение калединщины было неминуемо. Генерал Деникин вынужден был признать, что, несмотря на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов, в общем направлении их чувствовался определенный стратегически-политический план, который заключался в разъединении Украины и Дона путем захвата железнодорожных узлов и линий и в итоге приводил к объединенному наступлению на Ростов и Новочеркасск со стороны Харькова, Воронежа, Царницына и Тихорецкой<sup>25</sup>.

Трудящиеся Советской России на многочисленных митингах, собраниях, заседаниях гневно выступали против происков контрреволюции и требовали беспощадной борьбы с ней. Так, завком Путиловского завода 5 ноября постановил «принять самые энергичные меры к подавлению контрреволюционного движения, и прежде всего главным образом калединского». 10 ноября Центральный комитет Балтийского флота решил послать на Дон для подавления калединского мятежа 1 тыс. матросов<sup>26</sup>. Многие войсковые части Действующей армии, особенно Северного и Западного фронтов, протестовали против калединской авантюры, создавали добровольческие формирования и выражали готовность двинуться на подавление мятежа<sup>27</sup>. Аналогичные резолюции выносили и отдельные гарнизоны и части Кавказской армии и фронта<sup>28</sup>.

Однако оказать существенную помощь пролетариату Дона в первые недели после победы Октябрьской революции было невозможно. Повсеместно трудящиеся боролись с контрреволюцией, ломали ее жестокое сопротивление. Ликвидация контрреволюционной ставки, а также заключение перемирия с германским блоком на всех фронтах способствовали более успешной мобилизации сил Советской России против калединского мятежа. Центром формирования сил были в первую очередь Петроград, Москва, революционная Ставка в Могилеве, а также губернии, окружавшие Область войска Донского: Екатеринославская (Екатеринослав, Юзовка и другие рабочие центры Западного Донбасса), Харьковская (Харьков), Воронежская (Воронеж), Саратовская (Саратов и особенно Царицын), Ставропольская (Ставрополь, Торговая), Кубанская область (станция Тихорецкая), Севастополь. Активное участие в борьбе с Калединским приняли рабочие Рязани, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода и других районов Центральной России.

Вдохновители и организаторы этой борьбы — ЦК РСДРП(б) и Советское правительство во главе с В. И. Лениным проводили всестороннюю огромную организаторскую работу по формированию и отправке красногвардейских отрядов на калединский фронт. 17 декабря «Южная экспедиция № 2» Петроградской Красной гвардии Выборгской стороны численностью 500—600 человек под руководством рабочего В. Полякова выехала



на борьбу с Калединым. 19 декабря сформированный из василеостровцев 2-й Петроградский сводный отряд Красной гвардии численностью 1 тыс. человек под командованием донского казака Е. А. Трифонова (члена Коммунистической партии с 1904 г.) отправился на калединский фронт. За ним вскоре последовал Гатчинский красногвардейский отряд в 500 человек под командованием И. З. Левенсона, сформированный из путиловцев. Еще ранее по указанию В. И. Ленина рабочие Путиловского завода отправили против Каледина и Украинской рады несколько бронепоездов. Питерцы помогали и оружием. На заседании СНК 23 декабря было принято решение выделить Наркомату по морским делам 50 тыс. руб. на содержание отрядов, борющихся против Каледина, Дутова и др. Одновременно В. И. Ленин подписывает декрет об отпуске наркому по военным делам Н. И. Подвойскому 10 млн. руб. на организацию добровольческих отрядов<sup>29</sup>. По подсчетам В. И. Старцева, на калединский фронт было послано из Петрограда 2300 красногвардейцев<sup>30</sup>.

29 ноября Центральный штаб Красной гвардии Москвы принял решение «сформировать отряд красногвардейцев для отправки на юг на подкрепление революционных сил, действующих против Каледина». 6 декабря Президиум Моссовета предложил штабам Московского военного округа и Красной гвардии мобилизовать все силы против Каледина и Украинской рады и поручил члену ВЦИК А. С. Бубнову поднять в СНК вопрос о создании Центрального штаба для юга России<sup>31</sup>.

Штаб Московского военного округа направил комиссаров в города округа для мобилизации сил против Каледина. В результате в фабричных городах удалось организовать отряды общей численностью до 2 тыс. человек<sup>32</sup>. Так, комиссар С. М. Пугачевский создал в Костроме и Кинешме объединенный отряд в 1200 штыков, который под его командованием вскоре выехал на калединский фронт. Революционным полевым штабом по борьбе с контрреволюцией при Ставке были высланы специальные комиссары в Кострому, Ярославль, Нижний Новгород, Рязань, Владимир для быстрой отправки воинских частей в Воронеж и Харьков<sup>33</sup>.

В декабре Московская областная конференция РСДРП(б) отметила, что в вооруженной борьбе с вос-

станием буржуазной контрреволюции (Дон, Оренбург, Украина) решающим является немедленное создание красногвардейских отрядов в широком масштабе и всеобщее вооружение рабочих<sup>34</sup>. Подобная резолюция была принята Московским губернским съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. По воспоминаниям делегата съезда Д. И. Гарновского, ряд его участников по просьбе штаба Московского военного округа покинул съезд и выехал в города для формирования добровольческих отрядов. В Ярославле был сформирован отряд численностью до 400 человек<sup>35</sup>.

14 декабря Ю. В. Саблин приказом штаба МВО был назначен начальником 1-го Московского революционного сводного отряда. 15 декабря Центральный штаб Красной гвардии Москвы дал разрядки райштабам о высылке 500—550 красногвардейцев на сборный пункт для отправки против Каледина<sup>36</sup>. 16 декабря под командованием Саблина сводный отряд из солдат запасных полков Московского гарнизона численностью в 1900 человек отправился на калединский фронт.

Для борьбы с контрреволюцией требовались крупные денежные ассигнования. Н. И. Подвойский обратился к В. И. Ленину, который предписал выделить 1 млн. руб. в распоряжение командующего МВО Н. И. Муралова для снаряжения войск Московского военного округа, действующих против Каледина<sup>37</sup>.

14 января 1918 г. из Москвы на калединский фронт выехал отряд красногвардейцев из 400 человек под командованием Песина. Начальник штаба Красной гвардии Москвы А. С. Ведерников 21 января в докладе на областной конференции Красной гвардии отметил, что в Москве удалось организовать до 12 тыс. красногвардейцев, около 4 тыс. из них посланы на юг против Каледина. Из Ярославля, Коврова, Нижнего Новгорода, Кинешмы, Шуи, Орла, Твери, Костромы, Вязьмы, Коломны, Иваново-Вознесенска, Владимира и других городов Центрального промышленного района на борьбу с калединщиной было направлено несколько тысяч красногвардейцев. 14 декабря полторатысячный отряд во главе с Г. К. Петровым выехал из Рязани в Воронеж для действий против Каледина<sup>38</sup>.

Значительный вклад в дело победы над Калединым внесли рабочие тульских военных заводов. Тула стала

тем военным арсеналом, из которого советское командование в основном черпало оружие и боеприпасы для вооружения отрядов и военных операций против контрреволюции.

Воронеж стал важной опорной базой для военных операций против Каледина на севере. Сюда прибывали красногвардейские отряды, посылаемые штабом МВО из Нижнего Новгорода, Рязани, Тамбова, Козлова и других городов.

Большевики Воронежа и городской ВРК во главе с коммунистом А. С. Моисеевым мобилизовали местные силы на борьбу с Каледипым. В декабре 1917 г. стали усиленно формироваться красногвардейские отряды воронежских рабочих. Командующим всеми войсками гарнизона был назначен А. С. Моисеев. Пытавшиеся прорваться на Дон казачьи эшелоны разоружались красногвардейцами и революционными солдатами Воронежа. Среди казаков велась активная революционная пропаганда, они снабжались агитационной литературой<sup>39</sup>.

17 декабря Воронежский Совет по рекомендации В. А. Антонова-Овсеенко объявил губернию на военном положении<sup>40</sup>. 20 декабря в Воронеже общим собранием представителей гарнизона города и ВРК командующим 1-й Южной революционной армией был избран Г. К. Петров. Начальником полевого штаба стал А. С. Моисеев, а заместителем — А. Л. Сахаров<sup>41</sup>. Созданная армия и ее штаб в оперативном отношении были подчинены В. А. Антонову-Овсеенко, а в административно-хозяйственном — штабу МВО.

В конце декабря из Воронежа на калединский фронт был отправлен многочисленный отряд под командованием большевика Н. К. Шалаева, сформированный в основном из солдат 5-го пулеметного полка и рабочих города<sup>42</sup>. Царицынский Совет, осудив антисоветские действия атамана Каледина, признал «объявление угольного района Области войска Донского на военном положении актом насильническим и контрреволюционным» и заявил, что будет бороться всеми имеющимися у него средствами против врагов революции. Царицынская большевистская организация во главе с С. К. Мининым развернула огромную работу по мобилизации пролетариата города на борьбу с Калединым. Большую роль в этом играли железнодорожники Царицына, которые сп-

стематически срывали переброску калединских войск с верхнего Дона на юг<sup>43</sup>. В казачьих эшелонах, проходивших через Царицын, большевики проводили агитацию. Неоднократно перед казаками выступал секретарь Царицынского комитета РСДРП(б) С. К. Минин<sup>44</sup>.

Угроза нашествия войск мятежников на Царицын ускорила формирование красногвардейских отрядов для вооруженной борьбы с Калединым. На многочисленных митингах и собраниях пролетариат Царицына требовал объявить беспощадную борьбу Каледину. Рабочие оружейного завода на собрании 18 декабря вынесли резолюцию: «Мы, рабочие, решили... встать как один человек на защиту нашего красного города Царицына от контрреволюционных сил Каледина и его приспешников, и мы не бросим своего оружия из рук и не отступим ни на шаг, пока не сметем всех контрреволюционеров...»<sup>45</sup> Аналогичные резолюции выносили и другие предприятия Царицына.

19 декабря Царицынский исполком в целях координации действий против Каледина утвердил особый военный орган — штаб обороны города во главе с С. К. Мининым. Главными функциями штаба были организация и руководство отрядами Красной гвардии и революционными воинскими частями, снабжение их оружием, наблюдение за вооруженными силами Царицынского района, соседних округов Донской области, а также за воинскими эшелонами, проходящими через Царицын с фронта, боевая оборона Царицына и близлежащих Советов и комитетов<sup>46</sup>. По существу это был не городской штаб, а штаб всего Восточного фронта, действовавшего против Каледина, ибо сюда стягивался ряд красногвардейских отрядов из других городов Поволжья. В конце декабря в распоряжении штаба находилось до 2500 красногвардейцев и около 1 тыс. революционно настроенных солдат. По заданию штаба обороны отряд большевика И. В. Тулака выезжал на борьбу с калединцами в район станции Котельниково. 23 декабря между царицынским и воронежским штабами С. К. Минина и Г. К. Петрова была установлена связь для координации операций против мятежников. Царицынским большевикам была передана директива из центра о работе среди солдат 39-й дивизии, расквартированной в северных частях Ставропольской губернии и Кубанской области, с указанием,

что «она при некоторой пропаганде будет нашей стороны»<sup>47</sup>.

Большевики Царицына вели агитацию на верхнем и среднем Дону, в станицах и хуторах, расположенных вблизи города и особенно на линиях Царицын — Поворино, Царицын — Калач и Царицын — Котельниково. Широкое распространение в этих местах получила царицынская большевистская газета «Борьба» и многочисленные листовки. Казаки — делегаты из некоторых казачьих частей приезжали за помощью в Царицынский Совет и просили присоединить их к гарнизону города. 29 декабря при Совете была организована казачья секция, в которую вошли представители казачьих полков и станиц северо-восточных округов Дона. В задачи казачьей секции входила организация помощи Царицынскому Совету в борьбе с Калединым и содействии в установлении Советской власти в станицах и хуторах, прилегающих к Царицыну. Создание казачьей секции при Совете значительно усилило влияние рабочего класса и его партии на трудовые массы верхнего и среднего Дона, что способствовало расслоению казачества. В середине января 1918 г. штабом обороны совместно с казачьей секцией был сформирован Социалистический казачий летучий отряд. Затем был создан Суровикинский революционный казачий отряд и ряд других формирований<sup>48</sup>.

Саратовский исполком в помощь Царицыну послал отряд в 250 пулеметчиков с 40 пулеметами и одной артиллерийской батареей. 13 декабря общее собрание солдат 138-го пехотного полка в Николаевске постановило выделить отряд в помощь красному Царицыну для борьбы с Калединым и избрало командиром полка В. И. Чапаева. 18 декабря Балашовский исполком решил создать в кратчайший срок отряд для борьбы с Калединым и направить его в распоряжение Воронежского ВРК, а также просить Петроград о присылке 1500—2000 винтовок. Вскоре в Царицын прибыли красногвардейские отряды из Аткарска, Балашова и других мест губернии<sup>49</sup>.

7 января 1918 г. исполком Саратовского Совета обратился к трудящимся с призывом вступить добровольцами в боевой отряд против Каледина. Военная секция при Саратовском Совете разработала план наступления на калединцев по линиям Царицын — Лихая с востока и Тихорецкая — Ростов с юга. В Харьков к В. А. Антонову-

Овсепенко был послан секретарь военной секции Б. Молдавский, а в штаб 39-й дивизии в Тихорецкую — солдат Максимов. Как свидетельствует председатель Саратовского исполкома В. П. Антонов-Саратовский, В. А. Антопов-Овсепенко заинтересовался планом и прислал в Саратов до 10 тыс. винтовок и свыше 300 тыс. патронов; 39-я дивизия также приняла вышеназванный план. Антопов-Овсепенко в своих воспоминаниях подтверждает это и пишет, что он просил Саратовский ревком содействовать прочистке пути к Царицыну<sup>50</sup>.

10 января исполком Саратовского Совета, объявив о создании революционной армии из рабочих, солдат и крестьян для борьбы с Калединым, создал штаб «Восточной армии» из 9 человек, назначил командующего, а также отпустил на ее нужды 200 тыс. руб.<sup>51</sup>

На южной границе Дона располагались революционные части 39-й дивизии, прибывшие на Кубань и Ставрополье в середине ноября 1917 г., 156-й Елизаветпольский полк в селе Воронцово-Николаевском при станции Торговой, 154-й Дербентский полк в селах Песчанокоском и Богородицком, 153-й Бакинский полк в селе Белая Глина и 155-й Кубинский полк на станции Гулькевичи. Отдельные батальоны Бакинского и Кубинского полков, а также штаб 39-й дивизии были расквартированы на станции Тихорецкой. Численность 39-й пехотной дивизии вместе с приданной ей артиллерийской бригадой достигала 15 тыс. человек<sup>52</sup>. Дивизия, занявшая Тихорецкую — крупный железнодорожный узел на Северном Кавказе, отрезала донскую контрреволюцию от кубанской. Наличие 156-го Елизаветпольского полка на станции Торговой прерывало связь восточных районов Дона с остальной областью. Опираясь на части 39-й дивизии, рабочие 10 января 1918 г. установили Советскую власть в Тихорецкой.

В борьбу с калединым мятежом активно включились трудящиеся Украины, в особенности Екатеринославской и Харьковской губерний. 5 декабря Екатеринославский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в своем обращении призвал трудящихся края подняться на решительную борьбу с каледино-корниловской контрреволюцией. В тот же день Юзовский Совет рабочих и солдатских депутатов в принятой резолюции записал, что он «поддержит, если окажется необ-

ходимым, даже с оружием в руках, рабочих Донской области в их борьбе с Калединым». 14 декабря рабочие угольного и ртутного рудников станции Никитовка на митинге заявили, что «борьба с калединцами является очередной задачей всех рабочих, солдат и крестьян, ибо господство Каледина несет с собой гибель революции, гнет капиталистов и помещиков». Аналогичные резолюции принимались и в других местах Екатеринославской губернии. 19 декабря по предложению большевиков пленум Екатеринославского Совета постановил объявить город военно-революционной базой мобилизации рабоче-крестьянских сил для борьбы с контрреволюцией на Дону<sup>53</sup>.

В Харькове — крупнейшем пролетарском центре Украины 12 декабря 5-тысячный митинг рабочих паровозостроительного завода принял резолюцию в поддержку Совнаркома и призвал к борьбе с калединской авантюрой. Еще ранее аналогичную резолюцию вынесла солдатская секция Харьковского гарнизона<sup>54</sup>.

10 декабря газета «Донецкий пролетарий» — орган обкома Донецкого и Криворожского бассейнов и Харьковского комитета РСДРП(б) — в воззвании к трудящимся разоблачала контрреволюционную сущность Украинской рады, которая состояла в сговоре с Калединым и раскалывала единый революционный фронт на национальные части. Обращаясь к украинским трудящимся, газета писала: «Победа Каледина в Ростове и Нахичеване грозит всей революционной России, а не только «Московии», ибо Каледин не только защитник богатого казачества — это ставленник всероссийской буржуазии и крепостничества». Защита завоеваний революции от посягательства кадетов и калединцев, продолжала газета, является делом всех трудящихся, независимо от национальности; победа Советской власти на Украине невозможна, если в других областях России восторжествует калединско-корниловская контрреволюция.

4 декабря в Никитовке был созван съезд ревкомов Донбасса. На съезде были представлены Горловско-Щербиновский, Юзовский, Макеевский, Дружковский, Константиновский, Краматорский, Ханженково-Харцызский, Чистяковский, Луганский, Марьевский и Иловый ревкомы. Съезд разрабатывает мероприятия по обороне Донбасса до прихода помощи со стороны советских

войск, о массовой организации красногвардейских отрядов, вооружении, создании единого руководства деятельностью местных ревкомов и Красной гвардией бассейна. В бюро военно-революционных комитетов Донбасса вошли большевики Ш. Грузман, В. Хильков, Д. Пономарев, Т. Харечко, С. Сырцов. Затем Сырцова заменил Е. Трифонов — комиссар Петроградского отряда Красной гвардии<sup>55</sup>.

В конце декабря из красногвардейских отрядов Горловско-Щербиновского района, Юзовки, Макеевки и Енакиево был сформирован Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк в количестве 2 тыс. человек под командованием Д. П. Жлобы, который отправился на фронт под Ханженково<sup>56</sup>. На борьбу против Каледина уходили все новые и новые отряды рабочих Донбасса<sup>57</sup>.

11—12 декабря в Харькове состоялся I Всеукраинский съезд Советов, который низложил Центральную раду и провозгласил Украину советской республикой. Съезд избрал ЦИК Советов Украины, который сформировал первое советское правительство украинского народа. В резолюциях съезда по текущему моменту, об организации власти на Украине, о самоопределении Украины и о Донецко-Криворожском бассейне было уделено значительное внимание калединскому мятежу. Калединское движение рассматривалось как контрреволюционное восстание, организованное всей русской буржуазией при поддержке мелкобуржуазных кругов Украины для свержения власти Советов. Съезд призывал поддержать политику СНК, «ведущего решительную борьбу против буржуазной контрреволюции во всех ее проявлениях»<sup>58</sup>.

Большевики Украины, выполняя свой интернациональный долг, делали все возможное, чтобы поднять украинских трудящихся на борьбу с Калединым.

Советские войска, руководимые В. А. Антоновым-Овсеенко, в двадцатых числах декабря вступили в Донбасс. 19 декабря главком на юге России В. А. Антонов-Овсеенко от имени СНК и ЦИК Советов Украины, обращаясь к населению Донбасса, заявил: «Революционный порядок будет установлен в Донецком бассейне решительной и твердой рукой. Калединцев и их пособников объявляю вне закона. Всем казачьим отрядам предписываю немедленно оставить рудники и вернуться на Дон»<sup>59</sup>. До све-



дения контрреволюционеров доводилось, что неисполнение приказа повлечет применение самых крайних мер против мятежников.

Вступление советских войск в Донбасс сыграло большую роль в вооружении красногвардейских отрядов шахтеров, которые испытывали острую нехватку оружия. Только Москва в декабре отправила для пролетариата Донбасса 70 тыс. винтовок. 19 декабря Антонов-Овсеенко сообщил СНК, что рабочим Донбасса уже отправлено 10 тыс. винтовок и столько же идет с отрядом Сиверса<sup>60</sup>. Одновременно главком, прося у него подкрепления, писал: «5000 человек еще, и мы бы легко взяли Полтаву и Ростов». 20 декабря В. И. Ленин предписал наркому по военным делам Н. И. Подвойскому ассигновать В. А. Антонову-Овсеенко 5 млн. руб. «для содержания войск, действующих против Каледина»<sup>61</sup>.

24 декабря группа советских войск численностью до 2 тыс. пехоты, 400 кавалеристов при 6 орудиях и 40 пулеметах под командованием Р. Ф. Сиверса, наступавшая на Ростов, вступила в Никитовку. Здесь к ней присоединилось до 2 тыс. местных красногвардейцев-шахтеров, среди которых были и отряды, отступившие с Дона. Антонов-Овсеенко сообщил В. И. Ленину, что вооружение рабочих пошло успешнее, роздано до 25 тыс. винтовок<sup>62</sup>. Одновременно другая группа советских войск, действовавшая в Донбассе под командованием Ю. В. Саблина, численностью до 700 солдат, 400 московских красногвардейцев и до 1 тыс. человек местной Красной гвардии, наступавшая на Дон с запада в направлении станций Зверево и Лихой, заняла Родаково и продвинулась до Дебальцево. Таким образом, две группировки советских войск, действовавшие в Донбассе, к 25 декабря вышли к границам Области войска Донского. Передовые отряды Сиверса перешли границу Донской области и вступили в бой с белоказаками в районе станции Мушкетово. На севере отряды Г. К. Петрова перешли границу области и заняли станцию Чертково. Антонов-Овсеенко довольно реально оценивал силы и возможности в борьбе с Калединым. В докладе Совнаркому 25 декабря он писал: «Сил мало, чтобы двинуть прямо в гости к Каледину. Царицын не может действовать — слаб. Тихорецкая и Кавказ — молчат»<sup>63</sup>.

24 декабря в Харькове В. А. Антоновым-Овсеенко был

сформирован полевой штаб Южно-русского революционного фронта по борьбе с контрреволюцией. Начальником штаба был назначен Муравьев, его заместителями — Медведев и Петровский<sup>64</sup>.

В связи с плохой боеспособностью воинских частей старой армии, которые прислала Ставка, а также ввиду слабого подхода подкреплений Антонов-Овсеенко придавал большое значение формированию революционных отрядов. Он обращается к Севастопольскому большевистскому ВРК с просьбой оказать содействие А. В. Мокроусову в организации отряда моряков для борьбы с Калединым. Одновременно он командует П. Пурвина в Петроград в морское ведомство и Центробалт для организации отряда в 2 тыс. матросов для борьбы с Калединым и вызова на фронт двух полков латышских стрелков. В специально выданном удостоверении главком просил оказывать Пурвину всяческое содействие<sup>65</sup>. В Петрограде П. Пурвин, вероятно, был принят В. И. Лениным, который на его удостоверении написал: «Считаю очень важным это дело и очень прошу принять энергичные меры, чтобы исполнить просьбу товарища»<sup>66</sup>.

Группа советских войск под руководством Р. Ф. Сиверса, несмотря на малочисленность, вступила на территорию Дона, чтобы оказать немедленную помощь донецким рабочим, изнемогавшим в неравной борьбе с мятежниками. Антонов-Овсеенко отмечал, что «столкновения рабочих с казаками принудили Сиверса идти на поддержку рабочим»<sup>67</sup>. Вначале наступление войск Сиверса проходило успешно. Калединцы были выбиты из Макеевки, и передовые революционные части подходили к Иловайской. На освобожденной территории началось энергичное вооружение рабочих. На каждом руднике организовывались и вооружались красногвардейские отряды. Но силы были явно неравны. В последних числах декабря калединцы под командованием генерала Балабина перешли в контр наступление и довольно легко вытеснили войска Р. Ф. Сиверса с территории области. А белобандитский отряд Чернецова перешел границу области и внезапным налетом разгромил красногвардейцев на станции Дебальцево, учинив зверскую расправу над ними<sup>68</sup>. Хотя и существовал приказ Каледина «ни в коем случае не переходить границ своей области и не вмешиваться в жизнь других частей России...»<sup>69</sup>, предводители мятеж-

ников прекрасно понимали, что он предназначался рядовым, и действовали по своему усмотрению.

Причины неудачи декабрьского наступления советских войск против Каледина со всей ясностью вскрыты в партийных, советских и военных документах того периода, а также в высказываниях советских военачальников. В своем донесении Антонову-Овсеенко Р. Ф. Сиверс указывал, что части старой армии, присланные Ставкой, не боеспособны (они отказывались идти в бой, уезжали обратно), и даже просил разоружить эти эшелоны. Оценивая сложившуюся обстановку в связи с уходом пехотных частей, Сиверс писал: «Положение создается критическое и при дальнейшем подобном поведении мы останемся у разбитого корыта». О красногвардейцах Р. Ф. Сиверс писал: «В общем ведут себя геройски, но... имеют, увы, ничтожную организацию для ведения полевой войны»<sup>70</sup>. Нужно подчеркнуть то обстоятельство, что в начавшейся гражданской войне старая армия не хотела участвовать. Такое положение было не только в группировке Р. Ф. Сиверса, но и у Ю. В. Саблина и Г. К. Петрова. Многочисленные воинские гарнизоны Воронежа и Царицына трудно было поднять на борьбу с контрреволюцией. Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко в статье «Смерть старой армии» писал, что части старой армии «оказались непригодными и небоеспособными и для гражданской войны», и отмечал, что эта армия «была достаточно сильна, чтобы остановить войну и в революционном порыве привести в полное расстройство прежний военный механизм; она была способна на героические порывы, какие проявили части румынской армии (Румынского фронта. — Ю. К.) в борьбе за самосохранение против реакционных поползновений Щербачева; но она не смогла дать устойчивых кадров даже тогда, когда ее вызывали с фронта для борьбы на Дону с Калединым...»<sup>71</sup>.

Соответственно в докладе делегации партийных, советских и профсоюзных организаций Донбасса в СНК отмечалась другая причина поражения: слабая боеспособность красногвардейцев, не умевших хорошо владеть оружием, и отсутствие у них опытных командиров. Кроме того, подчеркивалось, что «крупные центры, как Харьков, Екатеринослав и другие, прийти на помощь окраинам вооруженными силами не могут, так как они едва управляют со своими собственными неурядицами. По-

сылаемые небольшие отряды существенной пользы принести не могут, так как по пути их разоружают войска Центральной рады, и они оказываются совершенно бессильными против казачества»<sup>72</sup>. В докладе делался вывод, что единственным выходом для успешной борьбы с каледи́нцами является помощь Петрограда и Москвы крупными силами.

Советское командование, партийные и советские организации Донбасса, вскрыв причины, сорвавшие наступление, быстро и энергично принялись за их устранение. Большое внимание при этом было уделено организации красногвардейских отрядов, поднятию их боеспособности и созданию единого руководящего центра Красной гвардии Донбасса. В январе штаб Р. Ф. Сиверса издал приказ о порядке формирования, обучения и проведения операций Красной гвардией Донбасса, в котором было отмечено, что массовое вооружение рабочих еще не решает успех дела, и говорилось, что главное на войне — это боеспособность. В приказе подчеркивалось, что «не в количестве сила, а в качестве»<sup>73</sup>. 5 января 1918 г. Центральное бюро Военно-революционных комитетов Донбасса признало «необходимым поставить на прочную основу все дело формирования Красной гвардии и руководство ею». Был образован Центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна из представителей Петроградского, Московского и местных красногвардейских отрядов, его начальником назначен большевик Д. И. Попомарев<sup>74</sup>. Это мероприятие сыграло важную роль в деле создания в Донбассе революционных вооруженных сил.

Большая работа проводилась и штабом главкома по реорганизации Красной гвардии и некоторых воинских частей. В войсках была усилена агитработа. На крупные станции, на узлы связи были посланы специальные комиссары. К линии фронта подтягивались тылы. Не последнее место в этом деле занимало перебазирование 11 января штаба В. А. Антонова-Овсеенко из Харькова в Никитовку<sup>75</sup>, что значительно приблизило руководство к войскам, сделав его более оперативным. В начале января фронт получил значительные подкрепления. 2 января в Никитовку прибыл 2-й Петроградский отряд Красной гвардии под командованием Е. А. Трифонова численностью 1 тыс. человек, а в Дебальцево — Харьковский красногвардейский отряд М. Л. Рухимовича в 500 человек<sup>76</sup>.

К концу первой декады января численность советских войск, действовавших против Каледина, резко возросла. В группировках, действовавших с запада и севера, насчитывалось к этому времени: у Р. Ф. Сиверса — 6200 бойцов, из них 600 кавалеристов, 700 солдат, 900 петроградских и 4000 местных красногвардейцев при 18 орудиях; у Ю. В. Саблина — 7400—7450 бойцов, из них 300—350 кавалеристов, 2100 пришлых и до 5000 местной Красной гвардии при 22 орудиях; у Г. К. Петрова — 2500 пехоты при 12 орудиях<sup>77</sup>. Таким образом, советские войска В. А. Антонова-Овсеенко только трех группировок, действовавших против Каледина, насчитывали более 16 тыс. штыков и 52 орудия. Штаб Антонова-Овсеенко координирует совместные операции своих войск с отдаленными фронтами на востоке и на юге. Отчитываясь о военных операциях против Каледина за первую декаду января, В. А. Антонов-Овсеенко сообщил Совнаркому: «Найдена связь с Кавказским фронтом и Ставропольской губернией, Саратовом и т. д. Выработан общий план наступления»<sup>78</sup>.

Переформировав свои силы и получив новые подкрепления, группа войск Р. Ф. Сиверса после относительного затишья на фронте в конце первой декады января снова вступила на территорию Дона, заняв Макеевку, Харцызск, Иловайскую, Кутейшиково, Успенскую. Одновременно Ю. В. Саблин начинает наступление по железной дороге на Звереву и Лихую, а отряды Г. К. Петрова продвигаются из Чертково на Миллерово<sup>79</sup>.

### **Отпор трудящихся Дона контрреволюции в декабре 1917 г.**

2 декабря калединцы, захватив Ростов, силой оружия подавили восстание пролетариата. В городе происходили расстрелы и аресты, громились помещения рабочих организаций, на территории заводов и фабрик, а также в здание Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов были введены казаки. Однако насилие не сломало волю рабочих к сопротивлению. Вооруженная борьба заменялась другими формами борьбы. Общие собрания рабочих выносили гневные протесты ненавистному калединскому режиму. 4 декабря собрание Глав-

ных мастерских Владикавказской железной дороги потребовало вывода калединских войск из города и прекращения массовых обысков, угрожая в случае неудовлетворения требований прекратить работу. Рабочие заводов «Аксай», «Штамп», «Лели и К<sup>о</sup>», гвоздильного Максимова, фабрик Асмолова, мебельных, мельницы Парамонова, трамвайного депо и ряда других предприятий Ростова требовали, угрожая забастовкой, удалить казаков и юнкеров из заводских помещений, вывести казаков из здания Совета, освободить арестованных. Даже Ростовская и Нахичеванская соглашательские городские думы вынуждены были выступить с протестом против «крайностей» казаков и юнкеров<sup>1</sup>.

Предав ростовский пролетариат в дни боев с калединцами, соглашательские партии продолжали свою раскольническую деятельность в рядах рабочего класса. Воспользовавшись тем, что руководители ростовской большевистской организации С. И. Сырцов, М. П. Жаков, С. Ф. Васильченко и другие вынуждены были или покинуть Дон, или уйти в подполье, а также тем, что многие большевики были арестованы и брошены в тюрьмы, меньшевики захватили руководство в Ростово-Нахичеванском Совете. Соглашатели, меньшевики и правые эсеры, с разрешения калединских властей организовали в Ростове траурную демонстрацию под лозунгами: «Долой авантюристов обоих лагерей, по вине которых пролилась рабочая кровь!», «Да здравствует Учредительное собрание!» В. И. Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании», касаясь последнего лозунга в связи с развязанной всероссийской контрреволюцией гражданской войной, заметил, что «такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»<sup>2</sup>. Этими пособниками контрреволюции и были меньшевики и правые эсеры.

Вместе с трудящимися Ростова на борьбу против калединского режима поднимался пролетариат области. В середине декабря рабочие Таганрога провели ряд митингов, на которых требовали снятия военного положения. В знак протеста против убийства председателя Бокково-Хрустальского Совета Н. В. Переверзева забастовали горняки 50 рудников района. Под руководством большевистского подполья вспыхнула забастовка горняков на Парамоновском и Петропавловском рудниках Александровск-Грушевского. Шахтеры заявили войско-

вому правительству, что до тех пор не приступят к работе, пока не освободят арестованных товарищей. Вскоре к забастовке присоединились и другие рудники этого района<sup>3</sup>. Горняки послали в СНК делегацию, которая, рассказав о положении на рудниках, попросила совета и помощи. На запрос делегатов: «Оставлять ли сейчас рудники и уезжать в центральную Россию» — В. И. Ленин посоветовал: «Не уезжать и продолжать работать, пока возможно будет держаться». В принятой резолюции по данному вопросу Совнарком рекомендовал «...предложить рабочим Александро-Грушевского района войти в связь с Харьковом для вооружения Красной гвардии. Просить товарищей держаться, сколько хватит сил, до последней крайности, и не бросать работы»<sup>4</sup>. 15 декабря под давлением горняков Александровск-Грушевского калединцы вынуждены были выпустить часть арестованных, и стачка прекратилась<sup>5</sup>.

Капиталисты предпринимали любые меры, чтобы сломить волю рабочего класса к сопротивлению. Одни закрывали предприятия под предлогом нехватки сырья, топлива и отсутствия заказов, другие проводили частичные локауты, увольняли наиболее революционно настроенных рабочих, запугивая работающих. Тысячи рабочих Дона были выброшены на улицу. Такая форма классовой борьбы донской буржуазии против пролетариата была не чем иным, как экономической контрреволюцией. Характерно в этом отношении поведение Н. Парамонова, владельца многих шахт, предприятий, пароходов и т. д., который соглашался возобновить работу на его руднике в Александровск-Грушевском только на условии 12-часового рабочего дня, удаления всех тех, «кто мешал работе рудника, и также, кто был причастен к Красной гвардии»<sup>6</sup>.

Большевики, ушедшие в подполье, создали городской нелегальный комитет РСДРП(б) в составе С. Дунаевского, Г. Фадеева, А. Орлова, Я. Антонова, В. Ботвинова, В. Торского, М. Власова, Симоновой и Н. Торской. По решению подпольного горкома в Ростове было создано два районных комитета: на Темернике во главе с Ф. Зявкиным и в Нахичеване под председательством М. Колонтаенко. Подпольный горком РСДРП(б) постепенно установил связи с партячейками Главных Владикавказских железнодорожных мастерских, фабрики Асмолова, гор-

трамвая и других предприятий города. На ряде фабрик и заводов создавались новые партячейки. Так, подпольщиками была организована партячейка даже при ростовской тюрьме<sup>7</sup>.

Большую работу развернул Темерницкий подпольный комитет, в состав которого вошли Ф. Зявкин, И. Реук, Л. Соловьев, Е. Сидин, Я. Антонов, Басов. Подпольщики установили связь с советскими войсками Р. Ф. Сиверса в Никитовке и Г. К. Петрова у Чертково, куда специально были командированы члены комитета Зявкин, Реук, Соловьев и Басов. В дальнейшем связь с советским командованием поддерживалась через специально выделенных связных, которые доставляли в штаб ценные военные сведения. Ростовский подпольный комитет РСДРП(б) поддерживал регулярную связь с Царицыном, Воронежем, Грозным, с большевиками Кубани<sup>8</sup>. Большевики-подпольщики занимались и диверсионными актами: портили паровозы, вагоны и железнодорожные пути, разрушали мосты и т. д. Огромную агитационную работу проводили большевики среди рабочих города, выступая на митингах и собраниях, распространяя листовки<sup>9</sup>.

Налаживалась работа большевистских партийных организаций, ушедших в подполье в Таганроге, Новочеркасске, шахтерских районах Дона. Так, 15 декабря нелегальное собрание макеевских коммунистов, на котором присутствовало около 300 человек, единогласно постановило: «Не допускать торжества контрреволюции и бороться до последней капли крови»<sup>10</sup>.

Особо следует остановиться на деятельности большевиков в Советах Дона, которые, несмотря на систематическую травлю и погромы со стороны калединцев, продолжали действовать. 9 декабря, впервые после захвата города мятежниками, состоялось заседание Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов, однако, как уже отмечалось, верховодили здесь соглашатели. 30 декабря на заседании Ростовского Совета меньшевики навязали довыборы в исполком пропорционально численности фракций. В результате этой махинации меньшевики получили в исполкоме 11 мест, большевики — 9, эсеры — 5 (правые и левые). Председателем исполкома стал меньшевик М. Б. Смирнов, товарищем председателя — большевик Г. П. Фадеев-Васильев<sup>11</sup>. Большевики города широко использовали Ростовский Совет как три-



буну для легальной политической пропаганды в разоблачении мятежников и их соглашательских приспешников и мобилизации пролетариата под советскими лозунгами. М. П. Жаков писал, что такая деятельность ростовских коммунистов в Совете дала «возможность нелегальной большевистской фракции восстановить организацию и развивать подпольную работу». Это подтверждал и депутат Ростовского Совета большевик В. М. Ботвинов<sup>12</sup>.

5 января состоялось заседание Ростово-Нахичеванского Совета, которое прошло весьма бурно. Меньшевики предложили признать краевую власть в лице объединенного правительства и приветствовать его будущую работу. Большевики в своих выступлениях отвергли объединенную власть и предложили признать только ту власть, которая будет установлена в Воронеже съездом Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Донской области. Однако соглашатели протащили резолюцию, в которой краевой властью признавалось объединенное правительство. При голосовании большевистского предложения о посылке делегатов на воронежский съезд голоса членов Совета разделились поровну. Фракция большевиков заявила, что она независимо от этого пошлет своих представителей в Воронеж<sup>13</sup>.

Аналогичное положение сложилось и в Таганрогском Совете, где также преобладали меньшевики и эсеры. Большевистская фракция предложила признать власть СНК и приветствовать приближение советских войск, но такая резолюция была отвергнута соглашательским большинством, требовавшим прекращения гражданской войны<sup>14</sup>. В Новочеркасском Совете соглашательское руководство, потеряв доверие депутатов, настаивавших на перевыборах Совета, встало на путь саботажа, отказавшись созывать очередные заседания. 30 декабря группа большевистски настроенных членов Совета, явившись на заседание, приняла резолюцию, осуждавшую президиум Совета «за его бездеятельность» и неспособность «к живой плодотворной и революционной борьбе», и потребовала перевыборов Совета. К середине января влияние коммунистов и левых эсеров в Новочеркасском Совете настолько выросло, что он стал принимать большевистские резолюции. Соглашательский президиум вынужден был сложить свои полномочия<sup>15</sup>.

В декабре — начале января на Дону в Таганрогском и Ростовском округах разгорелось крестьянское движение, направленное на ликвидацию помещичьего землевладения. 11—13 декабря крестьяне деревни Кошкино и трех других, расположенных на реке Миус в 15 километрах от Таганрога, разгромили помещичье имение Реми. Особенно мощное движение развернулось в Сарматской и Мыс-Добровеньской волостях Таганрогского округа, где крестьяне разгромили и сожгли имения Бокова, Платонова, Кутейникова, Хазцова и других помещиков<sup>16</sup>. 4 января 1918 г. начальник милиции Таганрогского округа в телеграмме Каледину жаловался, что «грабежи имений приняли хронический характер»<sup>17</sup>. В начале января в Ростовском округе крестьянами были разгромлены имения Куксы, Мочалина и Садомцевой, где было изъято много помещичьего хлеба. Газета «Приазовский край» только в первой половине января сообщила о разгроме и захвате крестьянами имений Боголюбова, Шалавина, Хазизова, Харина, Миноса и ряда других. Наряду с захватами помещичьих земель крестьяне практиковали и другие формы борьбы. Так, крестьяне поселка Глебовского отказались вносить очередные платежи в Крестьянский банк за купленные у помещиков земли<sup>18</sup>. В ряде мест на Дону крестьяне стали выставлять политические требования. Так, общее собрание граждан Тростянской волости 20 декабря выразило «доверие и всеместную поддержку Народным Комиссарам и Совету солдатских, казачьих, рабочих и крестьянских депутатов» и «недоверие и презрение атаману Каледину за преступный заговор и явное сопротивление народной власти»<sup>19</sup>.

Характерным для настроения донского крестьянства явилось поведение делегатов областного крестьянского съезда Советов, проходившего 27—28 декабря в Ростове. Съезд проходил бурно, в особенности при обсуждении вопроса об отношении к Совнаркому. Часть делегатов с мест, возмущенная насилиями калединцев, потребовала признать власть СНК. В результате голосования съезд признал власть СНК, о чем С. И. Сырцов доложил В. И. Ленину<sup>20</sup>. Только в результате шантажа правых эсеров, которые грозились покинуть съезд, вопрос об отношении к СНК остался открытым<sup>21</sup>.

11 января В. И. Ленин, выступая с докладом о деятельности СНК на III Всероссийском съезде Советов,

заявил: «Крестьянский съезд воочию показал, что дело Каледина — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Советской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри»<sup>22</sup>.

Трудовое крестьянство Дона переходило на сторону Советской власти. В крестьянской массе усиливалось большевистское влияние. Фронтное казачество, которое вместе с рабочими и крестьянами в течение трех лет пролило кровь на фронтах империалистической войны, отказывалось быть слепым орудием генерала Каледина. Огромное воздействие на казачьи фронтные части оказал ленинский Декрет о мире. Он предоставил казакам-фронтам возможность вернуться к родным очагам, к мирному труду, а Каледина втянул их в новую войну против трудящихся Советской России. Эта авантюра превращала Донскую область в арену гражданской войны, несла гибель ее участникам и разорение казачьим хозяйствам. Казаки-фронтники понимали, что войсковое правительство, не пропуская на север уголь и хлеб, желает свергнуть всю страну «в холод и голод», остановить промышленность и транспорт, что, по их мнению, «заставит двинуться голодную часть России на Дон и расчистить пути для свободного пропуска необходимых предметов»<sup>23</sup>. Фронтное казачество было недовольно также тем, что войсковое правительство предоставило убежище в Новочеркасске белогвардейскому отребью, вышвырнутому пролетарской революцией из центра России. Некоторые казачьи полки, расположенные в Донецком округе на Чертковском фронте, требовали от Каледина «расформирования этих добровольческих банд с выселением участников их, не уроженцев Дона, за пределы области»<sup>24</sup>.

В середине декабря калединские генералы Попов и Толкушкин пытались осуществить провокацию на Чертковском направлении: хотели сорвать перемирие, заключенное 17-м Советским стрелковым полком с казачьими частями 8-й дивизии. На станции Глубокой в вагоны обманном путем был посажен 44-й казачий полк и направлен к позициям советских войск в Чертково. Но казаки быстро раскрыли контрреволюционный замысел своих командиров и на ходу поезда повыскакивали из вагонов. Провокационный замысел сорвался<sup>25</sup>.

16 декабря в Миллерово вопреки запрету казаками-фронтовиками было организовано собрание, на котором «впервые резко был поставлен вопрос об отношении к войсковому правительству»<sup>26</sup>.

Настроение казаков чутко улавливала Коммунистическая партия. Мобилизацию революционных сил против мятежников она сочетала с огромной агитационной работой среди трудового казачества. Партийные, советские и военные революционные органы уделяли разъяснительной деятельности среди обманутых казаков большое внимание, предпочитая «бороться более словами и литературой, чем пушками»<sup>27</sup>. Значительную агитационную работу среди казачьих фронтовых частей развернул Донской областной ВРК, эвакуировавшийся после падения Ростова в Воронеж. Здесь он издавал газету «Известия областного Военно-революционного комитета Донской области».

В середине декабря на Чертковский фронт прибыл С. И. Сырцов, который положил конец пацифистскому братанию между солдатами и казаками и придал ему политическую направленность. В связи с этим переговоры с казаками приняли совершенно иной характер. Сырцов в своих воспоминаниях пишет: «Задачей переговоров мы себе поставили максимально быстрое разложение казаков-фронтовиков, внести в их среду максимум недоверия к войсковому правительству и внушить максимальное доверие к солдатам Советской России, убедив их в том, что никаких намерений воевать с трудовыми элементами казачества у нас нет, что единственное, что мы себе ставим, — это борьбу с войсковым правительством — оплотом реакции не только Донской области, но и всей России, борьбу с партизанскими белогвардейскими отрядами, сформированными на территории Донской области из офицеров и юнкеров, бежавших на Дон, — указывая на то, что в этой борьбе с войсковым правительством интересы Советской власти и трудовых элементов казачества несколько не враждебны, но даже, наоборот, сходятся»<sup>28</sup>.

Советское командование и большевики Дона в своих требованиях, переданных казачьим делегациям, ставили вопрос о беспрепятственном пропуске революционных войск для ликвидации войскового правительства в Новочеркасске. Эта акция могла быть также проведена «ру-

ками самих казаков», и тогда «советским войскам не будет никакого смысла и надобности продолжать дальнейшее продвижение». Данное предложение встретило сочувствие со стороны рядовых казаков, однако руководители делегаций проявили «официальную сдержанность и холодность». Большевикам удалось установить нелегальную связь с некоторыми революционно настроенными членами казачьих делегаций и снабдить их для распространения в воинских частях листовками Донского областного ВРК, постановлениями СНК и ВЦИК, казачьими декретами и материалами о ходе мирных переговоров с немцами<sup>29</sup>. Деятельность большевиков способствовала нарастанию антикалединских настроений в среде фронтового казачества. Не ограничиваясь переговорами с казачьими делегациями, руководство большевиков Дона вскоре распространило свою деятельность и на казачьи части, расположенные в Миллерово. Местная подпольная организация большевиков получила таким образом значительное подкрепление. Члены казачьих делегаций доложили в своих частях о результатах переговоров с советским командованием. В войсковое правительство от фронтовых казачьих частей, дислоцированных в Донецком округе, была послана делегация с требованием прекратить гражданскую войну, но фронтовики получили категорический отказ. В ответ они созывают казачий съезд в Миллерово<sup>30</sup>. Съезд-собрание дивизионного комитета 8-й дивизии, комитетов 35-го казачьего полка и других частей дивизии, дислоцированных в районе Шептуховка — Миллерово, Лихая — Глубокая, состоялся 20 декабря. На нем присутствовало более 300 членов комитетов и около ста «гостей» (приглашенные казаками-фронтовиками представители от советских войск во главе с С. И. Сырцовым и командиром 17-го стрелкового полка Зайцевым). На собрание из Новочеркаска срочно прибыл походный атаман генерал Назаров со своей свитой. Попытка Назарова начальственным окриком одернуть выступавших потерпела неудачу. Рядовые казаки резко критиковали деятельность Каледина, М. Богаевского, войскового правительства и закончившегося III большого войскового круга.

Решения миллеровского съезда, созванного по инициативе военных комитетов казачьих фронтовых частей 8-й дивизии, носили ярко выраженный антикалединский

характер и показали, что трудовое казачество не желает сражаться против трудящихся Советской России, за чуждые и непонятные ему интересы.

В резолюции говорилось о необходимости разоружения и роспуска по домам добровольческих отрядов белых и высылке всех неказаков за пределы области. Бурные прения вызвал вопрос о паритетности и пропорциональности представительства всех слоев населения в управлении Донской областью. После долгих споров большинство делегатов вынесло требование о краевом органе, созданном на основах пропорциональности. Казаки-фронтовики считали, что управлять Донской областью должен переизбранный войсковой круг совместно с Советами крестьянских и рабочих депутатов. С. И. Сырцов, касаясь платформы казаков-фронтовиков по вопросу власти на Дону, замечает, что «сложный вопрос о всенародных и классовых органах малодоступен казакам и определенного ответа не встречает». Анализируя политическую резолюцию и ряд требований, предъявленных миллеровским съездом войсковому правительству, он пишет, что они «отразили все колебания и изгибы политической мысли казачества, вот почему некоторые положения противоречат, другие недостаточно точно формулированы». Но, как справедливо замечает руководитель донских большевиков, «суть не в этих формулировках, а в факте: казачество перестало быть орудием генеральских мундиров и денежных тузов». После собрания к делегации советских войск подходили казаки и говорили: «Мы бы вас хоть сейчас пропустили в Новочеркасск и сами с вами пошли бы, да боязно, что по глупости других кровь прольется: не все казаки так, как мы, думают, много есть еще одурманенных Калединым»<sup>31</sup>.

21 декабря С. И. Сырцов телеграммой из Воронежа информировал СНК о положении на Дону: «Казачьи части, стоящие на Юго-Восточной ж. д. на линии Чертково -- Миллерово, отказались подчиняться приказам войскового правительства, разоружили отряды добровольцев-калединцев, переизбрали офицеров, потребовали у Новочеркаска освобождения политических. Перемирие с войсковым кругом расторгнуто, и теперь все сношения ведутся непосредственно с рядовым казачеством. Настроение рядовых казачьих частей нам благоприятствует. Считаю задержки их нецелесообразным»<sup>32</sup>.

В конце декабря на борьбу против калединско-корниловской контрреволюции кроме рабочего класса, руководимого большевиками, поднимается и трудовое крестьянство; в массах фронтового казачества назревает открытый конфликт с войсковым правительством. Донской областной ВРК, используя создавшуюся обстановку, решил созвать 7 января в Воронеже съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Донской области. Съезд должен был объединить движение рабочего класса, крестьянства и трудового казачества в единый революционный поток, направленный против донской и всероссийской контрреволюции. Консолидация всех антикалединских сил для решительного подавления контрреволюции на Дону и организации советского органа управления в крае — таковы были основные мотивы большевиков области в созыве съезда Советов в Воронеже.

24 декабря 1917 г. председатель областного ВРК Донской области С. И. Сырцов, информировав СНК о положении на Дону и созыве съезда Советов, попросил прислать представителей Советского правительства, ВЦИК, Петроградского Совета, а также сознательных казаков в Воронеж. В этот же день на заседании СНК И. В. Сталин сделал доклад о положении на Дону, по которому было принято постановление: «Принять участие в съезде трудового казачества, послав делегатов от СНК и от ВЦИК»<sup>33</sup>. Через несколько дней СНК предписал чрезвычайному комиссару на Украине Г. К. Орджоникидзе и командующему войсками, действующими против Каледина и его пособников, В. А. Антонову-Овсеенко выехать на воронежский съезд в качестве представителей Совета Народных Комиссаров<sup>34</sup>. Однако в силу сложившихся обстоятельств они не смогли выехать в Воронеж.

В последних числах декабря С. И. Сырцов информирует Советское правительство, что 10 января в Каменской казачьей части соберутся на съезд, «задачи которого резко оппозиционны войсковому правительству». Касаясь подготовки воронежского съезда, С. И. Сырцов замечает: «Абсолютной уверенности в успехе съезда у нас нет. Учесть все возможные препятствия трудно», однако если не удастся созвать съезд из-за отсутствия кворума, то «мы предложим слить оба съезда». Далее он просит командировать на съезд в Воронеж Я. М. Свердлова,

А. С. Бубнова и выделить для его проведения 30 тыс. руб., а также оказать помощь агитационным материалом. Одновременно в телеграмме подчеркивалось, что специфика Дона вынуждает большевиков «считаться с... предрассудками, которые десятилетиями культивировали в казачестве»<sup>35</sup>. Итак, телеграмма ясно показывает, что большевики реально оценивали трудности созыва съезда за пределами Донской области. Поэтому на случай приезда малого числа делегатов они рассчитывали объединить оба съезда. Такое мероприятие в тех условиях означало усиление большевистского влияния на казаков-фронтников, чья оппозиционность по отношению к калединскому режиму ограничивалась пока словесными протестами. Большевики старались проводить по отношению к трудовому казачеству гибкую тактику, подвели его к окончательному отрыву от генеральско-атаманских верхов.

Совет Народных Комиссаров пристально следил за событиями, разворачивающимися на Дону. В своем постановлении от 30 декабря СНК рекомендует представлять правительству периодические доклады о всех активных политических кампаниях, «в первую очередь о борьбе с контрреволюцией Каледина»<sup>36</sup>.

Обращение областного ВРК о созыве съезда Советов было одобрено трудящимися Дона. Местные Советы, воинские части, народные собрания и сходы избирали своих депутатов в Воронеж. В наказах делегатам рабочие и крестьяне требовали быстрее разгрома калединской контрреволюции и передачи всей власти Советам. Трудовые казаки заявляли, что они отказываются защищать интересы богатеев. Так, объединенное заседание сотенных комитетов 28-го Донского казачьего полка под председательством М. В. Кривошлыкова в наказе своему делегату на воронежский съезд Я. Н. Лагутину писало: «С помещиками же, с отставными царскими генералами и капиталистами, которые пришли к нам со всей России под покровительство атамана Каледина и правой части войскового правительства, нам не по пути, проливать кровь из-за их интересов мы не согласны»<sup>37</sup>.

Большую работу среди фронтового казачества развернуло бюро Донского областного ВРК при Царицынском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которое выпустило воззвание к казакам и послало ряд



агитаторов в казачьи районы, прилегающие к городу. В конце декабря Казачий комитет при ВЦИК в связи с нарастанием в среде фронтового казачества антикалединских настроений усиливает свою деятельность. 24 декабря на заседании Казачьего комитета было юридически оформлено создание в Петрограде из революционно настроенных казаков-добровольцев отряда «Защиты прав трудового казачества»<sup>38</sup>. А несколькими днями раньше, 19 декабря, В. И. Ленин подписал распоряжение финансовому отделу СНК о выдаче 49 500 руб. А. Мирошниченко, командиру отряда «Защиты прав трудового казачества», направляемого на борьбу с контрреволюцией в области казачьих войск<sup>39</sup>.

28 декабря Казачий комитет при ВЦИК рассмотрел вопрос о положении на Дону. Выступивший с докладом казак 6-го запасного казачьего полка Кисляков отметил, что казачество северных округов в силу своего экономического положения революционнее, чем богатое казачество юга, и призвал «для более успешной борьбы с калединцами и корниловцами создать летучие боевые отряды из казаков 1-го и 14-го донских казачьих полков», присоединив к ним добровольцев из солдат Петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота. Однако предварительно докладчик считал необходимым послать на Дон «агитаторов, желательно из казачьего элемента, чтобы приложить все силы к избежанию братоубийства». На заседании было решено обратиться в Военный отдел при ВЦИК за содействием в создании вышеуказанных отрядов, учитывая, что «посылка таких революционных отрядов может оказать огромную пользу для укрепления Советской власти и для борьбы с контрреволюцией»<sup>40</sup>. В выпущенном Казачьим комитетом при ВЦИК воззвании за подписями председателя И. Лагутина и секретаря А. Мирошниченко революционное казачество призывалось записываться в «сводный отряд из казачьих полков» для подавления корниловско-калединской контрреволюции на Дону<sup>41</sup>.

В Петроград для переговоров с Советским правительством прибыла донская делегация, которая 27 и 28 декабря была принята Я. М. Свердловым и И. В. Сталиным. Представлявшая левую часть войскового круга делегация в составе сотника Колычева, урядника Воротынцева и крестьянина Дощенко на пути в Петроград была

пополнена в Миллерово революционно настроенными представителями 8-й казачьей дивизии — хорунжим 35-го полка Семеновым и подхорунжим 39-го полка Калиным. Кроме того, к делегации присоединились два представителя от 17-го стрелкового полка. Состав делегации был неоднороден. «Борьба ведется не с Донской областью, тем более не с трудовым казачеством, — разъяснял делегатам нарком по делам национальностей И. В. Сталин, — а с контрреволюционной группой Каледина, превратившего Новочеркасск в надежное убежище врагов народа: Корнилова, Керенского, Савинкова, Родзянко, Милюкова и др.» Делегаты 8-й казачьей дивизии от имени фронтового казачества, не желавшего войны с СНК, просили временно приостановить военные действия на Дону, что даст «возможность окончательно оторвать от Каледина трудовое казачество и собственными силами победить Каледина, без всякого кровопролития». Представители 17-го стрелкового полка поддержали делегатов 8-й дивизии, но при этом заверили, что они во всем подчиняются СНК и выполнят любой его приказ. Представитель донского крестьянства Дощенко сказал, что «все симпатии крестьян на стороне Совета Народных Комиссаров»<sup>42</sup>.

И. В. Сталин заверил делегатов, что «революционным отрядам, идущим против Каледина, дана директива всячески избегать кровопролития, брататься с казачьими отрядами». Но в то же время он подчеркнул, что в случае сопротивления добровольческих отрядов Каледина, состоящих из юнкеров и беглых офицеров, советским войскам отдан приказ «действовать со всей решительностью революционной армии». Прощаясь с делегацией, И. В. Сталин подчеркнул: «Мир с казаками, война с Калединым — таково требование революции»<sup>43</sup>.

В конце декабря — начале января недовольство в казачьих частях антикалединским режимом еще более усилилось. В связи с провокационными приказами генерала Каледина, пытавшегося ввергнуть казаков-фронтовиков в гражданскую войну с советскими войсками, бравшими Донскую область в кольцо, наиболее революционно настроенные казаки 5-й и 8-й казачьих дивизий, составлявшие так называемый северный отряд, решили созвать съезд казачьих частей, дислоцированных в Донецком округе. Ф. Г. Подтелков, М. В. Кривошлыков и С. И. Ку-

динов, касаясь причины созыва каменского съезда фронтового казачества, в обращении к населению Дона писали: «Казачьим частям войсковое правительство приказало вступить в бой с революционными войсками России. Но казачьи полки, избегая гражданской войны и пролития братской крови, сами заключили мир с войсками трудового народа и назначили казачий фронтовой съезд в станице Каменской на 10 января сего года для обсуждения предательски изменнической политики атамана...»<sup>44</sup> С этой целью руководители революционных казаков — фронтовиков северного отряда Подтелков, Кривошлыков, Дорошев, Ермилов, Елисеев, Кудинов и другие проделали большую работу в казачьих частях по подготовке съезда. Ими была выработана специальная программа, которая широко обсуждалась среди казаков-фронтовиков. В ней говорилось, что «цель созыва съезда представителей северного отряда — создать отрядный комитет, который следил бы за распоряжением начальника отряда и командиров частей с тем, чтобы казачьи части преждевременно не были вовлечены в гражданскую войну». Программа предусматривала перевыборы областного военного комитета и прекращение деятельности донской фракции фронтового казачьего съезда «как лишней фронтовой организации в настоящее время», а также немедленный призыв к месту прежней службы всех казачьих частей и отдельных казаков, расформированных или обезоруженных по обвинению в большевизме<sup>45</sup>. Программа, выработанная лучшими представителями фронтового казачества, была, безусловно, революционной, так как она, будучи направлена против калединского режима, требовала перевыборов и роспуска контрреволюционных казачьих организаций, не отвечавших чаяниям трудового казачества. Главным же в этой программе был фактический отказ фронтового казачества сражаться против революционных войск за чуждые ему интересы.

В конце декабря сначала пешие казачьи батальоны, а затем и отдельные казачьи полки начали бросать фронт и расходиться по домам. 31 декабря революционные войска с помощью 3-го пешего батальона, перешедшего на сторону Советов, заняли станцию Себряково и слободу Михайловку на линии Царицын — Поворино<sup>46</sup>. Хотя калединцам через два дня и удалось восстановить здесь положение, факт перехода казачьей войсковой части на

сторону народа примечателен. Казаки-фронтовики отказывались поддерживать калединско-корниловскую контрреволюцию, отдельные части открывали фронт и расходились по домам, и, наконец, впервые казачий батальон с оружием в руках перешел на сторону трудового народа и его революционных войск.

Положение мятежников на Дону к концу декабря становилось критическим. Рабочий класс, трудовое крестьянство и фронтовое казачество поднимались на борьбу с кадетско-калединской контрреволюцией. 30 декабря В. И. Ленин, проанализировав последние события в области в связи с перегруппировкой классовых сил на Дону, пришел к выводу, что «против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»<sup>47</sup>. Таким образом, антинародный характер калединского режима предопределял его неизбежный крах.

## Ликвидация мятежа

### Воронежское совещание делегатов Советов Дона. Каменский съезд фронтового казачества

7 января 1918 г. в Воронеж на съезд Советов Дона прибыли 42 делегата от рабочих, крестьян и казаков области. Малочисленность делегатов с Дона объяснялась трудностью и сложностью проведения съезда за пределами области, репрессиями калединских властей. В первый день на предварительном совещании были заслушаны доклады с мест. От Донецкого окружного Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов выступил большевик Е. А. Щаденко. Рассказав о положении шахтеров, он призвал казаков не допустить братоубийственной войны и собственными руками разрушить осиное гнездо контрреволюции в Новочеркасске<sup>1</sup>. Об этом же говорили представители Александровск-Грушевского, Гуковского и Ровенецкого горных районов. От 44-го казачьего полка 8-й дивизии выступил И. А. Ермилов, который заявил, что с советскими войсками северные округа, населенные трудовыми казаками, драться не будут, так как «в большевизме они видят идею, родственную им, как трудящимся»<sup>2</sup>. Представители других казачьих частей в своих выступлениях подчеркивали, что казаки не хотят вступления советских войск на территорию Дона, что они сами справятся с войсковым правительством.

Съезд ввиду своей малочисленности 8 января объявил себя совещанием представителей трудового населения Донской области. Совещание открыл большевик А. А. Френкель, который отметил, что на нем впервые собрались вместе рабочие, крестьяне и трудовые казаки для строительства новой жизни на Дону. Был утвержден порядок совещания: 1. Доклад Донского областного ВРК.

2. Доклады с мест. 3. Текущий момент. 4. Трудовое казачество и революция. 5. Политическое и экономическое положение в области. 6. Организация Советской власти на Дону<sup>3</sup>.

С докладом о деятельности областного ВРК выступил С. И. Сырцов. Подробно рассказав об истории Ростовского ВРК, он подчеркнул, что большевики «с самого начала стремились привлечь в состав комитета представителей казачества»<sup>4</sup>. Говоря о положении трудового казачества на Дону, и в особенности фронтового, Сырцов указал, что «его интересы вполне совпадают с интересами рабочих и крестьян, политические стремления у них одни». Он информировал совещание, что ВРК все время находится в контакте с Советским правительством и осведомляет его о настроении казачества, которое «в целом не контрреволюционно и с ним можно и должно работать. Исходя из этих соображений, — говорил Сырцов, — мы и созвали съезд». В заключение Сырцов указал на необходимость создания единого революционного фронта всех слоев трудящихся области для установления власти Советов на Дону.

Затем были заслушаны доклады с мест. Делегат Ростовского Совета Г. П. Фадеев сообщил, что капиталисты начали наступление на жизненные права рабочего класса. Представители от крестьян заявили, что избиратели наказали им защищать программу большевиков, что трудовое крестьянство «не подчиняется войсковому правительству, а признает только власть Советов». Делегат от казаков И. А. Ермилов также подтвердил, что «трудовое казачество признает власть Советов. И у себя на Дону оно добивается перехода власти в руки трудовых слоев. Будет ли это Народный круг или Совет, это вопрос о словах»<sup>5</sup>. Решение этого вопроса будет обсуждаться на казачьем съезде, отметил он и пригласил делегатов в Каменскую. С докладом о текущем моменте выступил Врачев. В обсуждении приняли участие большевики Сырцов, Френкель, Щаденко, Рожанский и др. В своей резолюции совещание поддержало позицию большевиков и левых эсеров, которые покинули Учредительное собрание, и решительно осудило его контрреволюционное большинство. Совещание одобрило меры Советской власти по роспуску Учредительного собрания, полагая, что Всероссийский съезд Советов рабочих, сол-

датских и крестьянских депутатов, пополненный делегатами от трудового казачества, совместно с левой частью Учредительного собрания сможет заменить последнее, объявив себя Рабочим и Крестьянским Парламентом. Это предложение не противоречило политике Коммунистической партии и Советского правительства. «Этот Рабоче-Крестьянский Парламент, — указывалось в резолюции, — должен обнародовать декларацию прав трудящихся и провозгласить Россию Республикой Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов»<sup>6</sup>. Нужно отметить, что резолюция эта была, безусловно, учтена 15 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов при выработке постановления об основных положениях Конституции РСФСР, так как в проекте решения съезда выражение «и казачьих» отсутствовало<sup>7</sup>.

С особой силой в резолюции совещания было подчеркнуто, что вся власть в центре и на местах, в том числе и на Дону, должна принадлежать Советам, и проводилась ленинская идея о том, что «Советская Российская Республика должна быть учреждена на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик». Резолюция одобрила действия СНК и его делегации в Брест-Литовске, предпринятые «для быстрого достижения честного и демократического мира» в интересах трудового народа, и предупредила, что «все противники такого мира, кто бы они ни были, являются врагами Рабоче-Крестьянской России»<sup>8</sup>.

9 января совещание постановило в полном составе перебазироваться в станицу Каменскую и принять участие в открывающемся там съезде фронтового казачества. В связи с этим повестка дня была сокращена. С приветствием в адрес совещания выступили представители штаба Московского военного округа (А. В. Мандельштам), Моссовета (М. П. Янышев), ВЦИК и Северного фронта, Харьковского Совета, рабочих Юго-Восточной железной дороги и крестьянского съезда Воронежской губернии.

С докладом о трудовом казачестве и революции выступил казак-большевик С. И. Кудинов. Он сказал: «Мы поддерживаем революцию и идем за одно с рабочими и крестьянством за Советами и комиссарами»<sup>9</sup> — и потребовал установления власти Советов казачьих, крестьян-

ских, рабочих и солдатских депутатов в области. Представитель 43-го казачьего полка поддержал это предложение. В прениях по докладу выступили Сырцов, Френкель, Фадеев, Ермилов и представители Александровск-Грушевского, Гуковского и Замчаловского горных районов. В своем выступлении А. А. Френкель заявил: «Перед трудовым казачеством встает практическая задача: бороться с существующей властью и низвергнуть ее... В этой борьбе казаки должны объединиться с крестьянами и рабочими, у которых имеется революционный опыт, а также с революционными войсками»<sup>10</sup>. По докладу Кудинова совещанием была принята резолюция, предложенная Сырцовым и Френкелем. В ней было записано, что съезд не признает войскового правительства, выбранного без участия трудового казачества, находившегося на фронте. Резолюция разоблачала создание объединенного правительства как маневр Каледина. Она гласила, что войсковое правительство и войсковой круг «вынуждены были под напором трудящихся признать свою слабость и поднять вопрос о соглашении с зажиточными крестьянами; это соглашение является обманом, которым войсковое правительство хочет одурачить трудящихся Дона; этим самым мужицкий кожух призван прикрыть прореху в царском мундире генерала Каледина». Признавалось необходимым «создание Советов казачьих депутатов, которые отстранили бы от управления на Дону все чиновничьи, буржуазные, враждебные элементы трудовому казачеству», а для борьбы с контрреволюционными отрядами Каледина считалось «желательным создание революционных казачьих отрядов». С особой силой подчеркивалась необходимость единства всех слоев трудящихся области в борьбе с Калединым. В резолюции говорилось: «Совещание трудового населения Донской области обращается ко всему трудовому казачеству с призывом объединиться с крестьянством и рабочими и единым революционным фронтом повести борьбу против новочеркасского гнезда контрреволюции»<sup>11</sup>.

Закрывая совещание, Сырцов информировал делегатов о том, что СНК с удовлетворением встретил настоящее совещание.

Воронежское совещание, дав правильную оценку положения на Дону, поставило конкретные задачи перед большевиками и Советами края в мобилизации трудя-



щихся на разгром контрреволюции и установление власти Советов. Участники совещания, почти в полном составе перебазировавшиеся в Каменскую, оказали решающее влияние на ход работы съезда фронтового казачества, который объявил войну Каледину.

Воронежское совещание делегатов Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Дона совместно с представителями трудового казачества поддержало написанную В. И. Лениным и принятую ВЦИК «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», одобрило программу Коммунистической партии и Советской власти.

7 января в Царицыне по инициативе местных и донских большевиков был созван уездный чрезвычайный съезд крестьянских и казачьих депутатов<sup>12</sup>. На съезд прибыло 83 казака — представители станиц северных округов Дона и 18 казачьих частей, расквартированных вокруг Царицына. На съезде в Царицыне кроме казачьей секции была создана и донская крестьянско-рабочая секция, в которой работали представители ряда станций, слобод и волостей<sup>13</sup>.

Казачья секция съезда осудила калединский мятеж и предупредила его организаторов, что казаки не пойдут против трудового народа. Резолюция секции предлагала трудовому казачеству и крестьянству немедленно упразднить войсковой круг, областные, окружные, станичные, волостные и сельские управления, войсковых, окружных, станичных и хуторских атаманов, волостных старшин и сельских старост и заменить их Советами казачьих и крестьянских депутатов, которые установят «непосредственную связь и тесный контакт со Всероссийскими Советами крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов». Резолюция призывала к организации на Дону «казачьей и крестьянской Красной гвардии» и свержению войскового правительства во главе с Калединым<sup>14</sup>. Казачья секция избрала на III Всероссийский съезд Советов от 20-го казачьего полка и 18 станиц Усть-Медведицкого, II Донского и Хоперского округов делегата — казака И. С. Дычкина<sup>15</sup>. Деятельность казачьей секции уездного чрезвычайного съезда крестьянских и казачьих депутатов сыграла большую роль в установлении власти Советов в округах, примыкавших к Царицыну.

10 января по инициативе дивизионного комитета 5-й Донской казачьей дивизии в станице Каменской открылся съезд фронтового казачества. На съезд прибыли представители 21 казачьего полка, пяти батарей и двух запасных полков. В президиум съезда были избраны подхорунжий Ф. Г. Подтелков от 6-й гвардейской батареи, прапорщик М. В. Кривошлыков от 28-го казачьего полка и офицер-большевик И. А. Дорошев от 27-го казачьего полка. Депутаты съезда обсудили вопрос о предотвращении гражданской войны, на которую толкала фронтовое казачество калединская клика. На съезд прибыли представители областного ВРК и делегаты воронежского совещания, а также представители царицынского съезда<sup>16</sup>. Приезд делегатов-большевиков из Воронежа оказал решающее влияние на работу каменского съезда.

Прибывшие большевики «решили произвести основательную атаку на съезд и выбить его во что бы то ни стало из нейтральных позиций, в которых он пребывал»<sup>17</sup>. Большую роль в этом сыграл руководитель Каменской станичной большевистской организации Е. А. Щаденко. Большевики А. В. Мандельштам, М. П. Янышев, а также солдат, представитель ВЦИК, выступили на съезде с приветственными речами<sup>18</sup>. Кривошлыков зачитал съезду перехваченную телеграмму Каледина, в которой он требовал «арестовать съезд и предать его инициаторов суду военного времени»<sup>19</sup>. Телеграмма эта покончила с сомнениями, мучившими казаков-фронтовиков, она «побудила нерешительных казаков на очень решительные меры»<sup>20</sup>. Большевики — участники воронежского совещания, каменские коммунисты, присутствовавшие на съезде, а также казаки — делегаты царицынского съезда убедили руководителей каменского съезда в необходимости взять власть в свои руки и объявить себя правительством, так как в противном случае они будут арестованы. После перерыва Кривошлыков от имени президиума предложил объявить войсковое правительство низложенным, а власть передать в руки съезда фронтового казачества. Предложение было принято делегатами. Съезд избрал Донской казачий военно-революционный комитет из 15 человек<sup>21</sup>, в который вошли Подтелков, Кривошлыков, Дорошев, Ермилов, Кудинов, Елисеев, Маркин, Смирнов, Фролов, Кривушев, Ерохин, Ковалев, Шурупов, Черноусов и Стрелянов. Председателем Дон-

ского казачьего ВРК был избран Ф. Г. Подтелков, товарищем председателя — И. А. Ермилов, секретарем — М. В. Кривошлыков и товарищем секретаря — И. А. Дорошев. В состав Донского казачьего ВРК вошло всего два казака-большевика — И. А. Дорошев и С. И. Кудин, что и обусловило в дальнейшем колебания и нерешительность комитета в отношении признания Советской власти.

Съезд «решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения, и прежде всего трудового казачества, от гнета контрреволюционеров из войскового правительства». Резолюция съезда призвала казаков «не расходиться и докончить начатое дело», провести в поддержку ВРК собрания сотенных и полковых комитетов, воинских частей, станичные и сельские сходы, не выполнять контрреволюционный приказ Каледина о роспуске из армии ряда возрастов. Обращаясь к рабочим и крестьянам, съезд заявил, что своим выступлением он разрушает последние преграды между казачеством и остальным населением области. Резолюция заканчивалась словами: «Военно-революционный комитет... созовет съезд трудового казачества, рабочих и крестьян для организации на Дону трудовой власти. Да здравствует трудовое казачество! Смело за свободу и счастье трудящихся! Правда на нашей стороне». Положения и лозунги опровергают сложившееся в ряде наших послевоенных работ мнение, что каменский съезд фронтового казачества признал Советскую власть. Участники съезда также отрицают этот факт. Так, А. В. Мандельштам в своих воспоминаниях пишет, что «съезд не мог решиться объявить себя съездом Советов, и вообще будущая форма правления была покрыта большим туманом. Мне казалось, что в голове Подтелкова было большое сомнение насчет установления Советской власти»<sup>22</sup>.

Съезд закончил работу ночью 11 января. По приказу Донского казачьего ВРК в Каменской был арестован ряд контрреволюционеров. Воспользовавшись тем, что на станции Каменской под парами стояли три эшелона 8-го казачьего полка, только что прибывшего на Дон, ВРК послал их немедленно для захвата Лихой и Зверев.

Участник каменского съезда, комиссар при командующем московскими революционными войсками Жаво-

ронков в телеграммах в СНК и В. А. Антонову-Овсеенко охарактеризовал эти события следующими словами: «Характерной чертой всего этого движения является желание, с одной стороны, покончить с Калединым, выгнать офицеров, юнкеров и белую гвардию и, с другой стороны, общее нежелание, чтобы это сделали большевистские войска, а, напротив, чтобы обязательно сами казаки»<sup>23</sup>. По его мнению, тактическая линия по отношению к этому движению заключалась в приостановке наступления на Дон и оказании помощи революционному казачеству. А. В. Мандельштам еще перед выездом в Каменскую также рекомендовал штабу В. А. Антонова-Овсеенко приостановить готовящуюся наступательную операцию на Миллеровском направлении, так как она «несвоевременна» и может оказать «отрицательное воздействие» на решение съезда фронтового казачества<sup>24</sup>.

Выступая 13 января 1918 г. на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, В. И. Ленин, касаясь одной из причин событий в Каменской, отмечал, что «фронтовое казачество собралось свой съезд, потому что видит, что вокруг каледиинцев собираются офицеры, юнкера и сынки помещиков, которые недовольны тем, что в России власть переходит к Советам...»<sup>25</sup>.

Каменский съезд — один из решающих рубежей для фронтового казачества на пути к социалистической революции, к Советской власти. Его созыв и решения привели к тому, что казачьи полки, противостоящие на границах Дона советским войскам, не только отказались подчиниться Каледину, но и подняли против него восстание. Избранный съездом Донской казачий ВРК стал организующим центром революционных сил казачества в области, противопоставил себя объединенному войсковому правительству Каледина. И хотя в резолюции съезда не было прямого признания Советской власти, в ней было объективно заложено все, чтобы следующим шагом эту власть признать.

Каменский съезд фронтового казачества — важнейшая веха в борьбе трудящихся Дона за власть Советов. Его созыв и работа — пример революционного творчества солдатских масс в лице фронтового казачества в период триумфального шествия Советской власти. Это и ярчайший пример беззаветного героизма большевиков, которые, с риском для жизни прибыв в расположение

калединских войск, своим присутствием на каменском съезде придали ему боевой, целеустремленный характер.

11 января днем в Каменской состоялся пятитысячный митинг трудящихся, на котором выступили Ф. Г. Подтелков, А. В. Мандельштам, представители от рабочих, крестьян и станичной большевистской парторганизации. В принятой резолюции трудовые казаки, солдаты, рабочие и крестьяне приветствовали образование Донского казачьего ВРК, протестовали против существования в Новочеркасске войскового круга во главе с Каледниным и Богаевским и требовали передачи власти Советам казачьих, солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. После митинга на заседании Донского казачьего ВРК по предложению Мандельштама было решено для переговоров с СНК и штабом МВО послать делегацию от казачьего ВРК в составе Ерохина, Шамова и Выдрина. Жаворонков в телеграмме СНК отмечал, что мандат и резолюция делегации «составлены довольно туманно, ясного отношения к Совету Народных Комиссаров нет»<sup>26</sup>.

В. А. Антонов-Овсеенко, узнав о событиях в Каменской, немедленно вызвал в Купянск на экстренное совещание командующих группами советских войск Р. Ф. Сиверса, Ю. В. Саблина и Г. К. Петрова. 13 января совещание выработало тактическую линию по отношению к Донскому казачьему ВРК и решило «вступить немедленно в официальные сношения с казачьим ревкомом, добиваться от него определения своей политической физиономии и поддержать его в борьбе с Калединым». По мысли В. А. Антонова-Овсеенко, «калединщина должна быть удушена руками самих казаков». Проявляя известную осторожность к казачьему ВРК, не определившему пока ясно свою политическую платформу, Антонов-Овсеенко рекомендовал по отношению к нему «действовать в высшей степени тактично, учитывая определенное недовольство со стороны казаков нашим вторжением на Дон»<sup>27</sup>.

После совещания Антонов-Овсеенко принял делегацию казачьего ВРК и обещал полную поддержку ревкому при условии положительного ответа на три вопроса: признает ли казачий ревком власть ЦИК и выбранного им СНК; готов ли он созвать вместо войскового круга съезд представителей от Советов всего трудового насе-

ления Дона; готов ли он вести под общим советским руководством вместе с ним борьбу против Каледина и Корнилова, готов ли выявить свою позицию официально? Казаки заявили, что имеют полномочия решать только военные вопросы, а не политические. Глава делегации Маркин указал на важность вопросов о земле и сохранении автономии Дона. Антонов-Овсеенко напомнил, что земельный вопрос будет решаться в соответствии с Декретом о земле, с учетом всех местных и бытовых условий, в согласии с голосом трудового казачества на местах и что автономия областей не противоречит духу Советской власти. 16 января Антонов-Овсеенко подробно информировал В. И. Ленина о переговорах с представителями Донского казачьего ВРК, беспокойстве казаков в отношении земельного вопроса, а также о положении на Дону и силах революционных казаков<sup>28</sup>. В ответной телеграмме от 17 января 1918 г. В. И. Ленин писал: «Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь и вошли на съезд Советов... относительно земельного вопроса на Дону советую иметь в виду текст принятой позавчера на съезде Советов резолюции о федерации Советских республик. Эта резолюция должна успокоить казаков вполне»<sup>29</sup>.

Делегация Донского казачьего ВРК по дороге в столицу побывала в Москве, ей устроили восторженную встречу в Моссовете. 16 января делегация, сопровождаемая А. В. Мандельштамом, прибыла в Петроград и была принята В. И. Лениным. Казаки рассказали о последних событиях на Дону. По свидетельству Мандельштама, прием у В. И. Ленина «имел решающее значение»<sup>30</sup> для роста политического сознания казаков. Казаки выступали в Петроградском Совете, который приветствовал революционное казачество. Я. М. Свердлов пригласил казаков на III Всероссийский съезд Советов. От имени 46 казачьих полков, восставших против Каледина, выступил казак Шамов. Он признал «настоящей верховной властью власть Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»<sup>31</sup>. Сообщение о каменском съезде сделал казак Выдрин. Съезд в обращении к трудовым казакам горячо приветствовал их выступление против калединской контрреволюции, призвав создавать Советы казачьих и крестьянских депутатов на Дону и продолжать борьбу до победного конца<sup>32</sup>. 18 января

В. И. Ленин, выступая с заключительным словом на III Всероссийском съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, коснувшись последних событий в Донской области, назвал их знаменательными, заявив при этом, что идеи большевиков «побеждают на Дону»<sup>33</sup>.

Узнав о событиях в Каменской, объединенное правительство послало туда для переговоров свою делегацию. Встретившись 13 января с представителями Донского казачьего ВРК, калединцы обвинили его в измене Дону, в том, что он «проданся большевикам». Те предъявили контробвинения правительству Каледина в том, что оно противопоставило Дон всей России, приютило у себя генералов, офицеров и буржуазию, бегущую из России, втянуло Дон в гражданскую войну. Представители ВРК требовали от правительства Каледина сложить полномочия. Переговоры в Каменской, как и следовало ожидать, окончились безрезультатно, но было принято решение продолжить их, для чего в Новочеркасск для встречи с правительством Каледина должна была выехать делегация казачьего ВРК. Большинство членов ВРК в этот период еще надеялись, что им удастся уладить конфликт с Калединым мирным путем, не прибегая к оружию. Казаки-фронтовики не допускали мысли, что Каледин может применить оружие против них. В такой обстановке отдельные казачьи части, делегаты которых были представлены на каменском съезде, в своих телеграммах советскому командованию просили пока не вмешиваться в дела Донской области и отвергали вооруженную помощь<sup>34</sup>.

Калединское правительство, признавая всю серьезность каменских событий, тем не менее рассчитывало, что это проявление очередного пассивного протеста фронтового казачества против его политики. 13 января в газете «Вольный Дон» объединенное правительство, обращаясь к населению по поводу «панических слухов», заявляло: «...ст. Звереве и Лихая заняты не большевиками, а нашими казачьими частями, самое занятие этих станций вызвано, очевидно, недоразумением, которое сейчас выясняется».

15 января утром в Новочеркасске в большом зале областного правления делегация Донского казачьего ВРК в составе Ф. Г. Подтелкова, М. В. Кривошлыкова, С. И. Кудинова, Я. Н. Лагутина и И. А. Скачкова встре-

тилась с правительством Каледина. Вкратце рассказав о цели своего приезда, Подтелков обвинил войсковое правительство и атамана в антинародной политике и в разжигании гражданской войны, что заставило их, казаков-фронтовиков, собраться в Каменской. Затем от имени ВРК Подтелков предъявил войсковому правительству ультиматум с требованиями: передать командование воинскими частями в области Донскому казачьему ВРК; отозвать все добровольческие отряды, действующие против революционных войск, разоружить их, а также юнкерские училища и школы прапорщиков; выслать всех участников этих организаций, не жителей области, за пределы Дона; сдать Новочеркасск полкам казачьего ВРК; объявить членов войскового круга неправомочными, войсковому правительству сложить полномочия и немедленно передать власть областному казачьему ВРК «впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения»<sup>35</sup>.

В течение многих часов шли безуспешные переговоры. Каменской делегации предлагалось «одуматься» и не делать «неверного шага». Лишь вечером, когда Каледин получил телеграмму о том, что отряд Чернецова захватил Звереву и Лихую, войсковое правительство, почувствовав силу, огласило ответ. Оно не только отвергло ультиматум казачьего ВРК, но и выдвинуло со своей стороны контрультиматум с требованием распустить ВРК, освободить арестованных контрреволюционеров и пр. В то же время, стремясь внести раскол в ряды фронтового казачества, которое, как известно, не могло в свое время участвовать в выборах войскового круга, войсковое правительство «признало необходимым распустить прежний состав круга и произвести перевыборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей». Новый круг предполагалось собрать в феврале в Новочеркасске. Усыпляя бдительность делегации ВРК, войсковое правительство заявило, что «не желает гражданской войны... всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает ВРК принять участие в депутатии к большевистским отрядам». Демагогия войскового правительства достигла цели. Делегация раскололась: Подтелков, Кривошлыков и Кудинов в ту же ночь выехали из Новочеркасска в Каменскую, а Лагутин и Скачков вошли в состав делегации объединенного пра-



вительства, которая 16 января отправилась к Таганрогу для переговоров с советским командованием<sup>36</sup>.

В то время, когда делегация казачьего ВРК вела переговоры в Новочеркасске, отряд Чернецова по приказу войскового правительства предательски напал вечером 15 января на части 8-го казачьего полка и разоружил его на станциях Звереве и Лихая. Казачьи полки ревкома, расположенные здесь, зная о мирных переговорах в Новочеркасске, не готовились к бою. Нападение банд Чернецова рассеяло иллюзии у большинства членов ВРК о возможности мирно договориться с Калединым. Получив хороший классовый урок в Новочеркасске, у Звереве и Лихой, ВРК понял, что с врагами трудового казачества можно разговаривать лишь оружием. Эти события со всей наглядностью показали, что особого пути в революции для фронтового казачества нет. Логика классовой борьбы неумолимо толкала их на одну из сторон баррикад, и казаки-фронтовики в лице ВРК были вынуждены сделать выбор. И этот выбор был не случайным, а закономерным, потому что у трудового казачества не было и не могло быть непримиримых противоречий с рабочими и крестьянами. Ведь именно общность интересов и составила объективную основу того единого революционного фронта, за который боролись большевики.

Между тем, захватив Звереве и Лихую, Чернецов предъявил ВРК ультимативное требование сдать Каменскую и призвать войска к повиновению войсковому правительству. Командующий частями казачьего ВРК Смирнов вступил в переговоры с Чернецовым. Но с возвращением Подтелкова, Кривошлыкова и Кудинова в Каменскую путь переговоров для руководителей ВРК стал уже пройденным этапом. Нужно было собирать разбросанные по всему округу казачьи части, деморализованные бесконечными переговорами, для отпора контрреволюции. В своем обращении к трудовому казачеству ВРК разъяснил, что предательское нападение банд Чернецова исчерпало возможность решения вопросов с войсковым правительством мирным путем, что справиться с мятежным генералом, к которому сбежали многочисленные контрреволюционеры из центра России, можно лишь с помощью советских войск<sup>37</sup>.

17 января Чернецов захватил Каменскую и Глубокую,

и казачий ВРК вынужден был эвакуироваться в Миллерово. Но это был последний успех каледиинцев. На юге области в это время произошли важные события. 17 января рабочие Таганрога восстали против белогвардейского режима. На следующий день в Ростове началась мощная забастовка железнодорожников, направленная против войскового правительства. В такой обстановке глава делегации казачьего ВРК Маркин, ранее участвовавший в переговорах с Антоновым-Овсеенко, предварительно сообщил последнему о принятии его условий. 19 января он телеграфировал в Харьков: «Политический вопрос принципиально решен. Абсолютно да, да, да. Официально да. Декларация последует в самом непродолжительном времени»<sup>38</sup>. А через несколько часов на имя Антонова-Овсеенко пришла телеграмма за подписями М. Кривошлыкова, И. Дорошева и других, в которой казачий ВРК просил передать в Петроград Советскому правительству следующую декларацию: «Донской областной казачий ВРК на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской постановил: 1. Признать центральной государственной властью Российской Советской республики — Центральный Исполнительный комитет Совета казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров. 2. Создать краевую власть в Донской области из съезда Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов»<sup>39</sup>. Все еще опасаясь, что разрешение земельного вопроса в Донской области может произойти без участия ее населения, и прежде всего казачества, казачий ВРК в декларации сделал примечание, в котором указывалось, что земельный вопрос на Дону разрешается тем же областным съездом. Постановление III Всероссийского съезда Советов об основных положениях Конституции РСФСР, о котором В. И. Ленин 17 января в телеграмме В. А. Антонову-Овсеенко писал, что оно должно «успокоить казаков вполне», несомненно ускорило принятие казачьим ВРК вышеприведенной декларации. Такое решение высшего органа Советской власти способствовало укреплению союза трудящихся Советской России с трудовым казачеством и переходу последнего под знамя Советов.

Руководители большевистского Донского областного ВРК С. И. Сырцов, А. А. Френкель, а также Е. А. Ща-

денко оказывали большое влияние на деятельность казачьего ВРК и его лидеров — Ф. Г. Подтелкова, М. В. Кривошлыкова, хотя и не смогли предостеречь их от ряда неверных шагов (переговоры в Новочеркасске и др.). С момента признания казачьим ВРК Советской власти большевистское влияние постепенно перерастало в руководство этим комитетом со стороны коммунистов Дона. Деятельность Донского казачьего ВРК и областного ВРК стала согласовываться. Однако их организационного слияния тогда еще не произошло. Временно на Дону параллельно существовали два комитета, которые представляли областную власть. На это большевики Дона пошли по тактическим соображениям. В условиях казачьей области нецелесообразно было форсировать такое объединение, приходилось считаться с настроениями населения. Руководители донских большевиков умело, с большим тактом подготавливали такое слияние, а пока всемерно поддерживали авторитет Донского казачьего ВРК, так как для казачьего населения было важно, что власть на Дону находится в руках самих казаков.

В. А. Антонов-Овсеенко по получении телеграммы от Донского казачьего ВРК о признании Советской власти немедленно предписал органам снабжения удовлетворить полностью все заявки казачьего ВРК. Несколькими днями раньше он приказал командующему группой советских войск Ю. В. Саблину «начать решительное наступление в поддержку Донревкома» и приостановил отправку частей к Таганрогу в распоряжение Р. Ф. Сиверса. 20 января объединенными усилиями 1-й Южной революционной армии Г. К. Петрова, группировки Ю. В. Саблина и частей казачьего ВРК под командованием Голубова отряд Чернецова был наголову разгромлен, а сам он взят в плен. Сырцов, телеграфируя в СНК о результатах этого боя, отметил, что «поведение революционных войск, особенно казачьего 27-го и 44-го полков, батарей, а также донских и луганских рабочих, проявивших пролетарское бесстрашие и самоотверженность, выше похвал»<sup>40</sup>.

В. А. Антонов-Овсеенко информировал В. И. Ленина о том, что казачий ВРК признал ВЦИК и СНК, а также сообщил о разгроме ударной силы Каледина — отряда Чернецова под Глубокой. 21 января В. И. Ленин в ответной телеграмме на имя В. А. Антонова-Овсеенко приветствовал крупный успех советских войск: «По поводу

побед над Калединым и К<sup>0</sup> шлю самые горячие приветы и пожелания и поздравления Вам! Ура и ура! Жму крепко руку». Одновременно В. И. Ленин 21 и 22 января в радиogramмах «Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно» и «Всем, всем» сообщил, что 46 казачьих полков, восставших против донской контрреволюции, «на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым». 23 января 1918 г., выступая перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, В. И. Ленин говорил: «...нам остается небольшая борьба с жалкими остатками контрреволюционных войск Каледина, которому на своем Дону, кажется, приходится спастись от революционного казачества»<sup>41</sup>.

Употребляя термин «фронтное казачество», мы должны заметить, что в целом оно представляло собой казачью середняцкую массу и было выразителем ее интересов. В то же время фронтное казачество по своему отношению к развернувшимся событиям не было однородным. Большинство казачьих полков, как подтверждают многочисленные документы советского и контрреволюционного лагерей, после каменского съезда разошлись по домам, что явилось пассивной формой протеста против калединской диктатуры. Такая позиция казаков-фронтников в тех условиях явилась объективно помощью молодому Советскому государству и способствовала краху мятежного атамана. Другая значительная и лучшая часть казаков-фронтников — это те полки и отдельные части, которые активно выступили против калединского режима, — революционное казачество. Но следует отметить, что его революционность носила в целом общедемократический характер. Третью, небольшую группу составляли приверженцы Каледина, старорежимные казаки-служаки и часть кадровых казачьих офицеров-контрреволюционеров, которые и послужили основой для формирования белоказачьих, так называемых партизанских отрядов.

В связи с тем что казачьи фронтные полки разошлись по домам, перед Донским областным казачьим ВРК встала важная задача снова собрать их для продолжения борьбы с Калединым. Подтелков отмечал, что «от скорейшего созыва полков будет зависеть и успешность борьбы с калединскими партизанами». В целях

мобилизации казаков и солдат, распущенных провокационными приказами Каледина, Донской казачий ВРК 22 января в обращении к станицам, селам и хуторам призвал всех способных носить оружие прибыть на станции Чертково и Миллерово<sup>42</sup>. Однако казаки и солдаты, уставшие от войны, не хотели участвовать в гражданской войне, в результате чего мобилизация не удалась. Малочисленность войск у революционного казачества сдерживала борьбу с каледицами. С. И. Сырцов в телеграмме Ю. В. Саблину 28 января отмечал: «Недостаток сил мешает занять Каменскую. Мобилизация не оправдала надежды. Ждем казачьи полки из Петрограда. Чрезвычайно важно кончить к 4 февраля, к открытию войскового Круга»<sup>43</sup>. Большевики Дона понимали необходимость быстрой ликвидации контрреволюционной авантюры, так как малейшая заминка могла осложнить борьбу с Калединым в связи с созывом нового круга.

29 января на заседании СНК на борьбу с контрреволюцией было выделено 10 млн. руб. На калединский фронт посылались подкрепления. 13 января В. И. Ленин принял делегацию 3-го Курземского полка латышских стрелков, направлявшегося на борьбу с Калединым. Разъяснив задачи Советской власти в борьбе с контрреволюцией, В. И. Ленин выразил надежду, что революционные латышские стрелки нанесут каледицам сокрушительный удар. Совнарком оказывал поддержку и революционному казачеству. 29 января на заседании СНК рассматривались вопросы о выдаче нескольких миллионов рублей казакам и ходатайство Донревкома об ассигновании денежных средств на паек семьям выступивших против Каледина казаков<sup>44</sup>.

По просьбе Казачьего комитета при ВЦИК делегации Донского казачьего ВРК в Петрограде было ассигновано 450 тыс. руб. для формирования революционных казачьих частей на Дону. Штаб Московского военного округа выделил Донскому казачьему ВРК 35 тыс. комплектов обмундирования, белья и обуви для революционных казачьих полков, а также два вагона мануфактуры и 2 тыс. пудов гвоздей. 21 января Народный комиссариат по военным делам, с согласия казачьего комитета ВЦИК, отстранив от должности начальника казачьего отдела Главного штаба Агапова и его помощника Сурова, назначил на эти должности представителей

революционного казачества В. Алферова, Д. Шамова, Т. Некрасова<sup>45</sup>.

25 января Казачий комитет при ВЦИК, заслушав доклад члена казачьего ВРК Ерохина о положении на Дону, постановил: «Послать на Дон казачьи полки 1-й и 14-й и отряд «Защиты прав трудового казачества». На этом же заседании Д. Шамов был избран наркомом по казачьим делам при СНК. Об учреждении данного поста ходатайствовало перед СНК и ВЦИК руководство большевиков Дона, которое считало, что это произведет большое впечатление на казаков<sup>46</sup>.

В конце января Казачий комитет при ВЦИК, преодолевая сопротивление контрреволюционного офицерства, провел большую работу по мобилизации донских казачьих частей Северного фронта и Петрограда для отправки против Каледина. 31 января штаб Советского главного командования разрешил Казачьему комитету при ВЦИК перебросить на Дон для борьбы с калединским мятежом 1, 2, 14-й Донские казачьи полки и отряд «Защиты прав трудового казачества» и возложил на него проведение этого плана. Однако переброска казачьих полков на Дон вскоре отпала, так как мятеж был ликвидирован. Что же касается отряда «Защиты прав трудового казачества», то он прибыл на Дон за несколько дней до освобождения Ростова и Новочеркасска. Члены отряда по распоряжению Донского областного ВРК выехали в казачьи хутора и станицы для агитационной работы и организации власти Советов на местах<sup>47</sup>.

Я. М. Свердлов, выступая на III Всероссийском съезде Советов с докладом о деятельности ВЦИК, отметил большие заслуги Казачьего комитета в борьбе против калединско-дутовской контрреволюции<sup>48</sup>.

Основные массы фронтового казачества зимой 1917/18 г. отошли от Каледина и перешли на сторону Советской власти, ибо казаки-фронтовики на собственном опыте убедились, что их интересы и цели Каледина диаметрально противоположны и в то же время интересы рабочего класса и крестьянства и трудового казачества едины. В Советской власти, защищавшей общие коренные интересы всего трудового народа, казаки видели избавительницу от империалистической бойни, тяжелой военной службы, ассоциировавшихся со старым строем и гнетущей опекой атаманов. Октябрьская революция,

решавшая непосредственно социалистические задачи, попутно доводила до конца нерешенные задачи буржуазно-демократической революции, в чем было кровно заинтересовано не только крестьянство, но и широкие массы трудового казачества.

### **Январское наступление советских войск и выступление трудящихся Дона против калединовцев**

После неудачного декабрьского наступления советских войск, предпринятого в Донбассе, обстановка здесь сложилась следующим образом. Казачьи части группы генерала Балабина, защищавшие границы Донской области на Таганрогском направлении, после братания с советскими войсками бросили фронт и стали расходиться по домам, заявив своим командирам, что «большевики против трудового казачества не идут и им поэтому незачем драться — защищать буржуев и капиталистов»<sup>1</sup>. Группировка войск Сиверса, воспользовавшись сложившейся ситуацией, не закончив переформирование, перешла границу Дона. Не встречая сопротивления, она заняла Макеевку, Харцызск, Иловайскую, Кутейниково, Успенскую и стала быстро продвигаться к Таганрогу<sup>2</sup>. Полковник Кутепов, командующий силами мятежников на Таганрогском направлении, доносил в Новочеркасск походному атаману генералу Назарову, что «между ст. Иловайской и Таганрогом ни одной казачьей части нет... Если сегодня к вечеру Матвеев-Курган не будет занят 16-м Донским полком, я снимаю ответственность за город Таганрог»<sup>3</sup>.

Войска под командованием Сиверса заняли Матвеев-Курган и двигались к Таганрогу. Крах калединовцев приближался неминуемо. Казачьи части отказывались подчиняться приказам Каледина и Назарова. Никакими средствами их не удавалось сдвинуть с места и отправить под Таганрог. Каледин и Корнилов бросили в бой под Ряженое и Неклиновку части добровольческой армии и партизанский отряд Семилетова, возглавляемые генералом Деникиным<sup>4</sup>. Отборным белогвардейским отрядам удалось не только приостановить продвижение революционных войск, но и заставить их отступить на

север, оставив Матвеев-Курган и Успенскую. Выехавший под Таганрог В. А. Антонов-Овсеенко 17 января в телеграмме в Харьков писал: «Сюда нужны силы, нужен фураж и оружие, борьба здесь несравненно ожесточеннее и серьезнее, чем на фронте Рады... Спешно шлите все эшелоны в Никитовку в мое распоряжение»<sup>5</sup>. Группировка Сиверса в середине января вынуждена была приостановить наступление и ждать подхода подкреплений. Фронт на Таганрогском направлении временно стабилизировался.

В январе 1918 г. на Дону оформился блок большевиков с левыми эсерами. После роспуска Учредительного собрания в эсеровской организации на Дону произошел организационный раскол. 6 января левые эсеры захватили руководство Ростово-Нахичеванским комитетом эсеров. Попытка правых эсеров апеллировать к низовым организациям города закончилась провалом. На общих собраниях в Нахичеванском и Затемерницком районах большинство высказалось за признание левого ЦК. Так, на общегородскую партийную конференцию в Затемерницком районе от правых прошел один делегат (а от левых эсеров — 17). 16 января на общегородской эсеровской партконференции в Ростове произошел окончательный раскол. Аналогично развивались события и в эсеровской организации Таганрога<sup>6</sup>. К середине января раскол произошел и в других эсеровских организациях области. Правые эсеры вынуждены были признать, что «члены одной и той же партии очутились по разные стороны баррикад. Гражданская война разразилась в пределах самой партии»<sup>7</sup>. Левые эсеры примкнули к большевикам. Соглашение донских большевиков с левыми эсерами в разгар борьбы с Калединым сыграло положительную роль, так как способствовало мобилизации революционных сил, расширяло социальную базу диктатуры пролетариата, изолировало правых эсеров и меньшевиков и укрепляло союз рабочего класса и крестьянства.

Пролетариат области, оправившись после декабрьского поражения, начал активно подниматься на борьбу с калединой диктатурой. Особенно беспокойно было в крупных городах области в Ростове и Таганроге. Это обстоятельство отвлекало белогвардейские части с фронта. Деникин в своих мемуарах вынужден был признать, что «Таганрог и Ростов с их многочисленным рабочим



поселением, враждебным добровольческой армии, поглощали много сил на внутреннюю охрану»<sup>8</sup>.

10 января белогвардейцы убили в Таганроге рабочего Дискаина. Это злодеяние всколыхнуло пролетариат города. На многих предприятиях состоялись митинги протеста. Рабочие машиностроительного завода «Кебер и К<sup>0</sup>» потребовали революционного суда над убийцами, разоружения белой гвардии и вывода юнкеров из города. 12 января в театре «Аполло» состоялось собрание старост предприятий города. Член Таганрогского горкома РСДРП(б) В. Стернин заявил: «На каждую жертву мы ответим в свое время полностью. Избавимся скоро и от Каледина — это дело пяти дней». Собрание приняло решение «устроить политические похороны — демонстрацию против калединского течения всем рабочим Таганрога»<sup>9</sup>. Похороны вылились в грандиозную политическую демонстрацию, направленную против калединского режима. В знак траура ни одно предприятие города не работало.

На следующий день, 14 января, железнодорожники Таганрогского узла прекратили работу и приостановили все движение, предварительно приведя в негодное состояние паровозы. Объединенное правительство М. Богаевского объявило Таганрог на военном положении. В знак протеста против введения военного положения 15 января революционно-стачечный комитет таганрогских железнодорожников объявил забастовку. Это парализовало работу станции. Начальник Таганрогского гарнизона полковник Мастыка доносил генералу Назарову в Новочеркасск и командованию добрармии в Ростов о том, что забастовка железнодорожников прервала сообщение с фронтом, а это грозит «тяжелыми последствиями». Расквартированные в Таганроге казаки 33-го Донского полка, распропагандированные большевиками, отказались выполнять приказы своих офицеров. 15 января командир 33-го казачьего полка доносил походному атаману, что «под влиянием рабочих полк постановил покинуть Таганрог»<sup>10</sup>.

К середине января генерал Каледин на Таганрогском направлении и в самом городе не располагал ни одной казачьей частью, которая бы выполняла его приказы. Казаки-фронтовики стали расходиться по домам. Это обстоятельство ослабило силы контрреволюции в Таган-

роге и создавало благоприятные возможности для вооруженного восстания рабочих в условиях наступления революционных войск Сиверса.

Нарастающее возмущение рабочего класса Таганрога против белогвардейского режима большевики города направили в русло подготовки к вооруженной борьбе. Центр своей деятельности они перенесли на заводы. На Русско-Балтийском, металлургическом и котельном заводах, железнодорожном узле большевики снова приступили к организации красногвардейских отрядов и боевых рабочих дружин. В эти дни здесь были созданы органы восстания таганрогского пролетариата — заводские военно-революционные комитеты. Левые эсеры поддержали позицию большевиков и в свою очередь начали готовиться к восстанию. На кожевенном заводе они создали многочисленную боевую дружину.

На совместном совещании таганрогских большевиков и левых эсеров было решено в благоприятный момент начать восстание; для руководства им был образован городской ВРК<sup>11</sup>. Большевики города на общем собрании своей организации решили не входить в ВРК<sup>12</sup>.

Между тем события в Таганроге развивались следующим образом. 17 января жертвой юнкеров стал другой рабочий. Это было последней каплей, переполнившей чашу возмущения пролетариата Таганрога. Заводские гудки призвали рабочих к оружию. В ночь на 18 января состоялось собрание большевиков, левых эсеров, анархистов и наиболее активных беспартийных рабочих, на котором обсуждался вопрос о техническом руководстве вспыхнувшим восстанием. Собрание постановило образовать инициативную группу для технического руководства восстанием и обратиться через исполком Таганрогского Совета к юнкерам с требованием сдать оружие и покинуть город. Уже в ходе восстания окончательно сконструировался Таганрогский военно-революционный комитет, в состав которого вошли: председатель — руководитель городской большевистской организации А. Глушков, заместитель председателя — левый эсер И. Зайцев, гражданский комиссар — член горкома РСДРП(б) В. Стернин, военный комиссар — левый эсер И. Родионов, который был одновременно и начальником штаба Красной гвардии Таганрога<sup>13</sup>.

Попытки меньшевиков и правых эсеров «уладить кон-

фликт» провалились. Их представители от исполкома Таганрогского Совета, находившегося еще в руках соглашателей и городской думы, а также делегация объединенного правительства, к которой примкнули представители Донского казачьего ВРК Я. Лагутин и И. Скачков, выезжали на заводы, но найти «общий язык» с рабочими они уже не могли. На металлургическом заводе так встретили соглашателей, что им едва удалось спастись от самосуда. Большевики объявили рабочим о создании органа восстания и призвали к вооруженной борьбе с контрреволюцией<sup>14</sup>.

18 января все заводы и фабрики Таганрога приостановили работу. Пролетариат начал вооруженную борьбу против юнкеров. Революционный порыв был настолько един, что даже безоружные рабочие шли в бой, надеясь добыть в нем винтовку. Женщины, подростки и дети помогали красногвардейцам, доставляя им боеприпасы, продовольствие, устраивая баррикады, выполняя обязанности связных и т. д.<sup>15</sup> Восставшим рабочим помогали крестьяне: снабжали продовольствием, а жители Николаевки даже организовали боевую дружину, которая, прибыв в Таганрог, активно участвовала в боях с юнкерами<sup>16</sup>. В результате двухдневных ожесточенных боев с юнкерами 20 января вооруженное восстание таганрогского пролетариата победило.

Почти одновременно с таганрогскими рабочими на борьбу против калединской диктатуры поднялся пролетариат Ростова и станции Батайск. 12 января общее собрание рабочих и служащих Ростовского депо большинством голосов постановило: «Признать и всемерно поддержать власть народных комиссаров... как выражающую и защищающую волю и интересы трудового класса». 13 января на заседании Ростовского Совета рабочих депутатов руководитель большевистской фракции Г. П. Фадеев-Васильев сделал доклад о воронежском и каменском съездах. Депутат А. И. Орлов от имени большевистской фракции предложил признать ВРК в Донской области. Однако меньшевики и правые эсеры большинством голосов отклонили эту резолюцию<sup>17</sup>.

17 января добармия по политическим и военным соображениям была вынуждена передислоцироваться из Новочеркасска в Ростов, откуда удобнее было вырваться из окружения. Ростовский пролетариат с негодованием

воспринял это известие. Рабочие фабрик Асмолова, «Жесть», мельницы Парамонова требовали удаления добровольческих отрядов из города, освобождения политических заключенных<sup>18</sup>. В этот же день забастовали рабочие станции Батайск, руководимые большевиками. Железнодорожный узел был парализован<sup>19</sup>. Батайский стачечный комитет послал делегатов за поддержкой на станцию Тихорецкую в штаб 39-й революционной дивизии и ВРК и к ростовским железнодорожникам. Большевики Тихорецкой выделили для железнодорожников Батайска большую партию оружия, которое тайно в паровозных тендерах доставлялось забастовщикам<sup>20</sup>.

18 января общее собрание рабочих и служащих Главных Владикавказских железнодорожных мастерских, депо и всего Ростовского узла одобрило борьбу батайских железнодорожников с калединцами и призвало от слов перейти «к реальным действиям». Резолюция осуждала соглашательскую политику главного железнодорожного комитета и выносила ему недоверие. Собрание предложило «объявить забастовку на электрических станциях, трамвае, печатникам и всей революционной демократии». Для руководства забастовкой был избран стачечный комитет. Объединенное войсковое правительство ввело военное положение в Ростове<sup>21</sup>. Но остановить борьбу ростовского пролетариата этой мерой калединцы были бессильны. Это мероприятие еще более обострило обстановку в городе. В ночь на 19 января все паровозы были выведены из строя: Ростовский железнодорожный узел был полностью парализован.

19 января в столовой Главных Владикавказских железнодорожных мастерских собралось до 4 тыс. бастующих железнодорожников. Банда офицеров и юнкеров ворвалась в столовую и открыла стрельбу. Было убито семь рабочих и несколько ранено<sup>22</sup>. Кровавая расправа вызвала гневный протест трудящихся города. На объединенном заседании Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов, фабзавкомов и профсоюзов было единогласно принято решение объявить с утра 20 января трехдневную всеобщую городскую забастовку-протест. Большевики стремились, чтобы забастовка проходила в боевом наступательном духе, и предложили продолжать ее без ограничения времени. Однако соглашатели отвергли это предложение. В своем воззва-

нии городской стачечный комитет потребовал от Каледина снять военное положение, освободить политических заключенных, прекратить бесчинства добровольческой армии и предать суду всех виновников расстрела рабочих. Ультиматум железнодорожников к объединенному правительству содержал аналогичные требования<sup>23</sup>.

20 января началась забастовка. Не работали заводы и фабрики, остановился трамвай. Стремясь сорвать забастовку и внести раскол в ряды рабочих, калединское правительство обещало срочно рассмотреть предъявленные ему требования. Однако меньшевики, вынужденные под напором возмущенных трудящихся масс принять участие в забастовке, всячески сдерживали революционный порыв пролетариата города. Соглашатели, захватив в свои руки руководство городским стачечным комитетом, стремились к тому, чтобы забастовка не вышла за мирные рамки<sup>24</sup>. В результате городская забастовка-протест не переросла в более высокую форму классовой борьбы, направленную против калединско-корниловской контрреволюции. Тем не менее ростовский пролетариат вынудил объединенное правительство снять военное положение в городе. 24 января в объединенном правительстве произошел раскол, два его члена от неказачьей части Боссе и Кожанов вышли в отставку<sup>25</sup>. В условиях наступления революционных войск и мощного выступления трудящихся Дона против калединского режима соглашатели покидали «тонущий корабль».

Металлурги Сулина и шахтеры Александровск-Грушевского были единодушны в своих решениях с таганрогскими и ростовскими рабочими. 15 января собрание рабочих Сулинского металлургического завода выразило недоверие эсеро-меньшевистскому Совету и приняло большевистскую резолюцию о переходе власти к Совету рабочих депутатов<sup>26</sup>. Соглашательский Совет подал в отставку. 25 января газета «Вольный Дон», касаясь положения в Сулинском и Александровск-Грушевском горных районах, вынуждена была признать, что население враждебно относится к Каледину: портит железнодорожные пути, телеграфные и телефонные линии, вооружается.

12 января 1918 г. объединенное правительство в обстановке нарастающего движения донского крестьянства против помещичьего землевладения предписало земельным комитетам немедленно приступить к учету и описи

подлежащих отчуждению земель и к охране их до окончательного разрешения вопроса о распределении земель. Одновременно, выступив против разгрома и самочинных захватов экономий, оно объявило, что открывающийся в феврале большой войсковой круг и съезд казацкого населения укажут порядок разрешения аграрного вопроса на Дону<sup>27</sup>. Однако эти обещания не могли сбить нарастающую волну крестьянского движения. 15 января крестьяне разгромили ряд помещичьих имений вблизи Азова. В Ростовском округе не прекращался захват семенных запасов<sup>28</sup>, в Таганрогском округе продолжалась экспроприация крестьянами хлеба и скота у помещиков. Иногородние жители станицы Новониколаевской на сходе потребовали упразднения казачьего сословия и раздела казачьих земель, к которому скоро и приступили. Особенно сильное движение, направленное против помещичьего землевладения и коннозаводчиков, развернулось в Сальском округе, где крестьяне разгромили ряд имений. Активную роль в этом играли батрацкие элементы, обслуживающие крупные сельскохозяйственные предприятия. В районе Таганрога наступавшим революционным войскам Сиверса активно помогали крестьяне Матвеева-Кургана, Демидовки, Александровки, Ротовки и других сел<sup>29</sup>.

Не считаясь с обстановкой, Каледин продолжал политику неотчуждаемости всех казачьих земель. Постановление объединенного правительства от 12 января он вернул на доработку, указав на необходимость четкой редакции этого положения<sup>30</sup>. 16 января войсковое правительство опубликовало закон о земле, принятый Учредительным собранием (этот закон в какой-то мере касался и отчуждения казачьих земель), но вскоре разъяснило, что это лишь проект и «во избежание недоразумений считает своим долгом довести до сведения населения области, что постановление Учредительного собрания о земле не успело стать законом»<sup>31</sup>. Калединская контрреволюция даже законы, принятые Учредительным собранием, считала слишком радикальными.

На северо-востоке Дона в казачьих округах 12 января эшелоны царичынских красногвардейцев во взаимодействии с революционными казаками 20-го Донского полка заняли станцию Себряково и слободу Михайловку на линии Царицын — Поворино. В слободе Михайловке был

организован ВРК, который в приветствии Моссовету заявил, что признает только власть Советов. Образованный в Усть-Медведецкой окружной ВРК 22 января потребовал «немедленного ухода от власти войскового правительства в полном составе, выбора нового войскового Круга на одинаковых основаниях с коренным крестьянским населением, дабы прекратить гражданскую войну на берегах родного Дона»<sup>32</sup>.

Прибывшие с фронта в Усть-Медведецкий округ казачьи части переходили на сторону революции. Казаки 32-го Донского полка под командованием Ф. К. Миронова на станции Себряково постановили: признать власть СНК, не расходиться по домам и «вести борьбу с контрреволюционными войсками Каледина и К<sup>0</sup> до тех пор, пока власть на Дону не будет вырвана из рук Каледина и передана трудовому народу». В течение нескольких дней железнодорожная линия Царицын — Себряково была освобождена казачьими фронтовыми полками совместно с царицынскими красногвардейцами от калединцев<sup>33</sup>.

Аналогично развивались события и в соседнем, Хоперском округе, где прибывшие с фронта 18-й и 35-й Донские казачьи полки в середине января свергли власть атамана в станице Урюпинской, выпустили из тюрьмы руководителей большевистской организации станицы А. Г. Селиванова, А. М. Селиверстова и других, арестованных калединцами за попытку восстания еще в ноябре 1917 г., изгнали партизан генерала Потоцкого и, организовав окружной ВРК, провозгласили Советскую власть<sup>34</sup>. Однако руководство ревкомом оказалось в руках левозеро-эсеро-большевистского большинства<sup>35</sup>. Руководитель Хоперской окружной большевистской организации А. М. Селиверстов в анкете делегата VII съезда РКП(б) отметил, что «ВРК признал власть СНК под условием, если его декреты не будут противоречить самобытным условиям Донской области»<sup>36</sup>. Он сообщил, что Совет рабочих депутатов создан в Урюпинской, Советы крестьянских депутатов — во всех волостях и станицах, а Советы казачьих депутатов — лишь кое-где.

Особенно быстро процесс организации Советов шел в местностях Донской области, прилегающих к Царицыну, где после уездного съезда Советов влияние пролетариата и его партии чувствовалось весьма ощутимо. Так,

16 января жители хуторов Поперечного, Крайних Греков, Б. Кужного, Н. Кужного, Васильева, Бударок, Солонки, Чабаков и Ивановского на общем собрании постановили признать «власть в стране трудового народа в лице Советов» и осудили калединский мятеж<sup>37</sup>. 29 января общее собрание рабочих и служащих станции Калач приветствовало власть СНК, заявив, что оно поддерживает его деятельность «всеми имеющимися средствами»<sup>38</sup>. В начале января на станции Морозовской местные большевики с помощью коммунистов, присланных из Царицына, организовали собрание рабочих железнодорожного депо, иногородних и казаков и избрали Совет рабочих и крестьянских депутатов во главе с Донсковым<sup>39</sup>. 30 января 1918 г. С. И. Сырцов в телеграмме ЦК РСДРП(б) и СНК сообщил: «Революционное движение широко разлилось по северным округам с двойной силой», Советы уже образованы в Котельниково, Михайловской, Морозовской, Урюпинской и Усть-Медведецкой, а в двух последних функционировали окружные ВРК, которые взяли власть в свои руки<sup>40</sup>.

Несколько позже Советы были образованы в станицах Кременской, Раздорской, Иловлинской, Качалинской, Анненской, Тепикинской, Филоновской, хуторе Фролове и др. Часто организаторами Советов в станицах и хуторах были солдаты и матросы, вернувшиеся с фронта. Так, в станице Платовской по инициативе группы фронтовиков был образован Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов во главе с председателем Сорокиным (старшим) и заместителем С. М. Буденным, который предложил «станичному атаману убирать вон»<sup>41</sup>.

Январское наступление советских войск сочеталось с мощной борьбой пролетариата, крестьянства и трудового казачества Дона, направленной против кровавого калединского режима, за установление власти Советов. Перешедшие в решительное наступление 25 января группировки войск Ю. В. Саблина и Г. К. Петрова в течение двух дней заняли Гуково, Зверевое, Лихую, Сулин. 28 января революционные войска освободили Каменскую, а 31 января — станции Горную, Шахтную и Каменоломни. 17 февраля газета «Известия революционных войск» (орган штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России В. А. Антонова-Овсеенко) писала: «Местное



население и рабочие встречают наши войска с энтузиазмом. В Горной встречены оркестрами музыки и хлебом-солью. В Шахтной тоже при огромном стечении народа». К наступающим войскам присоединилось много рабочих. Так, по свидетельству А. В. Мокроусова, в его черноморский революционный отряд влилось подавляющее большинство сулинских рабочих, которые, будучи вооружены, приняли активное участие в борьбе с калединцами<sup>42</sup>. Аналогично поступили железнодорожники станции Глубокой, шахтеры Несветая и горняки ряда других рудников. Одновременно с войсками Саблина и Петрова с востока по линии Царицын — Лихая начали наступать эшелоны царицынских красногвардейцев, которые стали занимать станцию за станцией. 26 января сводный царицынский отряд совместно со 2-м пешим казачьим батальоном и частями 23-го и 40-го казачьих полков заняли станцию Чир и станицу Нижнечирскую. 27—28 января были освобождены станции Тацинская и Белая Калитва<sup>43</sup>. В конце января царицынская группировка, громя на своем пути калединцев и присоединяя революционные казачьи части, вышла по Донецкой линии к Лихой и соединилась с войсками Саблина. Таким образом, северные округа Донской области оказались отрезанными от войскового правительства в Новочеркаске, которое потеряло контроль и управление над ними.

31 января С. И. Сырцов информировал СНК, ВЦИК и В. А. Антонова-Овсеенко о занятии советскими войсками Шахтной и Каменоломень и о том, что «путь Лихая — Царицын в революционных руках». Он сообщал, что Донской ВРК организовал первый поезд в 60 вагонов угля, который отправлен на север<sup>44</sup>. В ответной телеграмме В. И. Ленин писал С. И. Сырцову: «Получил Вашу телеграмму от 31/1 о взятии Шахтной и Каменоломень. Приветствую успехи советских войск. Особенно благодарю за сообщение о посылке 60 вагонов угля через Царицын. Убедительно прошу сообщать телеграфом номера поездов с углем и хлебом и точные часы и дни отправки. Крайне важно. Посылайте больше хлеба»<sup>45</sup>. В освобожденных от калединцев северных районах области наряду с установлением власти Советов важной задачей большевиков была организация эшелонов с топливом и продовольствием для Петрограда, Москвы и других городов Центральной России.

28 января Антонов-Овсеенко в обстановке нарастающего наступления революционных войск докладывал СНК: «Советские войска разбили калединцев под Таганрогом и Каменской. Таганрог взят. станции Лихая, Звереве, Сулин на пути к северу от Новочеркасска заняты победоносными революционными войсками. В Новочеркасске и Ростове смятение. С юга к Ростову двинуты полки Кавказской армии. Наступление братских объединенных войск трудового казачества и советских продолжается»<sup>46</sup>. В результате наступления советских войск с запада, севера и востока, поддержанного борьбой трудящихся Дона против калединщины, дни контрреволюционного режима были сочтены.

В борьбе с калединским мятежом большую роль сыграла Всероссийская чрезвычайная комиссия. В начале 1918 г. в Петрограде, Москве и других городах органы ВЧК раскрыли ряд белогвардейских подпольных центров, связанных с калединско-корниловским движением на Дону. Контрреволюционные организации «Все для родины», «Белый крест», «Черная точка», «Союз реальной помощи», ЦКБОО, «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину» занимались вербовкой офицеров, снабжением их деньгами и переправкой в лагерь мятежников<sup>47</sup>. Пресечение органами ВЧК антисоветской заговорщической деятельности этих организаций способствовало борьбе с калединской авантурой.

### **Агония калединщины**

Современные буржуазные фальсификаторы истории Ю. Борис, Р. Пайпс и другие, игнорируя процесс складывания внутреннего антикалединского фронта, пытаются доказать, что Советскую власть на Дону установила якобы «оккупационная армия» В. А. Антонова-Овсеенко. Однако многочисленные документы и даже свидетельства самих главарей контрреволюционного мятежа опровергают эти утверждения.

В конце января события в мятежном лагере развивались с кинематографической быстротой. 28 января Каледин в своем последнем воззвании к казакам сетовал, что казачьи части, расположенные в северных округах Дона,

в союзе с большевиками выступили против его правительства. Атаман вынужден был признать, что всюду «развал строевых частей достиг последнего предела... Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края» и поэтому войсковое правительство «принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей», но «их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным», если все казаки не поспешат им на помощь<sup>1</sup>. Как показали дальнейшие события, казаки оказались к этому призыву глухи.

В ночь на 29-е Калединым была получена телеграмма из Ростова от Корнилова. В ней сообщалось, что добрармия, не получая помощи, вынуждена покинуть пределы Донской области<sup>2</sup>. Одновременно приходит донесение о том, что на Новочеркасск надвигаются советские войска. В такой обстановке 29 января открылось последнее закрытое заседание объединенного правительства. Каледин признает: «...положение вещей должно быть признано безнадежным... Я получил сведения, что по грунтовым дорогам на город движется противник. Эти сведения застают нас врасплох. Командный состав добрармии нашел необходимым оттянуть части армии с фронта... Борьба и сопротивление в дальнейшем бесцельны. Я слагаю с себя полномочия атамана и полагаю, что то же самое следует сделать и членам правительства»<sup>3</sup>. Председатель объединенного войскового правительства М. Богаевский поддержал атамана: «Если население идет не за одно с нами, если мы нигде не встречаем поддержки, — мы должны уйти. Я повторяю слова атамана: борьба бесцельна. Я слагаю с себя полномочия»<sup>4</sup>. Остальные члены правительства присоединились к выступавшим. В последнем постановлении калединское правительство призывает все свои части: не оказывать сопротивления наступающим войскам СНК; войсковому атаману и объединенному правительству сложить полномочия; войти в переговоры с советскими войсками; до созыва войскового круга и съезда неказачьего населения руководство текущими делами области и подготовку организации общей краевой власти возложить на временный областной общественный комитет порядка, составленный из представителей городского самоуправления Новочеркасска, новочеркасского станичного правления, областного

военного комитета и других организаций по выбору трех первых<sup>5</sup>. Одновременно Каледин отдает приказ походному атаману генералу Назарову прекратить сопротивление советским войскам<sup>6</sup>. Потерпев полное банкротство, Каледин покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме генералу Алексееву он горько сетует: «Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага»<sup>7</sup>.

Между тем постановление объединенного правительства юридически не было оформлено. Глава его М. Богаевский с провокационной целью скрылся. 20 февраля, выступая на малом войсковом круге перед бегством из Новочеркаска, он заявил: «Не все еще потеряно, казачество не погибло, больше того, будущее казачество еще впереди... Надо до конца сохранить самообладание». Надеясь, что «выстрел Каледина» разбудит Дон и поднимет казаков против власти Советов, сподвижники Каледина считали отставку объединенного правительства «прыжком вверх ногами в окно из горящего здания». В станице Новочеркасской им удалось вновь избрать походным атаманом сложившего свои полномочия Назарова. Следует приказ о всеобщей мобилизации в станицах и хуторах и создании казачьего ополчения для борьбы с большевиками<sup>8</sup>.

30 января собрание съехавшихся на созываемый большой войсковой круг депутатов от станиц и частей объявило себя правомочным разрешать вопросы текущего момента и постановило избрать войсковым атаманом генерала Назарова со всей полнотой военной и гражданской власти впредь до открытия большого войскового круга и образования им новой власти. Одновременно походным атаманом был избран генерал Попов. Пришедшая к власти группировка аннулировала последнее постановление объединенного правительства, признав идею паритета ошибочной. Наделенный неограниченными полномочиями диктатора, генерал Назаров объявил Ростов на осадном положении, а всю область на военном. В ночь на 31 января был разгромлен Совет рабочих депутатов в Новочеркасске<sup>9</sup>.

Еще Каледин, пытаясь расширить свою социальную базу, пошел на то, чтобы был созван съезд неказачьего населения области. Но теперь, в условиях победоносного наступления советских войск, эта мера оказалась неэффективной. На съезд неказачьего населения области явилось всего несколько делегатов. Таким образом крестьянство продемонстрировало свое отношение к контрреволюционному режиму. Даже эсеровско-меньшевистские думы городов области не прислали на съезд своих делегатов. Поэтому невозможно было провести даже частное совещание<sup>10</sup>. Трудовое казачество также отказало в доверии новоиспеченному атаману; в результате проведение большого войскового круга было сорвано. Только после того как с большим трудом удалось собрать 165 реакционно настроенных делегатов, необходимых для кворума, был открыт 19 февраля малый войсковой круг. Объявив себя верховной государственной властью в Донской области, круг пытался провести всеобщую мобилизацию казаков для борьбы с большевиками, грозя жестокими карами всем, кто будет противиться его мероприятиям<sup>11</sup>. Лихорадочные попытки контрреволюционного сборища как-то исправить положение приносили мало пользы. Трудящиеся Донской области игнорировали решения малого круга, так как они государственными органами власти признавали Советы, которым и подчинялись. Поток бумажных резолюций круга не мог отсрочить гибель контрреволюции. Планы генерала Назарова, который с помощью круга хотел вовлечь трудовое казачество в борьбу против Советской власти, оказались построенными на песке. Последняя надежда калединцев рухнула, когда 6-й Донской казачий полк, прибывший с германского фронта и поставленный оборонять Новочеркасск у Персиановки, бросил боевые позиции, объявил нейтралитет и разошелся по домам<sup>12</sup>. Ни одна регулярная часть не выполняла приказы генерала Назарова. Лишь белоказачьи партизанские отряды и части добровольческой армии оказывали сопротивление революционным войскам.

В февральском наступлении советских войск приняли участие революционные части, расположенные на Ставрополье и Кубани. Нужно отметить, что Антонов-Овсенко «именем революции и полномочиями от СНК» еще 15 января пытался двинуть части 39-й дивизии в наступ-

ление из Тихорецкой на Ростов и из Торговой на Царицын. Но тогда попытка не увенчалась успехом. В частности, это объяснялось слабостью большевистского влияния в частях дивизии и отсутствием руководящего центра по координации боевых операций революционных частей Ставрополя и Кубани против контрреволюции на данном участке фронта. В этих условиях советское командование считало необходимым, чтобы группу войск на Северном Кавказе возглавил назначенный или избранный главнокомандующий. В связи с этим штаб обороны Царицына, казачья военная секция при Царицынском Совете рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов совместно с бюро областного ВРК Донской области избрали командующим Юго-Восточным фронтом хорунжего А. И. Автономова и членами штаба большевиков И. П. Бабкина и М. И. Равиковича, которых командировали на станцию Тихорецкую. Большую роль в организации штаба Юго-Восточного фронта сыграли руководители большевиков Царицына С. К. Минин и Я. З. Ерман, которые еще ранее установили связь с 39-й дивизией в Тихорецкой<sup>13</sup>.

Автономов, Бабкин, Равикович совместно с руководством Совета и ВРК станции и 39-й дивизии провели в Тихорецкой совещание, на котором в штаб Юго-Восточного фронта были дополнительно включены большевики М. К. Меньшиков, В. А. Максимов, Г. Чеботарев, Алехин и левые эсеры Коротков и Внуков. Заседание обсудило вопросы о приведении частей 39-й дивизии в боевую готовность и подготовке наступления на Ростов. В целях мобилизации 39-й дивизии на борьбу с Калединым в полки выехала группа коммунистов для агитационной работы<sup>14</sup>. Революционные солдаты на митингах и собраниях с пониманием относились к призыву большевиков о подготовке к наступлению против мятежников. Делегатское совещание солдат Бакинского полка, заслушав представителей штаба дивизии, единогласно постановило «войти в подчинение Революционному штабу Юго-Восточного фронта и ожидать терпеливо... приказаний штаба великой революционной армии»<sup>15</sup>. В опубликованном 25 января 1918 г. приказе № 1, обращенном к революционным солдатам и казакам Юго-Восточного фронта, содержался призыв помочь своим северным братьям в борьбе с каледицами и предписывалось «привести

себя в полную боевую готовность и ждать сигнала выступления». Большую помощь революционным войскам в борьбе с контрреволюцией оказали рабочие-железнодорожники Тихорецкого депо, которые подготовили два бронепоезда<sup>16</sup>.

Аналогичная работа проводилась большевиками Ставрополя. Вместе с прибывшей за подмогой делегацией рабочих-железнодорожников Батайска они объехали воинские части гарнизона и убедили солдат воздержаться временно от демобилизации и «сходить в поход на помощь рабочим Дона». Таким путем из многочисленного Ставропольского гарнизона удалось сформировать четыре батальона из солдат-добровольцев во главе с губернским военкомом Н. А. Анисимовым и начальником гарнизона В. И. Сохацким. 28 января четыре эшелона 112-го пехотного полка выехали из Ставрополя в Тихорецкую, где руководители отряда большевики Н. А. Анисимов и В. И. Сохацкий были включены в состав штаба Юго-Восточного фронта и вошли в подчинение главнокомандующему А. И. Автономову. А через несколько дней из Ставрополя на калединский фронт было послано подкрепление в 720 человек с артиллерийской батареей<sup>17</sup>.

27 января в штаб Юго-Восточного фронта прибыл руководитель Ростово-Нахичеванской подпольной большевистской организации С. А. Дунаевский. Советское командование, сообщив ему свои планы и сроки наступления на Ростов, рекомендовало в целях облегчения продвижения революционных войск готовить пролетариат к вооруженному восстанию, для чего организовать временный городской ВРК. По свидетельству Дунаевского, с этим планом согласились городские подпольные большевистский и левоэсеровский комитеты Ростова. 15 февраля (2 февраля старого стиля) на Темернике был организован ВРК, который выделил комиссию разведки и связи, организации и вооружения Красной гвардии, а также два штаба (на случай провала), в распоряжении которых было до 200 вооруженных рабочих<sup>18</sup>.

В ночь на 14 февраля части Юго-Восточного фронта, погрузившись в эшелоны на станции Тихорецкой, начали наступление против донской контрреволюции. Группировка советских войск в составе 112-го Ставропольского запасного пехотного полка и 153-го Бакинского полка

39-й дивизии с приданной артиллерией и бронепоездом под командованием Н. А. Анисимова и В. И. Сохацкого 14 февраля подошла к Батайску, расположенному в 10 километрах южнее Ростова. В результате ожесточенного боя станция и село Батайск были освобождены от белогвардейцев. Большую помощь революционным войскам оказали железнодорожники Батайска, которые под руководством местных большевиков подняли вооруженное восстание в тылу у противника<sup>19</sup>. Однако развить свой успех революционные войска не смогли. Белые, взорвав несколько железнодорожных мостов и дамбу, закрепились у станции Заречной, на левом берегу Дона. С занятием Батайска артиллерия Юго-Восточного фронта начала обстрел позиций противника в Ростове. На станциях Крыловской, Каял, Койсуг, Батайск крестьяне окрестных сел снабжали советские части продовольствием, фуражом и всем необходимым<sup>20</sup>.

Наступление Юго-Восточного фронта на юге Донской области способствовало активизации сторонников Советской власти в этом районе. Большевики Азова с помощью боевой дружины разоружили штаб 235-го запасного полка и организовали ревком во главе с коммунистом Сидошенко. Группа фронтовиков станицы Великокняжеской избрала окружной Совет на паритетных началах, в который вошли по 10 человек от крестьян и казаков. Для укрепления своей власти Совет пригласил революционные войска, стоявшие на станции Торговой. 14 февраля 156-й Елизаветпольский полк во главе с Алехиным без боя занял станицу Великокняжескую. На станции был создан железнодорожный ревком, который послал делегатов в Царицын за оружием<sup>21</sup>.

Между тем обстановка на Ростовском и Новочеркасском направлениях складывалась следующим образом. 28 января после занятия Таганрога группировка войск Сиверса, не останавливаясь, продолжала с боями наступать на Ростов. Калединцы, сжигая станции и разрушая железную дорогу, 28 января оставили станцию Морскую. 14 февраля В. А. Антонов-Овсеенко в телеграмме В. И. Ленину сообщал о положении на фронте: «Калединцы отброшены на юге к Чалтырю в 19 верстах от Ростова, на севере к Александровск-Грушевскому в 25 верстах от Новочеркасска. Предстоят решительные бои». Информировав о самоубийстве Каледина, он заме-



тил: «Явная подготовка нового политического хода: обход пролетарской революции»<sup>22</sup>.

Утомленные многодневными ожесточенными боями с белыми, советские войска, испытывая острый недостаток в людских резервах, продовольствии, фураже и боеприпасах, вынуждены были приостановить наступление. Ночной контратакой у станции Синявской, между Ростовом и Таганрогом, каледины сдержали натиск советских частей, на Новочеркасском направлении отбили станцию Каменоломни. Отрезанная в районе Каменской группа генерала Усачева, пройдя по тылам советских войск, прорвалась на юг. 16 февраля В. А. Антонов-Овсеенко в телеграмме В. И. Ленину, объясняя причины заминки в наступлении советских войск, отмечал, что «страшная распутица на юге и порча железных дорог мешают быстрому натиску на Ростов»<sup>23</sup>. Но затишье на Ростовском направлении длилось недолго. В связи с прибытием в распоряжение Р. Ф. Сиверса 3-го Курземского латышского стрелкового полка под командованием большевика К. Я. Калныня и 18-го Сибирского полка обстановка изменилась в пользу советских войск. Штаб группы Сиверса начал подготовку для решительного штурма Ростова. 17 февраля Антонов-Овсеенко в связи с четко обозначившимися направлениями наступления и в целях поднятия дисциплины в войсках утвердил Автономова командующим юго-восточным участком Донского фронта, Сиверса — командующим всеми революционными войсками, действующими на Ростовском направлении, и Саблина — командующим северным участком фронта, подчинив ему отряды Петрова<sup>24</sup>.

19 февраля части Сиверса заняли села Султан Салы, Крым, Чалтырь, станцию Хопры и вышли на ближние подступы к Ростову. На северном участке войска Саблина после ожесточенного боя снова захватили станцию Каменоломни и подошли к Персиановке<sup>25</sup>. 10-й и 27-й казачьи полки, составлявшие так называемый Северо-казачий революционный отряд, под командованием Голубова на крайнем левом фланге заняли станицы Раздорскую, Мелеховскую, Бессергеновскую и устремились к Новочеркаску.

В условиях победоносного наступления советских войск и частей революционного казачества 19 февраля Донской областной ВРК и Донской казачий ВРК орга-

низационно слились, образовав единый областной ВРК. Председателем его стал Ф. Г. Подтелков, заместителем — С. И. Сырцов. Это мероприятие способствовало укреплению союза рабочего класса, крестьянства и трудового казачества. В телеграмме СНК Донской областной ВРК писал, что «объединение казачьего и неказачьего комитетов является отражением того единства, которое спаяло трудовые массы»<sup>26</sup>.

В связи с наступлением на западе войск германского империализма В. И. Ленин 21 февраля потребовал от Антопова-Овсенко: «Немедленно взять Ростов и Новочеркасск. Послать на это дело благонадежных петроградских красногвардейцев около 2000 человек»<sup>27</sup>. Ответная телеграмма гласила: «По возможности будет исполнено. Сопrotивление контрреволюционеров отчаянное»<sup>28</sup>. В 3 часа ночи на 22 февраля войска Сиверса пошли на решительный штурм оборонительных позиций противника у Ростова. Советские части наступали тремя колоннами. На правом фланге, упиравшемся в реку Мертвый Донец, вдоль железной дороги наступала первая группа войск под командованием Крачковского, в которую входили отряды Московский, Ярославский, Новгородский, Невельский, Гатчинский, Потапова, а также сформированный из иностранных военнопленных отряд «Интернационал» — всего 950 штыков, три артиллерийские батареи из 10 орудий и бронированная железнодорожная площадка с четырьмя легкими орудиями. В стыке между правой и центральной группами наступала конница под командованием Кришьяна в составе конного латышского отряда и отрядов Багнюка и Дашкевича. Центральная группировка, наступавшая от сел Чалтырь и Крым, состояла из 3-го Курземского полка и 18-го Сибирского полка Иващенко при 13 орудиях. Левая группировка, вышедшая из сел Султан Салы и Большие Салы, состояла из 1-го Черноморского конного отряда в 150 всадников при четырех орудиях, 240 всадников драгунского полка с конной батареей и 120 всадников уланского полка 4-й кавдивизии. В общем резерве штаб Сиверса оставил в районе Чалтыря Петроградскую Красную гвардию Трифонова и отряд Степанова<sup>29</sup>. К 12 часам дня советские войска, сломив упорное сопротивление белогвардейцев, заняли станицу Гниловскую, в нескольких километрах к западу от Ростова. К 14 часам бро-

шенные в бой резервы захватили кирпичный и цементный заводы и достигли окраины города. В этот день последовало новое предписание СНК о немедленном взятии Ростова<sup>30</sup>.

22 февраля вечером части добровольческой армии и партизанские отряды белоказаков прекратили сопротивление советским войскам в западной части города. Опасаясь окружения и полного уничтожения, генерал Корнилов отдал приказ об отступлении из Ростова. Под покровом ночи добрармия и партизанские отряды ушли на станицу Аксайскую, где переправились на левый берег Дона. По воспоминаниям генералов Деникина и Лукомского, из Ростова с Корниловым ушло на Кубань 3—4 тыс. человек. Отступление из Ростова добрармии, по свидетельству белогвардейцев, ускорило то обстоятельство, что 22 февраля казаки под Гниловской не только бросили позиции и поставили корниловский полк под удары революционных войск, перешедших через Дон по льду у станицы Елизаветинской, но и даже стреляли по отступающим корниловцам.

На Темернике, пролетарской окраине Ростова, началось выступление вооруженных рабочих<sup>31</sup>. В ночь с 22 на 23 февраля отряды вооруженных рабочих под руководством подпольного городского ВРК, в который входили большевики Дунаевский, Орлов, Власов и другие, захватили помещение штаба отступившей добрармии. Утром здесь уже работал штаб Красной гвардии Ростова<sup>32</sup>.

23 февраля, по всей вероятности не позже утра, В. И. Ленин в экстренной телеграмме потребовал от В. А. Антонова-Овсеенко: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов»<sup>33</sup>. Утром войска Сиверса заняли Темерник и ростовский вокзал, оставленные белыми. В 13 час. 30 мин. Сиверс сообщал командующему войсками Батайской группировки: «Станция Ростов и часть западного района города заняты нашими войсками. Прочие части города необследованы... Прошу Вас главные силы двинуть в Ростов, а один сильный отряд в ст. Ольгинскую»<sup>34</sup>. Высланная Сиверсом разведка установила, что противник оставил город.

Днем 23 февраля советские войска, приветствуемые трудящимися, церемониальным маршем прошли по центральной улице города. 24 февраля ростовская газета «Рабочее дело» по этому поводу писала: «Около 14 ча-

сов появились первые эшелоны революционных войск, встречаемые восторженными криками «ура» высыпавших на улицу многочисленных толп народа». По свидетельству Е. А. Трифонова, «Петроградский отряд Красной гвардии составлял передовой авангард Сиверса и первым вступил в Ростов»<sup>35</sup>. Наряду с петроградскими красногвардейцами большую роль в освобождении Ростова сыграли латышские стрелки 3-го Курземского полка и сибиряки 18-го полка.

23 февраля 1918 г.\* Антонов-Овсеенко в ответ на ленинское требование взять Ростов телеграфировал из Зверево: «Целиком согласен с Вами. Участь Новочеркаска и Ростова решена... Ростов уже наш, и теперь идет ликвидация калединской авантюры...»<sup>36</sup>

25 февраля экстренное объединенное собрание Совета рабочих депутатов и фабзавкомов, приветствовав своих освободителей — войска российской революции, признало власть СНК и постановило, что отныне вся полнота власти в Ростове и Нахичеване принадлежит Совету. В качестве исполнительного органа для установления революционного порядка в городе собрание временно, до перевыборов Совета, избрало городской ВРК во главе с коммунистом П. Жук, в который вошло 9 большевиков и 6 левых эсеров<sup>37</sup>.

23 февраля отряды царицынских красногвардейцев под командованием И. В. Тулака перешли границу Донской области, заняли станции Жутово и Чилеково и начали наступление по железнодорожной магистрали Царицын — Торговая. 27 февраля революционные отряды заняли Котельниково. В начале марта Царицынский штаб обороны сообщил: «От Царицына до Великокняжеской линия освобождена от калединцев»<sup>38</sup>.

В связи с уходом добармии из Ростова и вступлением в город советских войск, появлением частей Саблина в окрестностях Новочеркаска, Персиановки, а также провалом мобилизации казаков на борьбу с Советской властью воинственный пыл у малого войскового

---

\* Анализ документов (в частности ростовской газеты «Рабочее дело» от 23(10) и 24(11) февраля 1918 г.), относящихся ко времени боев за Ростов, свидетельствует о том, что город был освобожден 23 февраля. Однако до сих пор в исторической литературе вслед за В. А. Антоновым-Овсеенко («Записки о гражданской войне», т. 1, стр. 260) датой взятия Ростова принято считать 24 февраля.

круга иссяк. 23 февраля он приходит к выводу, что «для дальнейшей борьбы у Войскового круга нет достаточно реальных сил» и что «наступил момент для пересмотра вопроса о продолжении борьбы»<sup>39</sup>.

24 февраля делегация малого войскового круга встретилась в Ростове с Антоновым-Овсеенко. Делегация считала «конфликт исчерпанным», в виду того что все вопросы, его порождавшие, были, по ее мнению, решены. Она предложила даже прекратить военные действия «ввиду наступления немецких войск», но при этом требовала не вводить советские войска в Новочеркасск и поставила условие беспрепятственного созыва краевого съезда всего населения области<sup>40</sup>. Антонов-Овсеенко заявил, что революционные войска будут продолжать военные действия против корниловских войск, так как те находятся в окрестностях Ростова. Что касается остальных вопросов, то на них можно ответить лишь после согласования с Советским правительством. О результатах переговоров с делегацией малого войскового круга В. А. Антонов-Овсеенко сообщал: «Центральным вопросом является вопрос об автономии Дона с правом самостоятельности разрешения земельного вопроса»<sup>41</sup> — и просил немедленного совета. В ответной телеграмме 28 февраля Ленин рекомендовал: «... пусть полномочный съезд городских и сельских Советов всей Донской области выработает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею»<sup>42</sup>.

Другая делегация Круга вела в штабе Ю. В. Саблина аналогичные переговоры. Отвечая на вопрос относительно прекращения военных действий, Саблин заявил, что они могут быть приостановлены при условии разоружения добрармии и партизанских отрядов, удаления Корнилова, Алексеева, Родзянко и всех беглых офицеров из пределов Дона и несопротивления советским войскам при вступлении в Новочеркасск<sup>43</sup>.

25 февраля утром полуторатысячный белоказачий отряд при 40 пулеметах и пяти орудиях под командованием походного атамана Попова покинул Новочеркасск и, переправившись у станицы Старочеркасской на левый берег Дона, направился в Сальские степи.

25 февраля днем в Новочеркасске малый войсковой круг собрался на свое последнее заседание. Назаров

охарактеризовал создавшееся положение как безвыходное и предложил распустить круг, заявив: «Я не могу быть атаманом, ибо нет сил у меня, на которые я мог бы опереться. Я атаман только на бумаге». Вечером 10-й и 27-й казачьи революционные полки под командованием Голубова вошли в Новочеркасск. Круг был разогнан, а его руководители арестованы<sup>44</sup>. На следующий день в город вступили революционные войска Саблина. По случаю разгрома калединского мятежа В. И. Ленин 28 февраля в телеграмме В. А. Антонову-Овсеенко приветствовал победителей<sup>45</sup>. Атакованная извне советскими войсками и изнутри рабочими, крестьянами и революционным фронтовым казачеством, калединщина потерпела крах. На Дону установилась Советская власть.

Первый этап борьбы Республики Советов с контрреволюционными силами в гражданской войне закончился «победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону»<sup>46</sup>. Но уже в апреле — мае на Дону вспыхнул мятеж Краснова. Пожалуй, ни в одной части страны гражданская война не достигала такого накала, как здесь. В течение двух лет на необъятных донских просторах шли кровопролитные сражения, в ходе которых нередко решались судьбы Республики Советов. И только в начале 1920 г. на Дону окончательно установилась Советская власть.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каковы же причины краха калединского мятежа? Разгром калединской авантюры был обусловлен всем объективным ходом развития социалистической революции в стране, развитием революции на Дону в частности. Партия большевиков объединила и направила «к единой цели различные революционные потоки: социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционную борьбу крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов, всенародное требование мира и прекращения кровавой империалистической войны»<sup>1</sup>. Эта мощная река всенародного движения разрушила на своем пути здание российского капитализма, похоронив под его развалинами и остатки феодализма.

В ленинских трудах с исчерпывающей полнотой объясняются причины поражения всероссийской контрреволюции в период триумфального шествия Советской власти. 25 февраля 1918 г. В. И. Ленин писал: «Победы на внутреннем фронте дались сравнительно легко, ибо неприятель не обладал никаким перевесом ни техники, ни организации, не имея притом под ногами никакой экономической базы, никакой опоры в массах населения»<sup>2</sup>. Выступая 14 марта на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин отметил, что «гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось»<sup>3</sup>. Таким образом, главная причина поражения всероссийской контрреволюции заключалась в узости ее социальной базы, в антинародном, антисоветском характере деятельности. В. И. Ленин, вскрыв причины краха всероссийской контрреволюции и закономерности первого этапа гра-

жданской войны, отметил своеобразие ее хода в некоторых великорусских частях России, в частности в казачьих областях, где ввиду особого состава населения «Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы...»<sup>4</sup>. Поэтому, говорил В. И. Ленин, в этих районах «движение к победе шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в Москве — в центре России»<sup>5</sup>. Замедленный темп и своеобразие пути к торжеству Советской власти в этих местах обуславливались социально-экономическими и политическими причинами. Однако В. И. Ленин подчеркивал в ходе борьбы с контрреволюционным восстанием, что «внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри»<sup>6</sup>, а после краха мятежа отмечал в марте 1918 г., что и здесь подавляющее большинство народа даже среди казачества перешло на сторону большевиков и Советов<sup>7</sup>. В. И. Ленин говорил, что гражданская война показала «контрреволюционерам, даже главарям донских казаков, на которых больше всего рассчитывали, что их дело потеряно, потому что большинство народа везде против них»<sup>8</sup>.

Победа социалистической революции и установление Советской власти в Центральной России явились решающим фактором разгрома калединско-корниловского мятежа. Калединская авантюра потерпела поражение потому, что с первого до последнего дня мятежа рабочий класс Ростова, Таганрога, Сулина, Макеевки, Александровск-Грушевского и других горняцких районов области вел непрерывно разнообразные формы и методы борьбы против атаманской диктатуры. С декабря пролетариат активно поддержало мощное движение донского крестьянства, направленное на ликвидацию помещичьего землевладения и войскового правительства. В январе 1918 г. основные массы трудового казачества, и в первую очередь казаки-фронтовики, отошли от Каледина и перешли на сторону революции. Борьбой трудящихся Дона за власть Советов руководили большевики, которые являлись организаторами выступлений народных масс против калединщины.

Социальной опорой калединцев были кулацкие верхи казачества. Однако на первых порах в мятеже участвовала и часть обманутого трудового казачества. Поэтому Коммунистическая партия большое внимание уделяла



политическому воспитанию казачьих масс. Этому способствовала правильная политика ЦК РСДРП(б) и СНК по отношению к трудовому казачеству и большая агитационная работа, развернутая на этой основе большевиками среди рядовых казаков. В. И. Ленин отмечал, что борьба с контрреволюцией в те дни «соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»<sup>9</sup>. Собственный жизненный опыт, связанный с развитием революционного процесса в стране, выразившийся в осознании казаками своих классовых интересов, ленинская программа мира, вся политика Советской власти в целом привели трудовое казачество на сторону Советов, что явилось определяющей причиной быстрого краха мятежа.

Октябрьская революция, пролетарская по своему содержанию, была вместе с тем революцией подлинно народной. Она наряду с основными социалистическими задачами радикально разрешала неотложные задачи демократического развития. А в этом было заинтересовано и казачество, представлявшее особую, специфическую часть русского крестьянства, отягощенную рядом повинностей полуфеодалного характера.

Калединская авантюра потерпела поражение и потому, что трудящиеся нашей страны, проявляя пролетарскую интернациональную солидарность со своими братьями по классу на Дону, приняли активное участие в ликвидации этой авантюры. Вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов, окружив Донскую область со всех сторон и изолировав ее от других очагов контрреволюции, повели решительное наступление против мятежников. Таким образом, разгром калединского мятежа — результат совместной борьбы вооруженных сил Советской республики и рабочего класса, крестьянства и трудового казачества Дона.

Нужно отметить, что в этот период два враждебных блока, участвовавшие в первой мировой империалистической войне, не могли выделить серьезных сил против социалистической революции. Поэтому Октябрьская революция «все это время шла как бы в независимости от международного империализма»<sup>10</sup>. Несмотря на то что американские и англо-французские империалисты

плели нити заговоров против Советской власти и оказывали материальную поддержку мятежникам, в целом их помощь белому движению на Дону была в это время малоэффективной.

Вдохновителем и организатором борьбы против калединского мятежа была Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным, которая подняла трудящихся на разгром основного очага всероссийской контрреволюции и привела их к победе. Крах калединщины означал провал планов внутренней и международной реакции, стремившейся превратить Дон в плацдарм всероссийской контрреволюции и использовать казачество против Советской власти.

Ликвидация наиболее опасного очага всероссийской контрреволюции подводила черту под первым периодом гражданской войны. А это означало новый этап развития Советской России. С провалом заговора всероссийской реакции и ее составной части — калединской контрреволюции, заключением Брестского мирного договора с Германией страна получила мирную передышку. Это открывало перед трудящимися Советской республики возможность перехода к мирному социалистическому строительству.

«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, — учит В. И. Ленин, — если она умеет защищаться...»<sup>11</sup> На XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал: «Опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии... Но все это в конечном счете обречено на провал. Дело свободы, дело прогресса — непобедимо»<sup>12</sup>.

Исторический опыт борьбы в период триумфального шествия Советской власти с крупнейшим кадетско-калединским контрреволюционным мятежом учит тому, что трудящиеся, взявшие власть в свои руки, должны в интересах ее сохранения и упрочения быть начеку в отношении любых происков сил реакции, жаждущих вернуть утраченное, стремящихся к классовому реваншу. Они должны быть всегда готовы сокрушить силы старого мира, пытающиеся повернуть вспять колесо истории.

## Введение

<sup>1</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 230.

<sup>2</sup> А. А. Френкель. Орлы революции. Ростов-на-Дону, 1920; «Октябрь 1917 г.». Сб. статей и воспоминаний. Ростов-на-Дону, 1921; «Пролетарская революция на Дону», сб. 1, 2. Ростов-на-Дону, 1922; сб. 4. М.—Л., 1924; «Октябрь в Таганроге». Таганрог, 1927; «Борьба с каледищиной (По документам белых). Декабрь 1917—январь 1918 г.». Таганрог, 1929; «Революция на Дону (Ростовское восстание с 15 ноября по 2 декабря 1917 г.)». Таганрог, 1930.

<sup>3</sup> В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924.

<sup>4</sup> С. Венцов, С. Белицкий. Красная гвардия. М., 1924; Н. Какурин. Как сражалась революция. 1917—1918, т. 1. М.—Л., 1925.

<sup>5</sup> Н. Л. Янчевский. Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. 1. Ростов-на-Дону, 1927; И. Борисенко. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г., т. 1. Ростов-на-Дону, 1930.

<sup>6</sup> Э. Генкина. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940; И. Разгон. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920 гг. М., 1941.

<sup>7</sup> П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко. Очерки истории большевистских организаций на Дону. Ростов-на-Дону, 1948.

<sup>8</sup> «История гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1935; т. 2. М., 1943.

<sup>9</sup> «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1958; Н. Гончаренко. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963; Л. И. Берз, К. А. Хмелевский. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1964; «Очерки истории большевистских организаций Дона. 1898—1920». Ростов-на-Дону, 1965; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1. М., 1967; «История СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917—1920 гг.», т. VII. М., 1967; «История Дона. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней». Ростов-на-Дону, 1967; И. И. Минц. История Великого Октября. Триумфальное шествие Советской власти, т. 3. М., 1972; «Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920», ч. 1. Ростов-на-Дону, 1973; В. Н. Иванова. Аграрные отношения на Дону в период Октябрьской революции и гражданской войны. Ноябрь 1917—март 1921 г.

АКД. М., 1965; В. Н. Сергеев. Политическое банкротство мелкобуржуазных партий на Дону (март 1917 — февраль 1918 г.). АКД. Ростов-на-Дону, 1971.

<sup>10</sup> Т. М. Колишер В. И. Ленин і розгром каледінщини. — «Український історичний журнал», 1965, № 4; Г. В. Малащенко. Шахтеры Дона в борьбе за разгром Каледина и установление Советской власти на Дону (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). — «Труды Новочеркас. политехн. ин-та им. Серго Орджоникидзе», т. 56/70. Новочеркасск, 1957; Ю. К. Кириенко. Каменский съезд фронтового казачества. — «История СССР», 1964, № 5; его же. Ворожежское совещание делегатов Советов Дона (7—9 января 1918 г.). — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы». Серия общественных наук, 1973, № 2; Е. Е. Ефремов. Из истории первых большевистских организаций на Дону. — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 5.

<sup>11</sup> Ю. К. Кириенко. Итоги выборов в Учредительное собрание на Дону. — «История СССР», 1970, № 1; его же. Подготовка «второй корниловщины» на Дону. — «Вопросы истории», 1973, № 10.

<sup>12</sup> Д. С. Бабичев. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов-на-Дону, 1969.

<sup>13</sup> К. А. Хмелевский и др. Освещать историю по-ленински (По поводу книги о донском казачестве в революции). — «Дон», 1970, № 7; В. П. Наумов. Летопись героической борьбы (Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР). М., 1972, стр. 432—433; Л. М. Спири. Российская Коммунистическая партия (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции (Историография. 1957—1972 гг.). — «Из истории гражданской войны и интервенции. 1917—1922 гг.». Сб. статей. М., 1974, стр. 49.

<sup>14</sup> К. А. Хмелевский. Историография Октябрьской революции и гражданской войны на Дону. — «Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе». Сб. статей. Ростов-на-Дону, 1972, стр. 59—60; Л. М. Спири. Указ. статья. — «Из истории гражданской войны и интервенции. 1917—1922 гг.», стр. 53.

<sup>15</sup> Т. Н. Шипелина. Разгром каледінщини. — «Вопросы истории», 1970, № 10; Г. В. Малащенко, В. Н. Сергеев. К вопросу о тактике большевиков Ростова по отношению к мелкобуржуазным партиям (октябрь — ноябрь 1917 г.). — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы». Серия общественных наук, 1974, № 4.

<sup>16</sup> «Очерки географии Всевеликого войска Донского». Новочеркасск, 1919, стр. 14, 350.

<sup>17</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 3978, л. 3, 5.

<sup>18</sup> Ю. И. Серый. Состав и положение рабочего класса Дона накануне Октябрьской революции (1914—1917 гг.). — «Октябрьская революция на Дону». Сб. статей. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 60, 94.

<sup>19</sup> Л. Берз, К. Хмелевский. Указ. соч., стр. 10.

<sup>20</sup> Ю. И. Серый. Промышленность и транспорт Дона в 1914—1917 гг. — «Очерки экономического развития Дона (1861—1917)». Ростов-на-Дону, 1960, стр. 152.

<sup>21</sup> «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.». Сб. док. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 130.

<sup>22</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 219.

<sup>23</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 402.

<sup>24</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 297; т. 34, стр. 219.

<sup>25</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 3978, л. 7.

- <sup>26</sup> Там же.  
<sup>27</sup> В. Н. Иванова. Указ. АКД, стр. 5.  
<sup>28</sup> Там же, стр. 7.  
<sup>29</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 315.  
<sup>30</sup> В. А. Золотов. Аграрные отношения на Дону в 1907—1917 годах. — «Очерки экономического развития Дона (1861—1917)», стр. 35.  
<sup>31</sup> «Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет». Ростов-на-Дону, 1940, стр. 143.  
<sup>32</sup> «Очерки экономического развития Дона (1861—1917)», стр. 36.  
<sup>33</sup> «Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет», стр. 146.  
<sup>34</sup> «Очерки экономического развития Дона (1861—1917)», стр. 43.  
<sup>35</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 219, 326.

## Глава первая

### Казачья контрреволюция в канун и дни Великого Октября

#### Подготовка «второй корниловщины» на Дону

- <sup>1</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 219.  
<sup>2</sup> См. там же, стр. 383, 387—390.  
<sup>3</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 128.  
<sup>4</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 220.  
<sup>5</sup> R. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N. Y., 1967, p. 215; П. Миллюков. Россия на переломе, т. 1. Париж, 1927, стр. 42.  
<sup>6</sup> Ю. И. Игрицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974, стр. 192—193.  
<sup>7</sup> «Вольный Дон», 5 сентября 1917 г.  
<sup>8</sup> «Вольный Дон», 10 сентября 1917 г.  
<sup>9</sup> «Вольный Дон», 8 сентября 1917 г.  
<sup>10</sup> «Постановления второго донского войскового большого круга. 5—14 сентября 1917 г.». Новочеркасск, 1917, стр. 2—4.  
<sup>11</sup> ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 251, л. 349, 351; ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 382, л. 20.  
<sup>12</sup> Цит. по: Н. Я. Иванов. В. И. Ленин о «второй корниловщине». — «Вестник ЛГУ», 1970, № 2, вып. 1. История, язык, литература, стр. 22.  
<sup>13</sup> ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 260, л. 16; «Вольный Дон», 10 и 12 сентября 1917 г.  
<sup>14</sup> «Постановления второго донского войскового большого круга. 5—14 сентября 1917 г.», стр. 6, 8—9.  
<sup>15</sup> «Вольный Дон», 30 сентября 1917 г.  
<sup>16</sup> Там же.  
<sup>17</sup> «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1970, стр. 511—512.  
<sup>18</sup> А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1922, стр. 101.  
<sup>19</sup> ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 251, л. 319, 320.  
<sup>20</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 62.

- 21 М. Я. Запорожец. Коммунисты Макеевки в борьбе за победу и укрепление Советской власти. Донецк, 1961, стр. 123.
- 22 «Речь», 16 сентября 1917 г.
- 23 ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 251, л. 201.
- 24 Там же, л. 290.
- 25 ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 58.
- 26 «Ростовская речь», 1 октября 1917 г.
- 27 «Речь», 5 октября 1917 г.
- 28 «Вольный Дон», 12 октября 1917 г.
- 29 ГАКК, ф. Р-6, д. 23, л. 21—23.
- 30 Там же, л. 14, 20.
- 31 «Вольный Дон», 18 октября 1917 г.
- 32 «Вольный Дон», 11 октября 1917 г.
- 33 «Речь», 14 октября 1917 г.
- 34 Н. М. Мельников. А. М. Каледин — герой луцкого прорыва и донской атаман. Мадрид, 1968, стр. 125.
- 35 «Вольность», 14 октября 1917 г.
- 36 ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 22, л. 134—135.
- 37 «Вольность», 18 октября 1917 г.
- 38 Научная библиотека РГУ. Отдел рукописей. Воспоминания П. М. Агеева. «1917 год», 1923, л. 73.
- 39 «Речь», 18 октября 1917 г.
- 40 «Вольный Дон», 24 октября 1917 г.
- 41 «Речь», 19 октября 1917 г.; «Вольный Дон», 24 октября 1917 г.
- 42 «Вольный Дон», 28 октября 1917 г.; «История гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1939, стр. 258.
- 43 «Правда», 12 декабря 1917 г.
- 44 В. Владимирова. Революция 1917 года. Хроника событий. Август — сентябрь, т. IV. Л., 1924, стр. 153.
- 45 В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 205.
- 46 ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 27, л. 10.
- 47 «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 85.
- 48 «Вестник Временного правительства», 18 октября 1917 г.
- 49 «Белое дело», т. 1. Берлин, 1926, стр. 80.
- 50 «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Док. и матер. М., 1957, стр. 242.
- 51 «Постановления донского войскового малого круга. 2—7 августа 1917 г.». Новочеркасск, 1917, стр. 5—6.
- 52 «Вольный Дон», 5 сентября 1917 г.
- 53 «Голос Донской земли», 27 октября 1917 г.
- 54 «Вольный Дон», 10 октября 1917 г.
- 55 Там же.
- 56 «Ростовская речь», 10 сентября, 5 и 21 октября 1917 г.; «Приазовский край», 10 сентября 1917 г.
- 57 «Речь», 13 октября 1917 г.
- 58 В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 393.
- 59 «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) (август 1917 — февраль 1918)». М., 1958, стр. 94.
- 60 В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 404, 410.
- 61 «Владикавказская конференция юго-восточных областей (16—21 октября 1917 г.)». Владикавказ, 1917, стр. 9.
- 62 «Вольная Кубань», 29 октября 1917 г.
- 63 «Донская волна», 1919, № 25 (53), стр. 10.
- 64 «Донская летопись» (Белград), 1923, № 2, стр. 284—285.

<sup>65</sup> Цит. по: *М. И. Капустин*. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957, стр. 200.

<sup>66</sup> ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 251, л. 212—213, 224.

<sup>67</sup> *М. И. Капустин*. Указ. соч., стр. 200.

<sup>68</sup> «Киевская мысль», 22 октября 1917 г.

<sup>69</sup> *П. Поздеев*. Октябрьский переворот и Всероссийский фронтовой казачий съезд. — «Пролетарская революция», 1922, № 4, стр. 55.

<sup>70</sup> «Вольный Дон», 29 октября 1917 г.

<sup>71</sup> «Вольность», 10 октября 1917 г.

<sup>72</sup> «Вольность», 19 октября 1917 г.

<sup>73</sup> «Вольность», 17 октября 1917 г.

<sup>74</sup> «Вольный Дон», 24 октября 1917 г.

<sup>75</sup> «Вольный Дон», 22 октября 1917 г.

<sup>76</sup> *Н. Суханов*. Записки о революции, кн. 6. Берлин, 1923, стр. 279.

<sup>77</sup> *Р. Ш. Ганелин*. Россия и США. 1914—1917. Л., 1969, стр. 392—394.

<sup>78</sup> «Документы Раймонда Робинса». — «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 121.

<sup>79</sup> «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Овермэнской комиссии» сената». М.—Л., 1927, стр. 143.

<sup>80</sup> *А. В. Игнатъев*. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966, стр. 377—378.

<sup>81</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.)». Сб. док. М., 1957, стр. 336—337.

<sup>82</sup> «Приазовский край», 17 и 21 октября 1917 г.

<sup>83</sup> «Голос Донской земли», 24 октября 1917 г.

<sup>84</sup> Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.), стр. 339, 340.

<sup>85</sup> *В. В. Модестов*. Рабочие Донбасса в трех русских революциях. М., 1974, стр. 233.

<sup>86</sup> Подробнее о положении на Дону в сентябре — октябре 1917 г. и борьбе большевиков области против калединской контрреволюции см.: «Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920», ч. 1; *Л. Берз, К. Хмелевский*. Указ. соч.

### **Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и казаки**

<sup>1</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 266.

<sup>2</sup> Там же, стр. 389.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> См. там же, стр. 281.

<sup>5</sup> См. там же, стр. 14, 27—28, 46, 74, 76, 127, 130.

<sup>6</sup> См. там же, стр. 266.

<sup>7</sup> Там же, стр. 285.

<sup>8</sup> «Утро России», 8 октября 1917 г.

<sup>9</sup> «Утро России», 13 и 14 октября 1917 г.

<sup>10</sup> «Русские ведомости», 15 октября 1917 г.

<sup>11</sup> «Вестник партии народной свободы» (№ 28), 30 ноября 1917 г., стр. 9—10.

<sup>12</sup> «Вольный Дон», 10 ноября 1917 г.

- <sup>13</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 21, л. 8; «Приазовский край», 10 ноября 1917 г.
- <sup>14</sup> ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 15, л. 3, 10, 20, 55; ЦГА СО АССР, ф. Р-2, д. 1, л. 89.
- <sup>15</sup> «Вольность», 10 октября 1917 г.
- <sup>16</sup> «Вольность», 11 октября 1917 г.
- <sup>17</sup> «Речь», 17 октября 1917 г.
- <sup>18</sup> «Государственное совещание. Стенографический отчет». М.—Л., 1930, стр. 74—75.
- <sup>19</sup> *К. Рябинский*. Революция 1917 года. Хроника событий. Октябрь, т. V. М.—Л., 1926, стр. 133.
- <sup>20</sup> «Социал-демократ», 22 октября 1917 г.
- <sup>21</sup> ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 13, л. 2.
- <sup>22</sup> «Районные Советы Петрограда в 1917 году», т. III. М.—Л., 1966, стр. 20.
- <sup>23</sup> «Вольность», 15 октября 1917 г.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> «Вольность», 19 октября 1917 г.
- <sup>26</sup> «Речь», 20 октября 1917 г.
- <sup>27</sup> «Вольность», 18 октября 1917 г.
- <sup>28</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 22, л. 144.
- <sup>29</sup> ЦГАОР, ф. 1239, оп. 1, д. 4, л. 4—6, 9.
- <sup>30</sup> «Новая жизнь», 15, 18, 19 октября 1917 г.
- <sup>31</sup> «Рабочая газета», 17 октября 1917 г.; «Дело народа», 19 и 20 октября 1917 г.
- <sup>32</sup> «Вольность», 21, 25 октября 1917 г.
- <sup>33</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет». Док. и матер., т. I. М., 1966, стр. 56, 61; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 226.
- <sup>34</sup> «Солдатская правда», 21 октября 1917 г.; «Листовки петроградских большевиков. 1917—1920», т. 3. Л., 1957, стр. 101—102.
- <sup>35</sup> Цит. по: *А. Шамаро*. Последнее воскресенье старого мира. — «Наука и религия», 1968, № 4, стр. 17.
- <sup>36</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 62.
- <sup>37</sup> «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 22 октября 1917 г.
- <sup>38</sup> «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 170.
- <sup>39</sup> *Б. М. Кочаков*. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — «Ученые записки ЛГУ», 1956, № 205. Серия исторических наук, вып. 24, стр. 75; *Г. Л. Соболев*. Петроградский гарнизон в 1917 г. (Численность, состав, вооружение, расположение). — «Исторические записки», 1971, т. 88, стр. 66.
- <sup>40</sup> ГАРО, ф. 855, оп. 1, д. 60, л. 22.
- <sup>41</sup> *О. Владимиров*. Из Петрограда на Дон (Из жизни 1-го Донского казачьего полка). — «Казачьи думы» (София), 1923, № 6, стр. 6.
- <sup>42</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 314.
- <sup>43</sup> «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 257.
- <sup>44</sup> Там же, стр. 272.
- <sup>45</sup> «Вольность», 13 октября 1917 г.
- <sup>46</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 388.
- <sup>47</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 4. М., 1973, стр. 396; *Н. И. Подвойский*. Год 1917-й. М., 1958, стр. 103; *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 281.



- <sup>48</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 281.
- <sup>49</sup> А. И. Верховский. Россия на Голгофе. Петроград, 1918, стр. 138.
- <sup>60</sup> Niessel. Le Triomphe des Bolchéviks et la Paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917—1918. Paris, 1940, p. 60.
- <sup>51</sup> «Вольный Дон», 31 октября 1917 г.
- <sup>52</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 7.
- <sup>53</sup> «Вольность», 22 октября 1917 г.
- <sup>54</sup> «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 2. Л., 1967, стр. 279.
- <sup>55</sup> «Вольность», 22 октября 1917 г.
- <sup>56</sup> «Правда», 7 ноября 1917 г.
- <sup>57</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 22, л. 221.
- <sup>58</sup> «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 2, стр. 279.
- <sup>59</sup> Д. Бьюкенен. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата, т. 2 Берлин, 1924, стр. 151; А. Клох. With the Russian Army. 1914—1917, vol. II. London, 1921, p. 719.
- <sup>60</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 434.
- <sup>61</sup> «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 24 октября 1917 г.
- <sup>62</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 70—71, 92—93.
- <sup>63</sup> Там же, стр. 82, 332.
- <sup>64</sup> «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) (август 1917 — февраль 1918)», стр. 121.
- <sup>65</sup> А. Ф. Керенский. Гатчина. М., 1922, стр. 8.
- <sup>66</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 23, л. 103.
- <sup>67</sup> Там же, л. 98.
- <sup>68</sup> «Речь», 25 октября 1917 г.
- <sup>69</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 91, л. 248.
- <sup>70</sup> Там же.
- <sup>71</sup> Там же; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 399, 593.
- <sup>72</sup> «Оренбургский казачий вестник», 4 ноября 1917 г.
- <sup>73</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 91, л. 248.
- <sup>74</sup> Там же, л. 249.
- <sup>75</sup> Там же.
- <sup>76</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 1.
- <sup>77</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 106.
- <sup>78</sup> «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 44.
- <sup>79</sup> «Речь», 26 октября 1917 г.; «Оренбургский казачий вестник», 5 ноября 1917 г.
- <sup>80</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 23, л. 107; «Дело Бориса Савинкова» М., 1924, стр. 11, 29, 87.
- <sup>81</sup> «Вольность», 26 октября 1917 г.
- <sup>82</sup> Там же.
- <sup>83</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 23, л. 82; «Оренбургский казачий вестник», 5 ноября 1917 г.
- <sup>84</sup> А. Ф. Керенский. Указ. соч., стр. 6. 25.
- <sup>85</sup> В. Б. Станкевич. Воспоминания. 1914—1919 гг. Л., 1926, стр. 138.
- <sup>86</sup> D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 180.

- <sup>87</sup> См. *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 250, 349.
- <sup>88</sup> «История гражданской войны в СССР», т. 2; *А. П. Константинов*. *В. И. Ленин — организатор разгрома контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова*. Л., 1959; *И. Г. Дыков*. *Разгром контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова*. М., 1960; *И. С. Лутовинов*. *Ликвидация мятежа Керенского — Краснова*. М., 1965; «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 2; *И. И. Минц*. *История Великого Октября*, т. 3, и др.
- <sup>89</sup> ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 202, л. 67—69.
- <sup>90</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти». Док. и матер., ч. 2. М., 1963, стр. 139—140.
- <sup>91</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 46
- <sup>92</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 12.
- <sup>93</sup> «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 193.
- <sup>94</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 326.
- <sup>95</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 36.
- <sup>96</sup> «Декреты Советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 20.
- <sup>97</sup> Там же, стр. 21—22.
- <sup>98</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 223.
- <sup>99</sup> Там же, стр. 283.
- <sup>100</sup> «Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва». М., 1918, стр. 8; «Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Краткий очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИК по октябрь 1919 г.)». М., 1919, стр. 17.
- <sup>101</sup> «Революция 1917 г. в исторических документах». Тифлис, 1930, стр. 158.
- <sup>102</sup> ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 1, л. 3.
- <sup>103</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 91, л. 56.
- <sup>104</sup> Там же, л. 78.
- <sup>105</sup> «Донская летопись» № 2, стр. 276.
- <sup>106</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2. М., 1966, стр. 61; «Рабочая газета», 29 октября 1917 г.; «Оренбургский казачий вестник», 5 и 12 ноября 1917 г.
- <sup>107</sup> «Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета». Сб. док. и матер. М., 1957, стр. 269.
- <sup>108</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 332.
- <sup>109—110</sup> Цит. по: *Д. Л. Голинков*. *Крах вражеского подполья*. М., 1971, стр. 29.
- <sup>111</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 339.
- <sup>112</sup> *А. Ф. Керенский*. Указ. соч., стр. 29.
- <sup>113</sup> «Солдатская правда», 31 октября 1917 г.
- <sup>114</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 1, стр. 574.
- <sup>115</sup> «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 805.
- <sup>116</sup> «Звезда» (Ревель), 3 ноября 1917 г.
- <sup>117</sup> «Вольный Дон», 9 ноября 1917 г.
- <sup>118</sup> «Приазовский край», 17 ноября 1917 г.
- <sup>119</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 40, стр. 9—10.
- <sup>120</sup> Там же, стр. 10.
- <sup>121</sup> ГАРО, ф. 855, оп. 1, д. 60, л. 26, 30.

<sup>122</sup> П. Голуб. Партия, армия и революция (март 1917 — февраль 1918). М., 1967, стр. 251.

<sup>123</sup> «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», стр. 616, 660.

<sup>124</sup> П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. Л., 1927, стр. 123.

<sup>125</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 390.

### Генерал Каледин начинает мятеж

<sup>1</sup> «Наш край. Из истории Советского Дона. Документы. Октябрь 1917—1965». Ростов-на-Дону, 1968, стр. 26.

<sup>2</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сб. док., т. 2. Киев, 1957, стр. 244, 270; «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сб. док. и матер. Сталино, 1957, стр. 193.

<sup>3</sup> «Наше знамя», 10 ноября 1917 г.

<sup>4</sup> «Наше знамя», 1 и 4 ноября 1917 г.

<sup>5</sup> ЦГАОР, ф. 1235, оп. 80, д. 7, л. 42.

<sup>6</sup> «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.». Сб. док. Ростов-на-Дону, 1957, стр. 149—150.

<sup>7</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 14; «Ростовская речь», 2 ноября 1917 г.

<sup>8</sup> «Наше знамя», 2 и 4 ноября 1917 г.

<sup>9</sup> «Вольный Дон», 26 октября 1917 г.

<sup>10</sup> «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.», стр. 145.

<sup>11</sup> «Вольный Дон», 28 октября 1917 г.

<sup>12</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 72.

<sup>13</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 140.

<sup>14</sup> «Наше знамя», 31 октября, 1 ноября 1917 г.

<sup>15</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)». Сб. док. М., 1957, стр. 234.

<sup>16</sup> «Наше знамя», 8 ноября 1917 г.

<sup>17</sup> «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Док. и матер. М., 1957, стр. 410—411.

<sup>18</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 32, л. 14.

<sup>19</sup> «Вольный Дон», 1 ноября 1917 г.

<sup>20</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 110.

<sup>21</sup> «Борьба за власть Советов на Дону. 1917—1920 гг.», стр. 147.

<sup>22</sup> «Вольный Дон», 4 ноября 1917 г.

<sup>23</sup> ГАРО. Книга приказов по войску Донскому, инв. № 14453, л. 1, 2.

<sup>24</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 235.

<sup>25</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 32, л. 29.

<sup>26</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 9.

<sup>27</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 211.

<sup>28</sup> «Белое дело», т. 1, стр. 78.

<sup>29</sup> «Ростовская речь», 10 ноября 1917 г.

<sup>30</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 9.

<sup>31</sup> «Приазовский край», 12 ноября 1917 г.

<sup>32</sup> «Ростовская речь», 7 ноября 1917 г.

<sup>33</sup> «Вольный Дон», 7 ноября 1917 г.

<sup>34</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 85, 95.

<sup>35</sup> «Постановления войскового правительства войска Донского по докладам Экономического совета при войсковом правительстве». Новочеркасск, 1918, стр. 1—3.

<sup>36</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 113.

<sup>37</sup> «Ведомости Ростовского н/Д. градоначальства», 23 ноября 1917 г.

<sup>38</sup> «Постановления войскового правительства войска Донского по докладам Экономического совета при войсковом правительстве», стр. 9, 11, 22.

<sup>39</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 234, 255.

<sup>40</sup> «Вольный Дон», 12 ноября 1917 г.

<sup>41</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 156—157.

<sup>42</sup> См. *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 80.

<sup>43</sup> «Вольный Дон», 12 ноября 1917 г.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> «Вольный Дон», 14 ноября 1917 г.; «Приазовский край», 12 ноября 1917 г.

<sup>47</sup> «Вольный Дон», 10 ноября 1917 г.

<sup>48</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 120; «Вольный Дон», 16 и 17 ноября 1917 г.

<sup>49</sup> «Вольный Дон», 15 ноября 1917 г.

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> «Приазовский край», 15 ноября 1917 г.

<sup>52</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 3, д. 8, л. 13; «Вольный Дон», 17 ноября 1917 г.

<sup>53</sup> «Приазовский край», 17 ноября 1917 г.

<sup>54</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 83.

## Глава вторая

### Борьба донского пролетариата против мятежников в ноябре 1917 г.

#### Расстановка и соотношение классовых сил на Дону

<sup>1</sup> «Наше знамя», 28 октября 1917 г.

<sup>2</sup> «Ростовская речь», 28 октября 1917 г.

<sup>3</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 85; «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 71; «Октябрь в Таганроге». Таганрог, 1927, стр. 16.

<sup>4</sup> «Голос Донской земли», 28 октября 1917 г.

<sup>5</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 232.

<sup>6</sup> «Рабочее дело», 5 ноября 1917 г.

<sup>7</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 234.

235, 254; «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 96; «Приазовский край», 4 ноября 1917 г.

<sup>8</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.)», стр. 410; ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г., стр. 6; «Наше знамя», 1 и 8 ноября 1917 г.

<sup>9</sup> «Правда», 26 ноября 1917 г.

<sup>10</sup> «Триумфальное шествие Советской власти», ч. II, стр. 154.

<sup>11</sup> «Свободное слово», 19 ноября 1917 г.

<sup>12</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 163.

<sup>13</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 18—19.

<sup>14</sup> «Рабочее дело», 4 января 1918 г.

<sup>15</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 16.

<sup>16</sup> ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, л. 64.

<sup>17</sup> «Ростовская речь», 18 и 19 ноября 1917 г.

<sup>18</sup> «Таганрогский вестник», 1 декабря 1917 г.

<sup>19</sup> «Рабочее дело», 4 января 1918 г.

<sup>20</sup> «Правда», 12 ноября 1917 г.; «Второй Всероссийский съезд Советов». Сб. док. М., 1957, стр. 242—243.

<sup>21</sup> «Таганрогский вестник», 1 декабря 1917 г.; «Очерки географии Всеволоцкого войска Донского». Новочеркасск, 1919, стр. 350.

<sup>22</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 163.

<sup>23</sup> «Ростовская речь», 18 и 19 ноября 1917 г.; «Вестник труда», 23 ноября 1917 г.

<sup>24</sup> «Ростовская речь», 17, 18, 19, 24 ноября 1917 г.; «Вестник труда», 23 ноября 1917 г.; «Рабочее дело», 21 ноября 1917 г.

<sup>25</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 1, д. 177, л. 21—23; «Наше знамя», 23 и 24 ноября 1917 г.; «Таганрогский вестник», 1 декабря 1917 г.; «Рабочее дело», 4 января 1918 г.

<sup>26</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 5.

<sup>27</sup> И. И. Минц. Указ. соч., стр. 497.

<sup>28</sup> «Ростовская речь», 28 октября и 7 ноября 1917 г.

<sup>29</sup> «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», стр. 241, 243, 259, 262, 267, 270, 277, 363.

<sup>30</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 54; ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 84, 99.

<sup>31</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 256.

### Попытка блока большевиков с мелкобуржуазными партиями

<sup>1</sup> «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8 ноября 1917 г.

<sup>2</sup> «Наше знамя», 7 ноября 1917 г.

<sup>3</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 96; ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 90.

<sup>4</sup> Цит. по: «Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920», ч. 1, стр. 387.

<sup>5</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 256.

<sup>6</sup> «Наше знамя», 15 ноября 1917 г.; «Рабочее дело», 15 ноября 1917 г.

<sup>7</sup> «Наше знамя», 15 ноября 1917 г.

- <sup>8</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 14.
- <sup>9</sup> «Свободное слово», 19 ноября 1917 г.
- <sup>10</sup> «Наше знамя», 17 ноября 1917 г.
- <sup>11</sup> Цит. по: «Очерки истории партийных организаций Дона. 1898—1920», ч. 1, стр. 389.
- <sup>12</sup> «Наше знамя», 17 ноября 1917 г.
- <sup>13</sup> Там же.
- <sup>14</sup> «Приазовский край», 17 ноября 1917 г.
- <sup>15</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 12.
- <sup>16</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 41, стр. 55.
- <sup>17</sup> «Свободное слово», 19 ноября 1917 г.
- <sup>18</sup> «Наше знамя», 30 ноября 1917 г.
- <sup>19</sup> «Рабочее дело», 17 и 21 ноября 1917 г.; «Ростовская речь», 18 ноября 1917 г.
- <sup>20</sup> «Рабочее дело», 25 ноября 1917 г.
- <sup>21</sup> «Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)». М., 1918, стр. 14.
- <sup>22</sup> «Рабочее дело», 26 ноября 1917 г.
- <sup>23</sup> «Приазовский край», 18 ноября 1917 г.
- <sup>24</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 97.
- <sup>25</sup> Там же, стр. 5.
- <sup>26</sup> «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917 г. — 1920 г.)». Сб. док. Киев, 1963, стр. 32.
- <sup>27</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 5.
- <sup>28</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 15.
- <sup>29</sup> «Наше знамя», 24 ноября 1917 г.; «Вольный Дон», 24 ноября 1917 г.
- <sup>30</sup> ГАРО, ф. 46, оп. 8, д. 8, л. 16; «Вольный Дон», 23 ноября 1917 г.
- <sup>31</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 148, л. 45; «Приазовский край», 24 ноября 1917 г.
- <sup>32</sup> «Рабочее дело», 23 ноября 1917 г.
- <sup>33</sup> Там же; «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», 25 ноября 1917 г.
- <sup>34</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 121.
- <sup>35</sup> «Приазовский край», 25 ноября 1917 г.
- <sup>36</sup> «Наше знамя», 26 ноября 1917 г.
- <sup>37</sup> «Рабочее дело», 23 ноября 1917 г.; *В. Волин*. Дон и Добровольческая армия. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 18.
- <sup>38</sup> «Ростовская речь», 3 декабря 1917 г.
- <sup>39</sup> «Наше знамя», 26 ноября 1917 г.
- <sup>40</sup> Там же; «Рабочее дело», 26 ноября 1917 г.
- <sup>41</sup> «Ростовская речь», 30 ноября 1917 г.
- <sup>42</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 153, л. 48; «Рабочее дело», 30 ноября 1917 г.
- <sup>43</sup> «Наше знамя», 26 ноября 1917 г.; «Зори» (Ростов-на-Дону), 1920, № 1, стр. 11.
- <sup>44</sup> *А. А. Френкель*. Указ. соч., стр. 8.
- <sup>45</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 69, 42.
- <sup>46</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 23, л. 196, 197.
- <sup>47</sup> «История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 419; «Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации». Орджоникидзе, 1969, стр. 59—61.

- 48 ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 367, л. 16.  
 49 Из личного архива И. В. Решеткова.  
 50 ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 153, л. 48.  
 51 «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 37—39, 41.  
 52 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 49—50; «Пол-  
 века борьбы и побед». Ростов-на-Дону, 1924, стр. 41—44.  
 53 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 41, стр. 59.  
 54 Там же.  
 55 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 34, стр. 133.

## Захват мятежниками Ростова и других районов Дона

- 1 *Н. М. Мельников*. Указ. соч., стр. 126—127.  
 2 ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 155, л. 8, 11.  
 3 «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3. М.,  
 1967, стр. 350—351.  
 4 Цит. по: *В. А. Антонов-Овсеенко*. Указ. соч., стр. 39.  
 5 «Донская волна», 1918, № 11, стр. 7.  
 6 ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 56, л. 144—145.  
 7 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 53.  
 8 «Биохроника В. И. Ленина», т. 5. М., 1974, стр. 84.  
 9 ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 11, л. 22, 23.  
 10 Там же, л. 2.  
 11 «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 157.  
 12 Там же.  
 13 Там же, стр. 155.  
 14 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 135.  
 15 «Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депута-  
 тов», 28 ноября 1917 г.  
 16 «Борьба за Советскую власть в Крыму (март 1917 г. — апрель  
 1918 г.)». Док. и матер., т. 1. Симферополь, 1957, стр. 124; «Моряки  
 в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 49.  
 17 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 188.  
 18 «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 49—  
 50.  
 19 «Наше знамя», 29 ноября и 2 декабря 1917 г.; «Известия Рос-  
 тово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», 2 де-  
 кабря 1917 г.  
 20 «Наше знамя», 28 ноября 1917 г.; «Пролетарская революция  
 на Дону», сб. 2, стр. 100.  
 21 «Наше знамя», 30 ноября 1917 г.; ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49,  
 л. 122.  
 22 «Октябрь 1917 г.», стр. 29; «Пролетарская революция на Дону»,  
 сб. 2, стр. 56.  
 23 ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 57, л. 37—38.  
 24 «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2,  
 стр. 111, 153, 185, 186, 193, 250; т. 3, стр. 190, 284, 317, 351, 366, 415.  
 25 Цит. по: *Н. Гончаренко*. Указ. соч., стр. 61.  
 26 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 50, стр. 361.  
 27 «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1.  
 М., 1941, стр. 38.  
 28 «Вольный Дон», 28 ноября 1917 г.

- 29 «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 161.
- 30 «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 92, 93.
- 31 «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 165, 166.
- 32 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 126.
- 33 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 181.
- 34 ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 15, л. 1; д. 16, л. 7; д. 17, л. 9; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 104.
- 35 «Октябрь в Таганроге», стр. 37, 26.
- 36 «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 214.
- 37 «Трагедия казачества (1917—1918 гг.)», ч. 1. Прага, 1933, стр. 58; «Вольный Дон», 4 января 1918 г.
- 38 «Вольная Кубань», 2 декабря 1917 г.
- 39 «Вольный Дон», 29 ноября, 5 и 13 декабря 1917 г.
- 40 «Вольный Дон», 28 ноября 1917 г.
- 41 «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 582; «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 131—132; «Вольный Дон», 30 ноября 1917 г.; ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 32, л. 130—133.
- 42 «Вольный Дон», 1 декабря 1917 г.
- 43 «Наше знамя», 1 и 2 декабря 1917 г.
- 44 «Ростовская речь», 1 декабря 1917 г.
- 45 «Донская волна», 1919, № 25 (53), стр. 12—13.
- 46 ЦГАВМФ, ф. 183, д. 21, л. 8; д. 28, л. 90.
- 47 «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов», 30 ноября и 2 декабря 1917 г.
- 48 «Вольный Дон», 3 декабря 1917 г.; «Ростовская речь», 8 декабря 1917 г.
- 49 «Октябрь 1917 г.», стр. 17.
- 50 «Рабочее дело», 3 декабря 1917 г.; «Ростовская речь», 3 декабря 1917 г.; ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 123.
- 51 «Вольный Дон», 5 декабря 1917 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 19.
- 52 «Известия Юга», 6 декабря 1917 г.
- 53 ГАМО, ф. 66, оп. 12, д. 4, л. 133.
- 54 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 287, л. 38.
- 55 «Рабочее дело», 9 декабря 1917 г.; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 191—192.
- 56 «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 133; «Таганрогский вестник», 8 декабря 1917 г.
- 57 «Вольный Дон», 5 декабря 1917 г.; ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 57, л. 51—52.
- 58 «Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 — апрель 1918 г)». Сб. док. и матер. Киев, 1962, стр. 103, 104; *Н. Гончаренко*. Указ. соч., стр. 59; ЦГАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 55, л. 17; «Вольный Дон», 13 декабря 1917 г.; *М. Я. Запорожец*. Указ. соч., стр. 153.
- 59 «Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 — апрель 1918 г.)», стр. 105.
- 60 «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 204.
- 61 «Донецкий пролетарий», 14 декабря 1917 г.
- 62 «Октябрь 1917 г.», стр. 18.



## В лагере контрреволюции

### Консолидация сил калединско-корниловской контрреволюции

- <sup>1</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 187; «Приазовский край», 8 декабря 1917 г.
- <sup>2</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 131.
- <sup>3</sup> «Постановления Большого войскового круга войска Донского 3-го созыва 2—13 декабря 1917 г.» (далее — «Постановления Большого войскового круга...»). Новочеркасск, 1917, стр. 2, 10, 17.
- <sup>4</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 132.
- <sup>5</sup> ЦГАОР, ф. 1256, оп. 1, д. 10, л. 19; ф. 1255, оп. 1, д. 6, л. 67, 70.
- <sup>6</sup> «Вольный Дон», 5 декабря 1917 г.
- <sup>7</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 30, л. 2, 11; «Постановления Большого войскового круга...», стр. 1—2, 12—13.
- <sup>8</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 30, л. 5; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 187, 192.
- <sup>9</sup> «Вольный Дон», 16 декабря 1917 г.
- <sup>10</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 30, л. 6, 17, 18.
- <sup>11</sup> Там же, л. 15, 18.
- <sup>12</sup> Там же, л. 18; «Постановления Большого войскового круга...», стр. 17.
- <sup>13</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 197, 199; ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 122, л. 6.
- <sup>14</sup> «Донская летопись» № 2, стр. 289; «Борьба за власть Советов в Северной Осетии (1917—1920 гг.)». Док. и матер. Орджоникидзе, 1957, стр. 26—27.
- <sup>15</sup> *А. И. Деникин*. Указ. соч., стр. 182.
- <sup>16</sup> «Донская волна», 1919, № 25 (53), стр. 10.
- <sup>17</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 227—228; «Донская волна», 1919, № 6 (34), стр. 11.
- <sup>18</sup> «Ростовская речь», 1 января 1918 г.; *А. И. Деникин*. Указ. соч., стр. 187.
- <sup>19</sup> «Ростовская речь», 1 января 1918 г.; «Начало гражданской войны. Мемуары. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» (далее — «Начало гражданской войны»), т. III. М.—Л., 1926, стр. 23.
- <sup>20</sup> «Известия революционных войск», 24 февраля 1918 г.
- <sup>21</sup> ЦГАОР, ф. 5856, оп. 1, д. 680, л. 68.
- <sup>22</sup> «Начало гражданской войны», т. III, стр. 30—31.
- <sup>23</sup> *В. Пронин*. Л. Г. Корнилов. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 37; *В. Кириллин*. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 15.
- <sup>24</sup> «Вольный Дон», 19 января 1918 г.
- <sup>25</sup> «Начало гражданской войны», т. III, стр. 21; *И. А. Гладков*. Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М., 1956, стр. 54; «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 327; *А. И. Деникин*. Указ. соч., стр. 192; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 208—209.
- <sup>26</sup> *А. И. Деникин*. Указ. соч., стр. 189.

<sup>27</sup> Б. В. Савицков. Борьба с большевиками. Варшава, 1920, стр. 21; А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 190.

<sup>28</sup> «Партийные известия», 1918, № 8, стр. 6; «Рабочее дело», 12 декабря 1917 г.

<sup>29</sup> «Вольный Дон», 2 января 1918 г.; «Приазовский край», 3 января 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 25.

<sup>30</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 202, 204; «Приазовский край», 3, 4 и 6 января 1918 г.

<sup>31</sup> «Приазовский край», 5 января 1918 г.

<sup>32</sup> ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 51, л. 11—33.

<sup>33</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 207—208.

<sup>34</sup> «Донская летопись» № 2, стр. 182; «Вольный Дон», 12 ноября 1917 г.

<sup>35</sup> «Ростовская речь», 16 января 1918 г.; «Приазовский край», 16 января 1918 г.

<sup>36</sup> Н. Г. Думова. Из истории кадетской партии в 1917 г. — «Исторические записки», 1972, т. 90, стр. 144.

### Роль империалистов Антанты и США в разжигании калединского мятежа и зарождении добровольческой армии

<sup>1</sup> См., например, R. H. Ullman. Intervention and the War. Anglo-Soviet Relations. 1917—1921, vol. 1. Princeton, 1961; I. Bradley. Allied Intervention in Russia. London, 1968.

<sup>2</sup> «Вольный Дон», 1 ноября 1917 г.; «Приазовский край», 31 октября 1917 г.

<sup>3</sup> I. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchévique (octobre 1917—juillet 1918). Zurich, 1918, p. 50.

<sup>4</sup> Дж. Бьюкенен. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата, т. 2. Берлин, 1924, стр. 151.

<sup>5</sup> «Вольный Дон», 16 ноября 1917 г.

<sup>6</sup> R. H. Ullman. Op. cit., p. 43—44.

<sup>7</sup> «Вольная Кубань», 26 ноября 1917 г.

<sup>8</sup> R. H. Ullman. Op. cit., p. 44, 46, 51; I. Bradley. Op. cit., p. 11—12; G. Brinkley. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia. 1917—1921. Notre Dame, Indiana, 1966, p. 27.

<sup>9</sup> «Терский вестник», 12 ноября 1917 г.

<sup>10</sup> Niessel. Le Triomphe des Bolchéviks et la Paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917—1918. Paris, 1940, p. 139; J. Bradley. Op. cit., p. 12.

<sup>11</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 119; «Октябрь 1917 г.», стр. 28.

<sup>12</sup> Niessel. Op. cit., p. 137.

<sup>13</sup> «Вольный Дон», 6 декабря 1917 г.

<sup>14</sup> «Вольный Дон», 14 ноября 1917 г.

<sup>15</sup> «Ростовская речь», 9 декабря 1917 г.

<sup>16</sup> «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 588—589.

<sup>17</sup> Ibid., p. 589, 607.

<sup>18</sup> Ibid., p. 606.

<sup>19</sup> В. Э. Вильямс. Американская интервенция в России в 1917—1920 гг. — «История СССР», 1964, № 4, стр. 176.

<sup>20</sup> «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914—1920», vol. II. Washington, 1940, p. 343—344.

- <sup>21</sup> «История СССР», 1964, № 4, стр. 176—177.
- <sup>22</sup> У. Черчилль. Мировой кризис. М., 1932, стр. 105, 50.
- <sup>23</sup> R. H. Ullman. Op. cit., p. 52, 56, 232; G. Brinkley. Op. cit., p. 27—28.
- <sup>24</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 18.
- <sup>25</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 57, 66, 72.
- <sup>26</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 88, л. 139; J. Bradley. Op. cit., p. 13; G. Brinkley. Op. cit., p. 27; А. И. Гукровский. Антанта и Октябрьская революция. М.—Л., 1931, стр. 126.
- <sup>27</sup> «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1921 гг.)». Сб. док. М., 1958, стр. 111—112; «Революционная Ставка», 24 декабря 1917 г.
- <sup>28</sup> R. H. Ullman. Op. cit., p. 43.
- <sup>29</sup> Цит. по: Г. Унк. Буржуазно-помещичья Румыния в антисоветских планах международного империализма (1917—1921). Канд. дисс. М., 1957, стр. 109, 82.
- <sup>30</sup> Э. Г. Ф. Валь. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Шербачева. Таллин, 1935, стр. 25.
- <sup>31</sup> «The Story of my Life by Marie, Queen of Roumania», vol. III. London, 1935, p. 290—291.
- <sup>32</sup> «Papes Relating to the Foreign Relations of the United States», vol. II, p. 607.
- <sup>33</sup> «История дипломатии», т. II. М., 1945, стр. 317.
- <sup>34</sup> «Дневник генерала М. Г. Дроздовского». Берлин, 1923, стр. 20, 29; «Донская волна», 1919, № 2 (30), стр. 5.
- <sup>35</sup> «Донская волна», 1919, № 17 (45), стр. 8.
- <sup>36</sup> «Белое дело», т. I, стр. 79; Т. Г. Масарик. Мировая революция. Воспоминания, т. I. Прага, 1926, стр. 212, 215; А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 213; П. Н. Милоков. Указ. соч., стр. 25.
- <sup>37</sup> ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 25, л. 2; И. Веселы. Чехи и словаки в революционной России. 1917—1920 гг. М., 1965, стр. 64.
- <sup>38</sup> «Воспоминания генерала А. П. Богаяевского. 1918 год. «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963, стр. 55—56, 82, 94; А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, стр. 140—141.
- <sup>39</sup> J. Bradley. Op. cit., p. 13, 16, 244; G. Brinkley. Op. cit., p. 27.
- <sup>40</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 151.
- <sup>41</sup> «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 24 декабря 1917 г.; «Правда», 24 декабря 1917 г.
- <sup>42</sup> «Социал-демократ», 7 декабря 1917 г.; «Правда», 12 декабря 1917 г.; «Наш век», 10 декабря 1917 г.
- <sup>43</sup> «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 67; «Донецкий пролетарий», 21 декабря 1917 г.
- <sup>44</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 25, л. 4.
- <sup>45</sup> «Приазовский край», 25 января 1918 г.; J. Bradley. Op. cit., p. 11; Л. Берз, К. Хмелевский. Указ. соч., стр. 87.
- <sup>46</sup> «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ноябрь 1917 — август 1922 г.)», т. I. М., 1973, стр. 45.
- <sup>47</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 17, л. 6.
- <sup>48</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 43.
- <sup>49</sup> ГАРО. Листовки ОФОР, папка 8, № 207.
- <sup>50</sup> «Донская волна», 1919, № 13 (41), стр. 3.
- <sup>51</sup> «Архив русской революции», т. V. Берлин, 1922, стр. 352.

- <sup>52</sup> «Донские известия», 12 апреля 1918 г.  
<sup>53</sup> А. А. Френкель. Указ. соч., стр. 13.  
<sup>54</sup> «Архив русской революции», т. VII. Берлин, 1922, стр. 185.  
<sup>55</sup> J. Bradley. Op. cit., p. 14.  
<sup>56</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 296—297.

Глава четвертая

## На Каледина!

### Мобилизация сил трудящихся Советской России на разгром калединской авантюры

<sup>1</sup> «Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Краткий очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИК по октябрь 1919 г.)», стр. 19—20.

<sup>2</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 24.

<sup>3</sup> «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 23 ноября 1917 г.; «Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов», стр. 26.

<sup>4</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 3, л. 2; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 97.

<sup>5</sup> «Деревенская беднота и трудовое казачество», 1 декабря 1917 г.; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 40.

<sup>6</sup> ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 21, л. 15.

<sup>7</sup> «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 170.

<sup>8</sup> В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 38; «Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов», стр. 27; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 17, л. 2; д. 19, л. 1; д. 20, л. 1; д. 23, л. 2.

<sup>9</sup> «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 199.

<sup>10</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 24, л. 5.

<sup>11</sup> См. В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 111; т. 38, стр. 198.

<sup>12</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 144.

<sup>13</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 110—111, 118; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 46, 50—52.

<sup>14</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 18.

<sup>15</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 21.

<sup>16</sup> ЦГАОР, ф. 375, оп. 1, д. 3, л. 3.

<sup>17</sup> «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 2, стр. 386, 445; «Донесения комиссаров Петроградского ВРК», стр. 149—151.

<sup>18</sup> В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 37; «Петроградский Военно-революционный комитет», т. 3, стр. 351.

<sup>19</sup> См. В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 361; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 110, 114.

<sup>20</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Док. и матер., т. 2. Минск, 1957, стр. 483; В. Д. Поликарпов. Революционные органы при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.). — «Исторические записки», т. 86, 1970, стр. 39—40.

<sup>21</sup> Цит. по: *В. Поликарпов*. Доклады В. А. Антонова-Овсенко в Совнарком (декабрь 1917 — январь 1918 г.). — «Военно-исторический журнал», 1973, № 3, стр. 70—71.

<sup>22</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 164, 166.

<sup>23</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 — февраль 1918 г.)», стр. 65, 82, 86, 88, 91, 94, 109.

<sup>24</sup> Там же, стр. 102, 117, 125, 468.

<sup>25</sup> *А. И. Деникин*. Указ. соч., стр. 211.

<sup>26</sup> «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 182; «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917—1918 гг.». М.—Л., 1963, стр. 267—268.

<sup>27</sup> «Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.». Сб. док. М., 1973, стр. 196, 208, 221, 245, 251, 263, 274, 279, 280, 423.

<sup>28</sup> «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. 1917—1918 гг.». Док. и матер. Баку, 1957, стр. 213, 230; «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Сб. док. Ереван, 1957, стр. 129, 141; «Борьба за победу Советской власти в Грузии (1917—1921 гг.)». Док. и матер. Тбилиси, 1958, стр. 165.

<sup>29</sup> ГАРО, фонд листовок ОФОР, папка 7, № 186; «Красная летопись», 1934, № 2 (59), стр. 77, 87; «Комиссары». М., 1964, стр. 320, 329; *Я. Г. Темкин*. Петроград в послеоктябрьские дни. Л., 1963, стр. 39—40; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 155; «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 593.

<sup>30</sup> *В. И. Старцев*. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1918 г.). М.—Л., 1965, стр. 278.

<sup>31</sup> «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 489; «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии». Док. и матер. М., 1958, стр. 91.

<sup>32</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 154.

<sup>33</sup> «Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии», т. 1. М., 1923, стр. 356, 358, 359; «Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 — февраль 1918 г.». Сб. истор. док. и матер. М., 1943, стр. 129.

<sup>34</sup> *В. Морозов*. От Красной гвардии к Красной Армии. М., 1958, стр. 49.

<sup>35</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 159, 160.

<sup>36</sup> *В. Поликарпов*. Комдив Саблин. — «Военно-исторический журнал», 1965, № 8, стр. 34; «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 43.

<sup>37</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 150, 151.

<sup>38</sup> «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии», стр. 100, 105; «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской обл.», 26 января 1918 г.; *Г. А. Цыпкин*. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1967, стр. 185; *А. Чечнева*. Полпред республики. М., 1965, стр. 38.

<sup>39</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 1; «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.». Сб. док. и матер. Воронеж, 1957, стр. 312.

<sup>40</sup> «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.», стр. 312; «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)», т. 1. М., 1971, стр. 23, 25.

<sup>41</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 38, л. 3, 4.

<sup>42</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 4, л. 6; «Очерки истории Воронежской организации КПСС». Воронеж, 1967, стр. 146.

<sup>43</sup> «1917 год в Царицыне». Сб. док. и матер. Сталинград, 1957, стр. 97; ГАРО, ф. 3690, оп. 1, д. 32, л. 124, 128.

<sup>44</sup> С. К. Минин. Город-боец. Шесть диктатур 1917 года (воспоминания о работе в Царицыне). Л., 1925, стр. 239; «За Советскую власть». Сб. воспоминаний участников революционных событий в Царицыне. Сталинград, 1957, стр. 111.

<sup>45</sup> «Октябрь в Царицыне». Сб. док. Волгоград, 1970, стр. 263, 264.

<sup>46</sup> С. К. Минин. Указ. соч., стр. 240.

<sup>47</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 24.

<sup>48</sup> «За Советскую власть», стр. 114; И. Романов, Н. Соколов. Очерки истории революции 1917 года в Царицыне. Саратов, 1932, стр. 91; Э. Генкина. Указ. соч., стр. 30; «Очерки истории Волгоградской партийной организации», кн. 1. Волгоград, 1966, стр. 172.

<sup>49</sup> В. П. Антонов-Саратовский. Под стягом пролетарской борьбы, т. 1. М.—Л., 1925, стр. 255; «1917 год в Саратовской губернии (февраль 1917—декабрь 1918 г.)». Сб. док. Саратов, 1957, стр. 630, 245; Г. Ф. Ходаков. Очерки истории Саратовской организации КПСС, ч. 1. 1898—1918. Саратов, 1968, стр. 350.

<sup>50</sup> «1917 год в Саратовской губернии (февраль 1917—декабрь 1918 г.)», стр. 264; В. П. Антонов-Саратовский. Указ. соч., стр. 255; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 59.

<sup>51</sup> «1917 год в Саратовской губернии (февраль 1917—декабрь 1918 г.)», стр. 271, 587.

<sup>52</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г.—февраль 1918 г.)», стр. 325; «1917 год в Ставропольской губернии». Ставрополь н/К, 1927, стр. 73; ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 20, л. 28.

<sup>53</sup> «Октябрь в Екатеринославе». Сб. док. и матер. Днепропетровск, 1957, стр. 227—228; «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 236, 261; «Большевистские организации Украины (ноябрь 1917—апрель 1918 г.)», стр. 263.

<sup>54</sup> «Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции (февраль—декабрь 1917 г.)». Сб. док. Харьков, 1947, стр. 196.

<sup>55</sup> «Победа Советской власти на Украине». М., 1967, стр. 443.

<sup>56</sup> Н. Гончаренко. Указ. соч., стр. 97.

<sup>57</sup> Подробнее о формировании красногвардейских отрядов в Донбассе и их действиях против Каледина см.: Х. Лукьянов. Красная гвардия Донбасса. Сталино, 1958; П. І. Гарчев. Червона гвардія України у Жовтневій революції. Харків, 1969.

<sup>58</sup> «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине». Сб. док. и матер. Киев, 1951, стр. 403—407.

<sup>59</sup> «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 266.

<sup>60</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 86; В. Я. Борщевский. Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции, ч. 2. Днепропетровск, 1962, стр. 129.

<sup>61</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 362.

<sup>62</sup> «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)», т. 1, стр. 762; *В. Я. Борщевский*. Указ. соч., стр. 138.

<sup>63</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 72, 74.

<sup>64</sup> «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)», т. 1, стр. 28.

<sup>65</sup> «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 65; *Я. Кайминь*. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918. Рига, 1961, стр. 384—385.

<sup>66</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 50, стр. 22.

<sup>67</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 4, л. 74.

<sup>68</sup> «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.)», стр. 378; «Вольный Дон», 3 января 1918 г.; «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 233.

<sup>69</sup> ЦГАОР, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 2.

<sup>70</sup> Цит. по: *В. А. Антонов-Овсеенко*. Указ. соч., стр. 103.

<sup>71</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 6, 24, 32; «Исторические записки», 1974, т. 94, стр. 344.

<sup>72</sup> «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сб. док., т. 3. Киев, 1957, стр. 117.

<sup>73</sup> Там же, стр. 112.

<sup>74</sup> «Борьба за власть Советов в Донбассе», стр. 276; «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1964, стр. 218.

<sup>75</sup> *А. Ракин*. Именем революции... М., 1965, стр. 103.

<sup>76</sup> «Красная летопись», 1934, № 2 (59), стр. 77, 80; *И. Ш. Черномаз*. Красногвардейцы Харькова в борьбе с кадетско-калединской контрреволюцией (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). — «Ученые записки. Труды кафедры истории КПСС Харьковского ун-та», 1964, т. 45, вып. II, стр. 49.

<sup>77</sup> *В. Поликарпов*. Калединщина и ее ликвидация. — «Военно-исторический журнал», 1968, № 3, стр. 22.

<sup>78</sup> Цит. по: *В. Я. Борщевский*. Указ. соч., стр. 140.

<sup>79</sup> «Ростовская речь», 11 января 1918 г.

## Отпор трудящихся Дона контрреволюции в декабре 1917 г.

<sup>1</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 243—246; «Рабочее дело», 8 декабря 1917 г.

<sup>2</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 165.

<sup>3</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 247; «Таганрогский вестник», 9 декабря 1917 г.; *Г. Панасий*. Шахтинские горняки на путях к Октябрю. Ростов-на-Дону, 1935, стр. 33; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 197.

<sup>4</sup> *В. И. Ленин*. ПСС, т. 35, стр. 159.

<sup>5</sup> *Г. Панасий*. Указ. соч., стр. 33.

<sup>6</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 203.

<sup>7</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 62, 63, 67; сб. 2, стр. 43; «Октябрь 1917 г.», стр. 37.

<sup>8</sup> «Полвека борьбы и побед», стр. 48; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 35.

<sup>9</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 64, 251.

<sup>10</sup> «Большевистские организации Украины (ноябрь 1917 — апрель 1918 г.)», стр. 353.

- 11 «Рабочее дело», 12 декабря 1917 г., 3 января 1918 г.; «Ростовская речь», 4 января 1918 г.
- 12 ПАРО, ф. 12, оп. 2, д. 49, л. 156; «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, стр. 43.
- 13 «Ростовская речь», 9 января 1918 г.
- 14 «Рабочее дело», 4 и 11 января 1918 г.
- 15 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 201; «Рабочее дело», 13 января 1918 г.
- 16 «Вольный Дон», 21 декабря 1917 г.; «Таганрогский вестник», 12 января 1918 г.
- 17 ЦГАСА, ф. 39578, оп. 1, д. 12, л. 109.
- 18 «Ростовская речь», 11 января 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 251, 255, 256, 258.
- 19 «Триумфальное шествие Советской власти», ч. II, стр. 177.
- 20 «Приазовский край», 29 декабря 1917 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 2819, л. 2.
- 21 «Рабочее дело», 30 декабря 1917 г.
- 22 В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 268—269.
- 23 ГАРО, фонд листовок ОФОР, п. 8, № 207.
- 24 Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде, листовка в экспозиции 20-го зала.
- 25 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 96.
- 26 «Известия областного ВРК Донской области» (№ 2), январь 1918 г.
- 27 ЦГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1012, л. 10.
- 28 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 116.
- 29 Там же, стр. 117.
- 30 «Вольный Дон», 17 января 1918 г.
- 31 ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 83, л. 3; «Известия областного ВРК Донской области» (№ 2), январь 1918 г.
- 32 «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 28 декабря 1917 г.
- 33 Там же; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 34, л. 2.
- 34 «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)», т. 1, стр. 31, 33.
- 35 ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 2819, л. 2.
- 36 ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 37, л. 20.
- 37 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 216, 217.
- 38 ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 19; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 81, д. 1, л. 7.
- 39 «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 142, 144.
- 40 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 208, 209.
- 41 ГАКК, ф. 411, оп. 2, д. 291, л. 10.
- 42 «Известия ВЦИК», 29 декабря 1917 г.; «Вольный Дон», 6 января 1918 г.
- 43 «Известия ВЦИК», 29 декабря 1917 г.
- 44 ГАРО, фонд листовок ОФОР, п. 8, № 207.
- 45 «Известия областного ВРК Донской области» (№ 2), январь 1918 г.
- 46 ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 42—43, 54; «Известия ВЦИК», 6 января 1918 г. (№ 1, экстренный выпуск).
- 47 В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 211.



## Ликвидация мятежа

Воронежское совещание делегатов Советов Дона.  
Каменский съезд фронтового казачества

- 1 «Известия областного ВРК Донской области» № 2, январь 1918 г.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 «Декреты Советской власти», т. I, стр. 350.
- 8 «Известия областного ВРК Донской области» № 2, январь 1918 г.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 215.
- 12 «За Советскую власть», стр. 183.
- 13 «Социалист-революционер» № 4, февраль 1918 г.
- 14 «Известия ВЦИК», 19 января 1918 г.
- 15 «Известия ВЦИК», 24 января 1918 г.
- 16 «Известия областного ВРК Донской области» № 2, январь 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 97, 98, 120, 124; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 217, 220.
- 17 «Борьба с калединщиной», стр. 8.
- 18 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 121, 154—155.
- 19 «Известия областного ВРК Донской области» № 2, январь 1918 г.
- 20 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 220.
- 21 «Известия областного ВРК Донской области» № 2, январь 1918 г.
- 22 «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 99, 157, 217; С. Ф. Найда. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1957, стр. 32; Н. Гончаренко. Октябрь в Донбассе. Луганск, 1961, стр. 242, и др.
- 23 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 220.
- 24 ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 25, л. 7.
- 25 В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 296.
- 26 «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 221; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 123, 218; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 2, д. 8, л. 2—3; оп. 81, д. 2, л. 16.
- 27 В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 206.
- 28 «Директивы командования фронтов Красной Армии», т. 1, стр. 38—40; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 207.
- 29 В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 32—33.
- 30 ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 79; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 210; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 158.
- 31 ЦГАОР, ф. 1235, оп. 2, д. 8, л. 2—4.
- 32 «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 363—364.
- 33 См. В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 289, 287.

<sup>34</sup> «Вольный Дон», 13 января 1918 г.; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 206.

<sup>35</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 218, 219. В сборнике этот документ ошибочно датируется 10 января, на самом деле он был составлен 14 января и предъявлен 15 января (ГАРО, ф. листовок ОФОР, п. 8, инв. № 207; «Вольный Дон», 17 января 1918 г.).

<sup>36</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 220—222; В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 205.

<sup>37</sup> Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде, листовка в экспозиции 20-го зала.

<sup>38</sup> В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 211.

<sup>39</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 231.

<sup>40</sup> В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 212, 209; «Красный архив», 1936, № 3 (76), стр. 28.

<sup>41</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 35; т. 35, стр. 321, 322, 323.

<sup>42</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 240; ГАРО, ф. 3440, оп. 1, д. 24, л. 204.

<sup>43</sup> Цит. по: В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч., стр. 240.

<sup>44</sup> «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 201, 241—242.

<sup>45</sup> «Казачий отдел ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов», стр. 33; ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 79; «Приказы Народного комиссариата по военным делам за 1918 г.», стр. 41.

<sup>46</sup> ЦГАОР, ф. 1235, оп. 81, д. 2, л. 16; ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 2819, л. 2.

<sup>47</sup> «Социал-демократ», 14 февраля 1918 г.; ГАРО, ф. 4071, оп. 1, д. 94, л. 7, 14, 16, 18, 21.

<sup>48</sup> Я. М. Свердлов. Избр. произв., т. 2. М., 1959, стр. 104.

## Январское наступление советских войск и выступление трудящихся Дона против каледиинцев

<sup>1</sup> «Донская волна», 1919, № 8 (36), стр. 6.

<sup>2</sup> «Ростовская речь», 11 января 1918 г.

<sup>3</sup> «Борьба с каледиинщиной», стр. 14, 15.

<sup>4</sup> Там же, стр. 12, 23, 24.

<sup>5</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 22, л. 31.

<sup>6</sup> «Рабочее дело», 10 января 1918 г.; «Социалист-революционер», 10 января 1918 г.; «Приазовский край», 18 января 1918 г.; «Ростовская речь», 9 января 1918 г.; «Таганрогский вестник», 12 января 1918 г.

<sup>7</sup> «Рабочее дело», 8 февраля 1918 г.

<sup>8</sup> А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 216.

<sup>9</sup> «Таганрогский вестник», 13 и 16 января 1918 г.

<sup>10</sup> «Ростовская речь», 16 января 1918 г.; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 225; «Борьба с каледиинщиной», стр. 18, 19, 13.

<sup>11</sup> «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 72, 73, 76; «Октябрь в Таганроге», стр. 29.

<sup>12</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 28, л. 12; «Рабочее дело», 16 января 1918 г.

<sup>13</sup> «История пролетарской борьбы в Таганроге», 1925, № 2, стр. 7, 38; «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 77, 78; «Таганрогский вестник», 28 января 1918 г.

<sup>14</sup> «Таганрогский вестник», 20 января 1918 г.; «Борьба с календинщиной», стр. 28, 29; «Октябрь в Таганроге», стр. 41, 44, 45; «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 78.

<sup>15</sup> «Таганрогский вестник», 20 января 1918 г.; «Октябрь в Таганроге», стр. 42.

<sup>16</sup> «Красные повстанцы (Из истории революционного крестьянского движения в Таганрогском округе). 1900—1919 гг.». Таганрог, 1927, стр. 31.

<sup>17</sup> «Социалист-революционер», 1918, № 4; «Рабочее дело», 16 января 1918 г.

<sup>18</sup> А. Суворин. Поход Корнилова. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 6; «Рабочее дело», 20 января 1918 г.

<sup>19</sup> «Ростовская речь», 18 января 1918 г.

<sup>20</sup> ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 18, л. 30; д. 20, л. 28; д. 26, л. 47; «Вольный Дон», 25 января 1918 г.

<sup>21</sup> «Рабочее дело», 19 и 20 января 1918 г.; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 228.

<sup>22</sup> «Социалист-революционер», 23 января 1918 г.

<sup>23</sup> «Рабочее дело», 23 января 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 223—224.

<sup>24</sup> «Рабочее дело», 23 января 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 225, 261; «Ростовская речь», 30 января 1918 г.

<sup>25</sup> «Вольный Дон», 26 января 1918 г.; «Приазовский край», 26 января 1918 г.

<sup>26</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 226.

<sup>27</sup> ЦГАОР, ф. 1256, оп. 1, д. 2, л. 10.

<sup>28</sup> «Ростовская речь», 17 января 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 262.

<sup>29</sup> «Приазовский край», 1, 4 и 8 февраля 1918 г.; «Красные повстанцы. 1900—1919 гг.», стр. 31.

<sup>30</sup> ЦГАОР, ф. 1256, оп. 1, д. 1, л. 30.

<sup>31</sup> «Вольный Дон», 16 и 27 января 1918 г.

<sup>32</sup> «Ростовская речь», 16 января 1918 г.; «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской обл.», 23 января 1918 г.; «Октябрь в Царицыне», стр. 289.

<sup>33</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 239; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 229.

<sup>34</sup> «Вольный Дон», 30 января и 4 февраля 1918 г.; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 104—105.

<sup>35</sup> «Вопросы истории КПСС», 1965, № 5, стр. 122.

<sup>36</sup> «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 33.

<sup>37</sup> В. Н. Томарев. Пролетариат Царицына в борьбе за власть Советов. Сталинград, 1957, стр. 75.

<sup>38</sup> ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 446, л. 38.

<sup>39</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 3, д. 82, л. 1—2; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 76—77.

<sup>40</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 245.

<sup>41</sup> «Октябрь в Царицыне», стр. 300; С. М. Буденный. Пройденный путь. М., 1958, стр. 43.

<sup>42</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 1, д. 344, л. 3.

<sup>43</sup> «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 245; Э. Генкина. Указ. соч., стр. 43.

<sup>44</sup> «Известия революционных войск», 17 февраля 1918 г.

<sup>45</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 50, стр. 43.

<sup>46</sup> «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине», стр. 88.

<sup>47</sup> «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг.», стр. 96—102, 111, 112.

### Агония калединщины

<sup>1</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 229, 230.

<sup>2</sup> В. Волин. Указ. соч., стр. 37.

<sup>3</sup> «Вольный Дон», 1 февраля 1918 г.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> «Приазовский край», 31 января 1918 г.

<sup>6</sup> «Донская волна», 1918, № 4, стр. 2—3; «Донская летопись» № 2, стр. 206.

<sup>7</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 230.

<sup>8</sup> Там же, стр. 241, 231, 232; «Донская волна», 1918, № 4, стр. 2, 3.

<sup>9</sup> «Постановления частного совещания депутатов Войскового круга войска Донского. 30 января — 5 февраля 1918 г.», стр. 2—4; «Вольный Дон», 1, 2 и 4 февраля 1918 г.

<sup>10</sup> «Вольный Дон», 7 февраля 1918 г.

<sup>11</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 237—238, 242.

<sup>12</sup> «Донская летопись» № 2, стр. 266.

<sup>13</sup> ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 19, л. 14, 25; д. 17, л. 31, 42; ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 25, л. 7; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 139.

<sup>14</sup> ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 19, л. 25; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 133, 134, 139.

<sup>15</sup> «Рабочий и солдат», 2 февраля 1918 г.

<sup>16</sup> ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 19, л. 25; д. 20, л. 20, 52.

<sup>17</sup> «Донская волна», 1918, № 18, стр. 14; «Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.)». Сб. док. и матер. Ставрополь, 1968, стр. 220.

<sup>18</sup> «Известия Ростово-Нахичеванского на Дону ВРК», 3 марта 1918 г.

<sup>19</sup> «Рабочий и солдат», 11 февраля 1918 г.

<sup>20</sup> «Рабочий и солдат», 15 февраля 1918 г.; «Известия Ростово-Нахичеванского на Дону ВРК», 27 февраля 1918 г.

<sup>21</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 3, д. 1203, л. 2; «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 79—80; ЦГВИА, ф. 2369, оп. 1, д. 26, л. 16.

<sup>22</sup> «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 47; «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3, стр. 159.

<sup>23</sup> Цит. по: «Военно-исторический журнал», 1968, № 3, стр. 24.

<sup>24</sup> «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 годах». Воспоминания и документы. Рига, 1962, стр. 50; «Известия революционных войск». 24 февраля 1918 г.; «Известия Ростово-Нахичеванского на Дону ВРК», 27 февраля 1918 г.

<sup>25</sup> «Директивы командования фронтов Красной Армии», т. 1, стр. 54.

<sup>26</sup> «Из истории борьбы за установление Советской власти», стр. 50.

<sup>27</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 580.

<sup>28</sup> ЦГАОР, ф. 8415, оп. 1, д. 9, л. 249.

<sup>29</sup> ЦГАСА, ф. 14, оп. 1, д. 15, л. 16, 17.

<sup>30</sup> «Известия революционных войск», 24 февраля 1918 г.; «Рабочее дело», 10 февраля 1918 г.; «Правда», 23 февраля 1918 г.

<sup>31</sup> «Начало гражданской войны», стр. 31, 73; *А. Суворин. Указ. соч.*, стр. 62; *А. И. Деникин. Указ. соч.*, стр. 222.

<sup>32</sup> «Рабочее дело», 11 февраля 1918 г.; «Известия Ростово-Нахичеванского на Дону ВРК», 3 марта 1918 г.

<sup>33</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 50, стр. 46; «Биохроника В. И. Ленина», т. 5, стр. 275.

<sup>34</sup> «Помнят степи донские». Сб. воспоминаний, Ростов-на-Дону, 1967, стр. 135.

<sup>35</sup> ПАРО, ф. 12, оп. 1, д. 343, л. 1.

<sup>36</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 2446, л. 36.

<sup>37</sup> ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 36, л. 4; «Борьба за власть Советов на Дону», стр. 266—267.

<sup>38</sup> *Э. Генкина. Указ. соч.*, стр. 44; *В. Н. Томарев. Указ. соч.*, стр. 76.

<sup>39</sup> «Постановления Малого войскового круга войска Донского второго созыва. Сессия первая. 6—12 февраля 1918 г.», стр. 27, 29, 30.

<sup>40</sup> «Пролетарская революция на Дону», сб. 4, стр. 236, 237.

<sup>41</sup> *В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч.*, стр. 262.

<sup>42</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 50, стр. 365—366.

<sup>43</sup> *В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч.*, стр. 266—267; «Донская летопись» № 2, стр. 321, 322.

<sup>44</sup> «Донская волна», 1918, № 14, стр. 1—3; 1919, № 8 (36), стр. 3; «Постановления Малого войскового круга войска Донского второго созыва. Сессия первая. 6—12 февраля 1918 г.», стр. 30—32.

<sup>45</sup> См. *В. И. Ленин. ПСС*, т. 50, стр. 365—366.

<sup>46</sup> См. *В. И. Ленин. ПСС*, т. 35, стр. 393.

## Заключение

<sup>1</sup> «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 8.

<sup>2</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 35, стр. 393.

<sup>3</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 36, стр. 95.

<sup>4</sup> Там же, стр. 128.

<sup>5</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 39, стр. 302.

<sup>6</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 35, стр. 269.

<sup>7</sup> См. *В. И. Ленин. ПСС*, т. 36, стр. 128.

<sup>8</sup> Там же, стр. 402.

<sup>9</sup> Там же, стр. 95.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> *В. И. Ленин. ПСС*, т. 37, стр. 122.

<sup>12</sup> *Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, стр. 36.*

# ОГЛАВЛЕНИЕ

|                |   |
|----------------|---|
| ВВЕДЕНИЕ . . . | 3 |
|----------------|---|

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### **КАЗАЧЬЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КАНУН И ДНИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ**

|   |    |
|---|----|
| Подготовка «второй корниловщины» на Дону . . . . .      | 14 |
| Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и казаки | 30 |
| Генерал Каледин начинает мятеж . . . . .                | 56 |

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### **БОРЬБА ДОНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ МЯТЕЖНИКОВ В НОЯБРЕ 1917 Г.**

|   |    |
|---|----|
| Расстановка и соотношение классовых сил на Дону . . .           | 66 |
| Попытка блока большевиков с мелкобуржуазными партиями . . . . . | 76 |
| Захват мятежниками Ростова и других районов Дона . .            | 93 |

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### **В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ**

|  |     |
|--|-----|
| Консолидация сил калединско-корниловской контрреволюции . . . . .                                    | 109 |
| Роль империалистов Антанты и США в разжигании калединского мятежа и зарождении добровольческой армии | 121 |

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### **НА КАЛЕДИНА!**

|   |     |
|---|-----|
| Мобилизация сил трудящихся Советской России на разгром калединской авантюры . . . . . | 135 |
| Отпор трудящихся Дона контрреволюции в декабре 1917 г.                                | 156 |

## ЛИКВИДАЦИЯ МЯТЕЖА

|   |     |
|---|-----|
| Воронежское совещание делегатов Советов Дона. Каменский съезд фронтового казачества . . . . .   | 172 |
| Январское наступление советских войск и выступление трудящихся Дона против калединцев . . . . . | 190 |
| Агония калединщины . . . . .  | 201 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . .  | 214 |
| ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА . . . . .  | 218 |

**Кириенко Ю. К.**

К 43      Крах калединщины. М., «Мысль», 1976.  
246 с.

В монографии прослеживаются действия революционных войск, нарастание борьбы рабочего класса и крестьянства Дона против антинародного калединского режима. Значительное место отводится вопросу революционизирования казачьих фронтовых полков, отходу основной массы трудового казачества от контрреволюционного войскового правительства, что предопределило быстрый крах мятежа. В работе показывается роль ЦК РСДРП(б), СНК, В. И. Ленина и местных большевистских организаций в мобилизации сил трудящихся Советской России на подавление контрреволюционной авантюры генерала Каледина.

К  $\frac{10604-104}{004(01)-76}$  68-76

9(С)21



**КИРИЕНКО ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ**

## **КРАХ КАЛЕДИНЩИНЫ**

**Заведующий редакцией В. С. Антонов**

**Редактор Г. И. Пылаева**

**Младший редактор С. С. Игиатова**

**Оформление художника А. Ф. Сергеева**

**Художественный редактор В. А. Захарченко**

**Технический редактор Л. Е. Анникаева**

**Корректор С. С. Новицкая**

Сдано в набор 8 декабря 1975 г. Подписано в печать 17 марта 1976 г.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага тип. № 1. Усл. печатных листов 13,02. Учетно-  
издательских листов 13,97. Тираж 23 000 экз. А 08056. Заказ № 2007.  
Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5  
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров  
СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленин-  
град, Центр. Красная ул., 1/3.